УНИВЕРСИТЕТСКО ИЗДАТЕЛСТВО „СВ. КЛИМЕНТ ОХРИДСКИ“
УНИВЕРСИТЕТСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ИМ. СВ. КЛИМЕНТА ОХРИДСКОГО
ST. KLIMENT OHRIDSKI UNIVERSITY PRESS

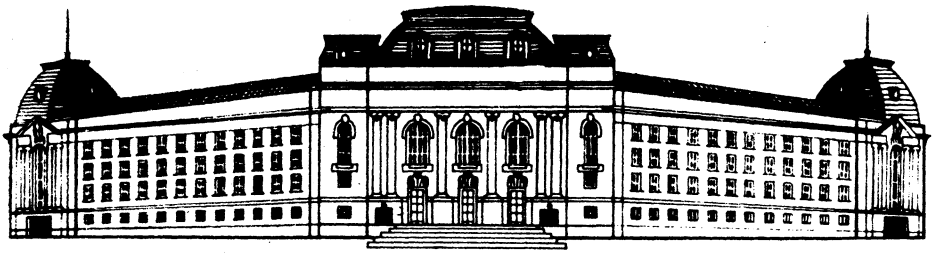
1/2026

Съпоставително езикознание

Сопоставительное языкознание

Contrastive Linguistics

ISSN 0204-8701 (печатно издание)
ISSN 3033-0440 (онлайн издание)



Съпоставително езикознание

СПИСАНИЕ НА СОФИЙСКИЯ УНИВЕРСИТЕТ „СВ. КЛИМЕНТ ОХРИДСКИ“
LI, 2026, № 1

Отговорни редактори на броя
Олга Инкова, Биляна Михайлова и Екатерина Търпоманова

СЪДЪРЖАНИЕ

Olga Inkova – Presentation des numeros thematiques 5

СЪПОСТАВИТЕЛНИ ИЗСЛЕДВАНИЯ

Petya Assenova, Zlatka Guentchéva – Convergences et divergences romano-slaves dans le domaine de la possession 9
Александр Летучий, Елена Никишина – Притяжательные и аргументные местоимения при отглагольных существительных в русском и французском языках 22
Małgorzata Nowakowska – L'aspect en polonais et en français à la lumière de la théorie de Karolak..... 36
Luisa Ruvoletto – A proposito dei predicati di tipo *achievement* in russo e in italiano 48
Olga Artyushkina – Imminence et modalité apprehensive : marqueurs discursifs en russe et ukrainien et leurs equivalents en français..... 57
Petra Macurová – I verbi di riporto nell'inciso del discorso diretto. Uno studio contrastivo tra il ceco e l'italiano 67
Angelina Biktchourina – Description des phrasèmes interactifs sous le prisme des énoncés en incise : une approche contrastive russe-français..... 77
Marina di Filippo – Il cerchio si allarga. La polisemia di *около*..... 86

Thierry Ruchot – L'apposition : une relation rhétorique d'arrière-plan en français et en russe 97
Роман Говорухо – Синтаксис повести «Пиковая дама» и ее переводов на итальянский язык 105

ДИСКУСИИ, ОБЗОРИ, НАУЧНИ СЪОБЩЕНИЯ

Анастас Герджиков – Употребата на времената в условните изречения с индикатив в латинския език 117

РЕЦЕНЗИИ И АНОТАЦИИ

Е. Тилев. Повърхнинният падеж в руския език: валентност и потенции (Стоян Буров) 136
Е. Меснянкина. Языковая игра в дискурсе неофициального Интернета (Владимир Манчев)..... 139
Е. Крейчова, Н. Сталянова. Изследвания по славянска фразеология (Лилия Желева).. 142
Д. Младенова. От лингвистична география към ареална лингвистика. Теория и практика на анализа на късни явления в българския език (Василка Алексова)..... 145
M. di Filippo, O. Inkova, P. Macurová (eds.) Architetture testuali. Simmetrie e asimmetrie a confronto (Марина ди Филипо) 148
Отговорността пред езика. Книга 10. Сборник, посветен на 65-годишнината на проф. д-р Димитър Попов (Красимира Алексова) 153

ХРОНИКА

Красимира Чакърова, Милена Видралска – Международната научна конференция *Паисиеви четения 2025* – форум на евристичните идеи в лингвистиката и литературознанието 160

Ответственные редакторы
Ольга Инькова, Биляна Михайлова и Екатерина Тырпоманова

СОДЕРЖАНИЕ

Ольга Инькова – Представление тематического номера 5

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Petya Assenova, Zlatka Guentchéva – Convergences et divergences romano-slaves dans le domaine de la possession 9
Александр Летучий, Елена Никишина – Притяжательные и аргументные местоимения при отглагольных существительных в русском и французском языках . 22
Małgorzata Nowakowska – L'aspect en polonais et en français à la lumière de la théorie de Karolak 36
Luisa Ruvoletto – A proposito dei predicati di tipo *achievement* in russo e in italiano 48
Olga Artyushkina – Imminence et modalité apprehensive : marqueurs discursifs en russe et ukrainien et leurs equivalents en français 57
Petra Macurová – I verbi di riporto nell'inciso del discorso diretto. Uno studio contrastivo tra il ceco e l'italiano 67
Angelina Biktchourina – Description des phrasèmes interactifs sous le prisme des énoncés en incise : une approche contrastive russe-français 77
Marina di Filippo – Il cerchio si allarga. La polisemia di *около* 86
Thierry Ruchot – L'apposition : une relation rhétorique d'arrière-plan en français et en russe 97
Роман Говорухо – Синтаксис повести *Пиковая дама* и ее переводов на итальянский язык 105

ДИСКУССИИ, ОБЗОРЫ, НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Анастас Герджиков – Употребление временных форм в условных предложениях с индикативом в латинском языке 117

РЕЦЕНЗИИ И АННОТАЦИИ

Е. Тилев. Поверхностный падеж в русском языке: валентность и потенции (Стоян Буров) .. 136
Е. Меснянкина. Языковая игра в дискурсе неофициального Интернета (Владимир Манчев) 139
Е. Крейчова, Н. Сталянова. Исследования по славянской фразеологии (Лилия Желева) 142
Д. Младенова. От лингвистической географии к ареальной лингвистике. Теория и практика анализа поздних явлений в болгарском языке (Василка Алексова) 145
M. di Filippo, O. Inkova, P. Macurová (eds.) Architetture testuali. Simmetrie e asimmetrie a confronto (Марина ди Филипо) 148
Ответственность перед языком. Книга 10. Сборник, посвященный 65 годовщине проф. д-ра Димитра Попова (Красимира Алексова) 153

ХРОНИКА

Красимира Чакырова, Милена Видралска – Международная научная конференция *Паисиевы чтения 2025* – форум эвристических идей в лингвистике и литературоведении 160

Guest-editors of the thematic issue
Olga Inkova, Bilyana Mihaylova, Ekaterina Tarpomanova

CONTENTS

CONTRASTIVE STUDIES

Petya Assenova, Zlatka Guentchéva – Romano-Slavic convergences and divergences in the field of possession 9
Alexander Letuchiy, Elena Nikishina – Possessive and argument pronouns with deverbal nouns in Russian and French 22
Małgorzata Nowakowska – Aspect in Polish and French in the light of Karolak's theory 36
Luisa Ruvoletto – On *achievement* predicates in Russian and in Italian 48
Olga Artyushkina – Proximative and apprehensive modality: discursive markers in Russian and Ukrainian and their equivalents in French 57
Petra Macurová – Reporting verbs in direct speech. A contrastive study between Czech and Italian 67
Angelina Biktchourina – Description of interactive phrasemes through the lens of reporting clauses: a contrastive Russian-French approach 77
Marina di Filippo – The circle widens. The polysemy of *около* 86
Thierry Ruchot – Apposition: a backgrounded rhetorical relation in French and Russian 97
Roman Govorukho – The syntax of the tale *The queen of spades* and its translations into Italian 105

DISCUSSIONS, REVIEWS AND ANNOUNCEMENTS

Anastas Gerdzhikov – The use of tenses in conditional sentences with the indicative in Latin 117

REVIEWS AND ANNOTATIONS

E. Tilev. Surface case in Russian: valencies and potentialities (Stoyan Burov) 136
E. Mesnyankina. Language games in the informal discourses of the Internet (Vladimir Manchev) 139
E. Krejčová, N. Stalyanova. Studies in Slavic phraseology (Lilia Zheleva) 142
D. Mladenova. From Linguistic Geography to Areal Linguistics. Theory and Practice of the Analysis of Late Phenomena in the Bulgarian Language (Vasilka Aleksova) 145
M. di Filippo, O. Inkova, and P. Macurová (eds.) Textual Architectures: A Comparison of Symmetries and Asymmetries (Марина ди Филипо) 148
Responsibility to Language. Book 10. A Collected Volume Dedicated to the 65th Anniversary of Prof. Dr. Dimitar Popov (Krasimira Aleksova) 153

EVENTS

Krasimira Chakarova, Milena Vidralska — The International Conference *Paisii Readings* 2025: A Forum for Heuristic Ideas in Linguistics and Literary Studies 160

https://doi.org/10.60056/SE.2026.1.5-8

PRESENTATION DES NUMEROS THEMATIQUES

Olga Inkova

Les deux numéros thématiques de cette année accueillent une sélection de textes présentés au IXe colloque international « Architecture du texte » organisé par le Groupe d'études en linguistique textuelle contrastive langues slaves – langues romanes (GELiTeC). Ce n'est pas la première collaboration du groupe d'étude et de la revue. En 2015 la revue accueille dans son deuxième numéro le compte rendu de P. Assenova du volume *L'architettura del testo. Studi contrastivi slavo-romanzi* (sous la direction d'O. Inkova, M. di Filippo et F. Esvan) issu à la suite du IIIe colloque qui s'est tenu à Procida (filiale de l'université « L'Orientale » de Naples) en 2013. En 2017 sort un numéro thématique (n°4) avec une sélection de contributions au Ve colloque du groupe, qui s'est tenu la même année à l'université de Genève, consacrées aux marqueurs discursifs dans les langues slaves et romanes. Le premier numéro de 2026 accueille le compte rendu de M. di Filippo du volume *Architetture testuali. Simmetrie e asimmetrie a confronto* (sous la direction de M. di Filippo, O. Inkova, P. Macurová) avec les contributions au VIIIe colloque du groupe qui a de nouveau eu lieu à Procida en 2023.

Le IXe colloque s'est tenu les 15-17 mai 2025 à l'Université de Sofia « Saint Clément d'Ohrid ». Les contributions des deux numéros thématiques reflètent les axes de recherche du groupe devenus désormais traditionnels : la description contrastive – et sous des angles différents – des faits de langues slaves et romanes et des moyens dont elles disposent pour assurer la cohésion et la cohérence du texte.

Le premier numéro s'organise autour des phénomènes morpho-syntaxiques des langues slaves et romanes. La contribution de Petya Assenova et Zlatka Guentchéva, ainsi que celle d'Alexander Letuchiy et Elena Nikishina s'intéressent à l'expression de la catégorie de possession. P. Assenova et Z. Guentchéva analysent les constructions à possesseur externe au datif dans trois langues romanes (le roumain, le français et l'italien) et une langue slave (le bulgare). Elles montrent que, bien que ces constructions soient présentes dans toutes les quatre langues, elles manifestent certaines différences, notamment quant aux fonctions de l'article défini dans l'expression de la possession. L'étude d'A. Letuchiy et E. Nikishina examine l'emploi des pronoms argumentatifs et possessifs dans les nominalisations en russe et en français. Dans les deux systèmes, les pronoms possessifs sont employés par défaut dans les nominalisations, tandis que les pronoms argumentatifs ne sont utilisés que

dans certains contextes liés à la focalisation sémantique. Toutefois, certains autres facteurs ont également un impact sur le choix de pronom, dont le parallélisme syntaxique, la présence d'une subordonnée ou encore la classe sémantique à laquelle appartient la nominalisation.

Le verbe et ses propriétés grammaticales et sémantiques sont au centre des deux contributions suivantes. L'étude de Małgorzata Nowakowska porte sur l'aspect en polonais et en français. Si la morphologie verbale du polonais, comme dans beaucoup de langues slaves, manifeste clairement l'opposition entre perfectivité et imperfectivité, celle du français possède des formes qui expriment l'opposition entre résultativité et non-résultativité. Cette différence dans la grammaticalisation des propriétés aspectuelles pose des problèmes d'analyse que l'auteure cherche à résoudre à partir de la théorie de l'aspect de Stanisław Karolak. Luisa Ruvoletto choisit pour son étude les prédicats d'*achievement* (dans la classification de Z. Vendler) en russe et en italien, en analysant la relation entre ce type de prédicats qui, malgré leur caractère ponctuel, présentent une certaine scalarité dans l'ancrage temporel de la situation, et les expressions adverbiales et temporelles présentes dans les énoncés. L'auteure se concentre sur les cas où l'italien utilise la périphrase progressive "*stare* + gérondif" à valeur processuelle dans les énoncés où le russe ne permet pas d'utiliser l'aspect imperfectif avec la même valeur.

Olga Artyushkina étudie l'expression de l'imminence par les marqueurs discursifs en russe et ukrainien, en particulier par le marqueur discursif russe *того и гляди* qui est lié dans la plupart de ses emplois à l'expression de l'appréhension. Le corpus parallèle russe-ukrainien fait apparaître une assez grande variété dans les équivalents de ce marqueur en ukrainien, ce qui soulève notamment le problème de la grammaticalisation de ces structures discursives. L'analyse contrastive avec le français fait ressortir que l'imminence est souvent exprimée par le futur périphrastique qui possède une série de caractéristiques en commun avec les marqueurs discursifs étudiés.

Les études de Petra Macurovà et d'Angelina Biktchourina sont consacrées aux verbes en incise qui introduisent le discours direct, en comparant, respectivement, le tchèque et l'italien et le russe et le français. P. Macurovà, en s'appuyant sur les données de corpus, montre que si l'italien utilise à ces fins des verbes de la classe *verba dicendi*, le tchèque possède un répertoire plus vaste de moyens linguistiques, qui sortent de cette classe sémantique, par exemple, des verbes qui décrivent des gestes qui accompagnent le discours. A. Biktchourina se penche sur un cas particulier de ces incises : celles qui introduisent des phrasèmes interactifs contenus dans le discours direct. En croisant des données issues d'un corpus parallèle et de corpus monolingues, l'auteur montre que les incises contribuent à déterminer leur valeur interactive, par exemple, le rapport affectif du locuteur à l'énoncé, la précision de sa visée illocutoire ou perlocutoire ou encore la réaction à l'énoncé précédent.

Marina di Filippo s'intéresse à la préposition russe *около* dans une perspective contrastive avec l'italien. Il ressort de son étude que la nature polysémique de

около, son imprécision intrinsèque, notamment en tant qu'indicateur de proximité spatiale et d'approximation numérique, produit en italien une série multiforme de solutions de traduction mises en évidence par l'analyse contrastive.

Les articles de Thierry Rucnot et de Roman Govorukho, qui closent le premier numéro, sont consacrées à des phénomènes syntaxiques. Celui de Th. Ruchot examine les structures appositives, qui restent très peu étudiées. L'auteur en propose une définition fondée sur la notion d'énoncé de fond et identifie certaines différences entre le français et le russe, où cette catégorie est plus restreinte. L'étude de R. Govorucho porte sur la syntaxe de la nouvelle d'A. Pouchkine *Dame de pique*. L'auteur analyse dix-sept traductions de cette nouvelle en italien du point de vue de l'isomorphisme syntaxique des deux systèmes linguistiques, en tenant compte des particularités du style de Pouchkine et des normes discursives de l'italien.

Les contributions du deuxième numéro sont consacrées à l'organisation du texte et, plus exactement, aux fonctions textuelles des structures syntaxiques, des temps verbaux, des connecteurs et des marqueurs discursifs.

L'étude de Francesca Biagini examine les propositions relatives introduites par un pronom renvoyant à une phrase entière en russe et en italien, en particulier les structures qui apparaissent en cas d'asymétrie entre deux langues. Les données montrent qu'en russe, des constructions paratactiques remplacent parfois les constructions hypotactiques attendues, tandis qu'en italien, des subordonnées exprimant le but, la cause ou la modalité sont également fréquentes. Sebastiano Scarpel, quant à lui, compare la traduction du « *quando* inversé » en italien et en polonais, en analysant comment la valeur aspectuelle des verbes employés influence cette construction particulière et, plus généralement, la relation entre le premier plan et l'arrière-plan narratifs.

Les connecteurs et les marqueurs discursifs sont au centre des quatre contributions suivantes. Olga Inkova examine du point de vue contrastif l'adverbe et la conjonction russe *пока*, en montrant que malgré la grande variété des équivalents de ce lexème en français et en italien, qui reflètent sa polyfoncitonnalité et sa polysémie, il est possible de dégager une constante sémantique commune à tous ses emplois. Nataliia Popkova s'intéresse à l'évolution sémantique des formules figées russe *прости(,) Господи* et espagnole *(Que) Dios (me) perdone*. L'analyse contrastive permet de conclure que si en russe, la formule subit un glissement de la fonction vocative initiale à une fonction métadiscursive (affaiblissement de la composante religieuse et la fonction de préservation de la face de l'interlocuteur), en espagnol, la fonction d'origine est préservée, mais la formule coexiste à côté du connecteur composé *(Que) Dios me perdone, pero*. Irina Kobozeva compare les marqueurs restrictifs français, notamment l'adverbe *seulement* et l'adjectif *seul*, avec leurs équivalents russes les plus proches – la particule *только* et l'adjectif *один*. Les données du corpus permettent de constater la fréquence significativement plus

élevée des lexèmes russes, ce qui s'explique, d'une part, par le fait que le français possède également la structure restrictive *ne... que*, qui ne peut pas être annotée automatiquement ; de l'autre, par la plus grande polysémie et polyfonctionnalité des lexèmes russes de ce type. Enfin, l'étude d'Ekaterina Tarpomanova et Bilyana Mihaylova est consacrée à deux conjonctions de coordination : la bulgare *a* et la roumaine *iar*, afin d'identifier leurs affinités et différences dans l'expression des relations conjonctives et adversatives.

Christine Bonnot compare les marqueurs linguistiques qui, en russe et en français, permettent de signaler un changement de point de vue narratif tout en préservant la cohérence du texte. Le russe recourt à certaines 'inversions' de l'ordre canonique des mots (par exemple, la postposition d'un déterminant pronominal dans un syntagme nominal initial) pour superposer à la position du narrateur principal celle d'un narrateur-observateur présentant la scène en question, alors que, dans les mêmes contextes, le français utilise l'alternance des temps verbaux (plus-que-parfait *vs* passé simple) ou diverses structures de subordination pour expliciter les relations temporelles et logiques qui demeurent implicites en russe.

Annalisa Di Santo examine l'architecture textuelle de deux plaidoiries prononcées et retranscrites dans des affaires de féminicide (première moitié du XXe siècle) : celle de l'avocat S.A. Andreevskij dans l'affaire Andreev (Empire russe) et celle de l'avocat Alfredo De Marsico dans l'affaire Di Candia (Italie). Cette étude vise, entre autres, à jeter les bases d'une étude contrastive systémique du discours judiciaire, ouvrant de nouvelles perspectives de recherche sur la cohérence des textes argumentatifs italiens et russes.

Les deux dernières études du numéro, celles d'Anna Bonola et de Nataliya Stoyanova abordent la question, plus qu'actuelle, de fiabilité de la traduction automatique. En analysant les traductions automatiques du russe vers l'italien, les deux études montrent que, bien que les systèmes de traduction automatique ne cessent d'évoluer, ils présentent toujours un certain nombre de limites, notamment en ce qui concerne la traduction des marqueurs discursifs (A. Bonola) et de composante pragmatique du texte (N. Stoyanova).

Prof. Olga Inkova, PhD
Université de Genève
Unité de russe
Département des Langues et des littératures méditerranéennes, slaves et orientales
Bâtiment des Philosophes
22, bvd des Philosophes
e-mail: Olga.Inkova@unige.ch

https://doi.org/10.60056/SE.2026.1.9-21

CONVERGENCES ET DIVERGENCES ROMANO-SLAVES DANS LE DOMAINE DE LA POSSESSION

Petya Assenova
Université « St. Kliment Ochridski » Sofia
Zlatka Guentchéva
CNRS – France

ROMANO-SLAVIC CONVERGENCES AND DIVERGENCES IN THE FIELD OF POSSESSION

Petya Assenova
Université « St. Kliment Ochridski » Sofia
Zlatka Guentchéva
CNRS – France

This article dials with *external dative possessor* in three Romance languages (Romanian, French, Italian) and one Slavic language (Bulgarian). This type of possessive constructions is considered a characteristic feature of Romance languages and Bulgarian.
Our goal is to analyse the notion of possession in these constructions from both a syntactic and semantic point of view, and to compare the expression of possession and the role of the article and some differences that arise with or without articles in the constructions with *external dative possessor* in the languages under consideration.

Key words: alienable/inalienable possession, dative external possessor, definite/indefinite article, Bulgarian, Romanian

В статье анализируются конструкции с «внешним посессором» в дательном падеже на материале трёх романских языков (румынского, французского, итальянского) и

одного славянского языка (болгарского). Данный тип посессивных конструкций считается характерным для романских языков и болгарского.
Настоящее исследование направлено на анализ выражения концепта посессивности в указанных конструкциях с синтаксической и семантической точек зрения, а также на выявление функций определённого артикля в выражении принадлежности. Чтобы продемонстрировать важную роль использования артикля,анализируются некоторые различия, возникающие при выражении посессивности в его присутствии и отсутствии в рассматриваемых языках.

Depuis la distinction binaire de possession inaliénable/aliénable introduite dans les langues mélanésiennes par L. Lévy-Bruhl (1914) et l'étude de Ch. Bally (1926) sur les relations possessives dans les langues indo-européennes anciennes et modernes, de nombreuses études ont été menées pour analyser la façon dont les constructions possessives et, plus particulièrement, la possession inaliénable, se structurent aussi bien du point de vue syntaxique que sémantique (Creissels, 1979; Seiler, 1983; Ivanov, 1989; Chappell & McGregor (eds), 1996; König & Haspelmath, 1998; Haspelmath, 1999, 2001; Lamiroy, 2001, 2015; Cinque & Krapova, 2009; Krapova & Dimitrova, 2024, parmi bien d'autres).

Nous nous proposons de:

● comparer et analyser les *constructions à possesseur externe au datif* dans trois langues romanes (roumain, français, italien) et une langue slave (bulgare) ;

● dégager les cas de convergence, tout particulièrement dans les constructions de possession où « l'emploi du datif va de pair avec une topicalisation ou une thématisation du possesseur » (Lamiroy, 2001, p. 85, 2015; Popescu-Ramirez & Tasmowski-De Ryck, 1988; Nitsolova, 2013).

1. *Nature syntaxique et sémantique de la construction à possesseur externe au datif (PED)*

Dans cette construction, le clitique datif ne fait pas partie du schéma argumental du verbe mais il y est obligatoire et fonctionne comme un véritable argument dans le schéma du verbe: le datif prend place immédiatement soit avant, soit après le verbe, ce qui met bien en évidence que, du point de vue syntaxique, le pronom datif est lié au verbe mais que du point de vue sémantique, il réfère au nom de l'objet possédé:

(1) It *L'altra madre **le** accarezzò i capelli con le sue lunghe dita.* (*Coraline*, p. 61)[1]
Fr *L'autre mère **lui** caressa les cheveux avec ses longs doigts.*
Roum *Cealaltă mamă **și**-a mângâiat părul cu degetele lungi.*
Bg *Другата майка **ѝ** погали коса**та** с дългите **си** пръсти.*

Comme dans cette structure, le datif réunit un possesseur humain, une entité inaliénable et un procès dynamique affectant le possesseur, il se trouve dans une

[1] N. Gaiman, *Coraline*, trad. en italien par M. Bartocci. Milano 2015.

position plus thématique que le pronom adnominal dans le syntagme nominal (SN) possessif, ce qui correspond à la hiérarchie de topicalisation proposée par T. Givon (1976):

(2) Bg (a) *Той* ***ми*** (1sg.DAT) *счупи / изви / ухапа пръста. vs*.
Той счупи / изви / ухапа пръста ***ми*** (1sg.DAT)**.**
(b) *Изгориха* ***му*** (3sg.DAT) *къщата. vs.*
Изгориха къщата ***му*** (3sg.DAT) *// Къщата* ***му*** (3sg.DAT) *изгориха.*

(3) Fr (a) *Il* ***lui*** *a pris la main.* *vs*. *Il a pris* ***sa*** *main.*
(b) *Je lui serre la main gauche*. *vs. Je serre sa main robuste.* (Bally, 1926, p. 7)

(4) Roum ***Îmi*** (1sg.DAT) *închei cămaşa*. (Manoliu-Manea, 1996, p. 722)
'Je suis en train de boutonner ma chemise'
= Bg *Закопчавам* ***си*** (se DAT) *блузата vs*. *Закопчавам блузата* ***си***

Dans les cas où le possesseur ne peut être considéré comme « affecté », indépendamment du degré d'inaliénabilité qui le lie à l'objet possédé, il n'a pas droit au datif en français et en italien mais il est admis en roumain et en bulgare:

(5) Fr *Je lui tords le pied. vs. *Je tords son pied*
**Je lui vois le pied vs. Je vois son pied.*

(6) Roum *Nu-****şi*** (se DAT) *mai simţea picioarele.*
= Bg *Не* ***си*** (se DAT) *чувства краката. vs.*
Не чувства краката ***си*** (se DAT)*.*
Lit Il ne se sentait plus les pieds. 'Il ne sentait plus ses pieds.'

En français, le datif fonctionne comme un deuxième participant, ce qui n'est pas obligatoire dans d'autres langues romanes (italien, espagnol), ni d'ailleurs en roumain ou en bulgare:

(7) Roum ***îmi*** (1sg.DAT) *tremur <u>inima</u> pentru el*
(Moloshnaya et alii, 1989, p. 195)
Bg *Трепери* ***ми*** (1sg.DAT) *<u>сърцето</u> за него.*
'**Mon** <u>cœur</u> tremble pour lui'

(8) Roum ***îi*** (3sg.DAT) *fugise <u>nevasta</u> de foame.*
(Sveshnikova, 1986, p. 205)
Bg *Избяга* ***му*** (3sg.DAT) *<u>жената</u> от глад.*
'**Sa** <u>femme</u> avait fui (à cause) de la faim.'

(9) Roum ***ne*** (1pl.DAT) *mânânca lupul <u>oile</u>*
(Sveshnikova, 1986, p. 205)
Bg *вълкът* ***ни*** (1pl.DAT) *яде <u>овцете</u>*
'Le loup mange <u>nos brebis</u>'

La raison de mettre le possesseur en avant est dû à ses propriétés sémantiques: il a tendance à être animé ou humain, ou de haut rang dans la hiérarchie nominale de Haspelmath (1999). Dans la plupart des langues, la réorganisation d'une construction possessive n'est possible que pour les relations possessives de la sphère personnelle (parties du corps, partie-tout et termes de parenté.

2. *Possession inaliénable*

Même lorsque la possession est restreinte aux parties du corps, l'inaliénabilité est une notion flexible: elle varie de langue à langue et reflète des différences socio-culturelles entre les différentes communautés linguistiques (Bally, 1926; Seiler, 1983; Ivanov, 1985)[2]. De telles différences sont observées même parmi les langues indo-européennes. Rappelons qu'en anglais, la paraphrase avec un SN possessif n'est pas possible pour les termes autres que les parties du corps alors qu'en français, la possession inaliénable peut inclure les vêtements que l'on porte:

− Angl: *He hit my hand* peut alterner avec *He hit me on the hand* mais *He hit my dog* ne peut pas être reformulé par ***He hit me on the dog;*

− Fr: *Il la tire par la manche (sa manche)* n'est acceptable que si « elle » porte des vêtements avec des manches (cf. les exemples et les commentaires de Aikhenvald, 2019, p. 37)[3].

Notons que le bulgare et le roumain et plus généralement les langues balkaniques, ne connaissent pas de telles restrictions.

(10) Bg *мой* ***ми*** (1sg.DAT) *удари кучето*
Roum ***mi*** (1sg.DAT)-*a lovit câinele.*
'Il a frappé **mon** chien.'

(11) Bg Т*ой* ***ѝ*** (3sg.DAT) *дърпа ръкава (на роклята/ блузата*);
Roum *El* ***o*** (la ACC) *trage* **de** *mânecă (de rochie/bluză)*
'Il **lui** tire la manche'/
'Il tire la manche de **sa** robe/chemisier.'

(12) Bg *Той* ***ѝ*** (3sg.DAT) *скъса роклята*.
Roum ***I*** (3sg.DAT)-*a rupt rochia*.
'Il a déchiré sa robe.'

Ce que les relations d'inaliénabilité représentent sont des relations entre *concepts,* et non pas de relations entre *référents*: « [l]a POSSESSION linguistique consiste dans la représentation d'une relation entre une substance et une autre substance.

[2] Voir en dakota où la terre, l'eau et les animaux, à l'exception du cheval, ne peuvent prendre le pronom possessif (Boas et Deloria, 1941, p. 128, cité par Aikhenvald, 2019, p. 16).

[3] En français, il s'agit d'une construction similaire mais pas identique à celle à PED, où le possédé est introduit par une phrase locative et le possesseur est exprimé par un pronom accusatif: pour le bulgare, v. Krapova & Dimitrova, 2024, pp. 200–202; pour le roumain, v. Manoliu-Manea (1996) et Lamiroy (2015, p. 4). Nous n'examinerons pas ce problème ici.

La substance A, appelée le POSSESSEUR, est prototypiquement [+animée], plus spécifiquement [+humaine], et plus spécifiquement encore [+EGO] ou proche du locuteur. » (Seiler, 1983, p. 4). Les linguistes distinguent ainsi généralement trois types de possession inaliénable dont les frontières sont souvent subtiles et perméables (Golovacheva, 1986, pp. 194–200, Nichols, 1988, p. 579; Aikhenvald, 2013, p. 3).

3. *Constructions PED et article (in-)défini*

Si nous nous appuyons sur les faits diachroniques romans et slaves, en y ajoutant la vivacité de ces constructions dans les langues germaniques (en particulier l'allemand), nous pourrions en déduire qu'il s'agit d'un héritage généalogique.

3.1. *Concordances bulgaro - roumaines relatives à l'emploi des constructions PED*

En ce qui concerne les constructions de possession inaliénable, le bulgare et le roumain sont bien plus souples que le français et l'italien. Ces constructions ne sont pas exclues dans le cas où:

− l'objet possédé est dans une relation de possession d'inaliénabilité relative au possesseur:

(20) Roum ***Ne*** (1pl.DAT)-*au ars casa.*
'Ils ont brûlé **notre** maison.'

(21) Roum *tare aș dori să-**i*** (3sg.DAT) *văd camera* (Sveshnikova, 1986, p. 203)
Bg *силно бих искал да **му*** (3sg.DAT) *видя стаята*
'J'aimerais vraiment voir **sa** chambre.' (Sveshnikova, 1986, p. 203

(22) Roum *rochia **îmi*** (1sg.DAT) *zburase cu valiza* (Sveshnikova, 1986, p. 203)
Bg *отлетяла **ми*** (1sg.DAT) *беше роклята с куфара.*
'**Ma** robe s'était envolée avec la valise.'

− l'objet possédé est dans une relation d'aliénabilité avec le possesseur:

(23) Bg *Отхвърлиха **му*** (3sg.DAT) *аргументите.*
'Ils ont rejeté **ses** arguments.';

(24) Bg *Байдън **им*** (3pl.DAT) *е уредил въпроса.* (podcast Karbovski)
'Biden a réussi à régler leur problème.'

− l'objet possédé est de type locatif, précédé d'une préposition; le sujet est inanimé:

(25) Bg *Камък **му*** (3sg.DAT) *падна на капака на колата*.
Roum *O piatră **i*** (3sg.DAT)-*a căzut pe glugă*.
'Une pierre lui est tombée sur le capot de la voiture.'[4]

[4] Traduction de l'exemple grec *Του έπεσε μιά πέτρα στο καπό*, cité par Haspelmath (1999, p. 110) et traduit en anglais par 'A stone fell on his hood.'

En roumain, dans la langue populaire, l'occurrence d'un SN possessif apparaît souvent dans une structure à possesseur externe au datif (Sandfeld et Olsen, 1936, p. 153; Moloshnaya et alii, p. 194):

(26) Roum *să-**și*** (se DAT) *sacrifice propriile **ei*** (3pl.POSS) *dorințe*
Bg **да **си*** (se DAT) *пожертва собствените **си*** (se DAT) *желания*
'sacrifier **ses** propres désirs'

(27) Roum *tu poți să-**mi*** (1sg.DAT) *percepi situația **mea*** (1sg.POSS.F)
(Sandfeld et Olsen, 1936, p. 153)
Bg **можеш ли да **ми*** (1sg.DAT) *схванеш **моето*** (1sg.POSS.N) *положение*
'Peux-tu comprendre **ma** situation ?'

3.2. *Article défini et possessif atone en bulgare et en roumain*

Dans une construction où le possesseur est exprimé par un possessif atone, l'objet possédé est accompagé de l'article défini.

Le bulgare et le roumain partagent avec les autres langues de l'union balkanique (le grec et l'albanais) un trait en commun qui est un balkanisme primaire consistant à utiliser le pronom personnel datif (génitif en grec) en fonction de possessif atone:

– Bg *давам **ми*** 'je *te* donne' - *къщата **ми*** (= ***твоята*** *къща*) 'ta maison' et
– Roum ***vă** spun* 'je vous dis' - *credința-**vă*** (= *credința **voastră***) 'votre foi';
ne** dau* 'il nous donnent'→ *casa-**ne (= *casa **noastră***)' notre maison'

Cette particularité des deux langues favorise peut-être la réorganisation des arguments au sein de la relation prédicative en « promouvant » le possessif datif du SN au rôle de possesseur:

– Roum *casa-**ne*** 'notre maison' où le pronom ***ne*** prend place à côté du verbe: ***Ne**-au ars casa*;
– Bg *Изгориха **ни** къщата./ Те **ни** изгориха къщата*. 'Ils ont brûlé notre maison.' (Nitsolova, 2013)

Comparons encore:

(28) Bg **SN** *Грехът **ви** е тежък.* - **PED** *Бог **ви** прощава греха.*
Roum *Păcatul-**vă** este grav.* - *Dumnezeu **vă** iartă păcatul.*
'Votre péché est grave. - 'Dieu pardonne votre péché.'

En roumain moderne, cet emploi est moins fréquent que dans le passé ou la poésie que l'on peut illustrer avec deux vers de M. Eminescu:

(29) Roum *Iară sufletu-**mi*** (1sg.DAT) *se pierde/ După chipul **tău*** (2sg.POSS) *frumos.*
'Et mon âme languit / pour ton beau visage.'

3.3. *Syntagmes possessifs avec des noms de parenté*

Accompagné d'un possessif atone, l'objet possédé apparaît obligatoirement avec l'article défini, à l'exception d'un groupe lexico-sémantique comprenant des noms de parenté qui ne l'autorise pas au singulier, tels que: *майка* 'mère', *татко/ баща* 'papa/père', *брат (бате)* 'frère (frère ainé)', *сестра (кака)* 'sœur (sœur ainée)', etc. Mais cette règle ne s'applique pas au pluriel, aux diminutifs ou aux noms de parenté accompagnés d'un adjectif.

En roumain, et bien moins en bulgare, ce fait est en déclin: en roumain, le choix d'une forme, avec ou sans article, est facultatif (Aleksova, 1979, p. 14); en bulgare, il n'est pas possible qu'un énoncé comme *Видях майка ти/ баща ти 'J'ai vu ta mère'/ ton père'* puisse être remanié en construction à PED. Le possédé est obligatoirement indéterminé et l'adjonction de l'article défini le transforme en invective ou en juron: *Видях ти майката/ Видях ти бащата* sont des structures inacceptables puisque *майката ти/ му/ ù, им* fait partie d'interjections ou exclamations grossières traduisant une réaction vive de colère, dépit ou surprise.

En roumain, en revanche, à cause du déclin de ce phénomène, dans une construction possessive au datif, un objet possédé avec article défini qui relève du groupe sémantique des termes de parenté, est tout à fait possible (Popescu-Ramirez & L. Tasmowski-De Ryck, 1988, p. 310, p. 315)

4. *Article (in-)défini et possession*

4.1. Dans les langues romanes, l'article défini est utilisé à la place du déterminant possessif pour marquer la possession inaliénable. De ce point de vue, le roumain va de pair aussi bien avec son groupe généalogique qu'avec les langues balkaniques, alors que le bulgare recourt au possessif:

(30) It *Il gatto alzò* ***lo*** *sguardo su di lei.* (*Coraline*, p. 161)
'Le chat leva ***les*** yeux vers elle.';

(31) It *Sentì una mano fredda su****l*** *viso.* (*Coraline,* p. 102)
Bg *Усети студена ръка върху лицето* ***си***.
'Il sentit une main froide sur **son** visage.'

(32) It *Quando fu abbastanza grande da attraversare la strada senza dare* ***la*** *mano al nonno*. (Rodari)[5];
Bg К*огато пораснал* достатъчно*, за да пресича улицата, без да хваща дядо* ***си*** *за ръка...*
'Quand il est devenu assez grand pour traverser la rue sans tenir **la** main de **son** grand-père…;

(33) It *e da un balcone una bellissima signora salutava con* ***la*** *mano.* (Rodari)
'et d'un balcon une belle dame lui faisait des signes de la main.'

[5] G. Rodari "La strada che non andava in nessun posto". *Favole al telefono* 1995, Edizioni EL, ISBN 88-7926-201-7. (trad. en bulgare Св. Златаров, *Приказки по телефона.* София: „Пан" 2023, ISBN 978-619-240745-2).

(34) Roum *Sublinie atât de evident cuvinte**le***. (M. Eliade).

(35) Bg *Подчерта така явно думите **си***.
‘il souligna si clairement **ses** paroles.’

4.2. Dans les quatre langues analysées ici, c’est uniquement en bulgare que les constructions possessives d’inaliénabilité sont possibles avec l’article zéro. Sur le plan paradigmatique, elles présentent une relation très forte entre le verbe et son objet (parties du corps), ce qui est souvent le signe d’un lien phraséologisé. Ces constructions trouvent souvent des parallèles sémantiques et syntaxiques, dans les langues romanes (mais avec l’article défini) puisqu’elles expriment souvent des réactions physiques naturelles:

– Bg *вдигам очиØ /погледØ* ‘lever les yeux/le regard = regarder’,

– Bg *затварям очиØ/ склопявам (навеки) очиØ* ‘fermer les yeux= ‘s’endormir, mourir’,

Cf. It *chiudere Ø occhio: Così trascorse l’intera notte senza chiudere occhio per l’angustia.* (*Favole italiane*[6], p. 164)

‘Il a donc passé toute la nuit sans *fermer* l’œil à cause de l’anxiété.’;

– Bg *подавам ръкаØ*,

Cf. It *dare **la** mano*; bulg. *хваща за ръкаØ*, *tendre **la** main;*

– Roum *întoarse cap**ul***, Bg *обръщам главаØ* ‘tourner **la** tête = regarder en arrière’;

– It *chinar **la** testa*, Bg *наведа/навеждам главаØ* ‘baisser **la** tête = s’incliner’.

5. *Omission de l’article défini et changement d’une construction PED en une construction avec objet indirect* (*OID*)

C’est B. Yu. Norman (Norman, 1978, pp. 47-48) qui a mis en évidence que l’article défini en bulgare permet de distinguer l’objet indirect d’un prédicat d’un syntagme possessif:

(36) Bg **a.** *И книжки**Ø му** купуваше.* ‘Et il/elle **lui** achetait des livres’ →
b. *И книжки**те му** купуваше.* ‘Et il/elle achetait **ses** livres.’

Dans une construction **PED**, l’article défini renvoie au possédé alors que le possessif datif fait référence au possesseur. Si l‘on omet l’article défini, cette même construction perd sa force possessive et le pronom datif se voit assigner la fonction grammaticale d’objet indirect (**OID**).

L’extraction du possesseur (représenté par le datif ***му***) dans le syntagme nominal *книжки**те** му* (35b) conduit à construire une structure **PED**:

(35) **c.** *И **му** купуваше книжки**те**.* ‘Et il/elle achetait ses livres.’

Une enquête menée avec des natifs des langues balkaniques (Asenova, 2023, pp. 51-55) a montré qu’un tel changement dépend de:

[6] *Favole italiane* (al cura di A. Di Gregorio). Roma: Fabbri editori, 2005.

− la sémantique du prédicat: le prédicat doit exprimer des significations telles que *donner, rendre, récompenser, fournir* ou leurs antonymes comme *emporter, prendre/enlever, empêcher;*

− la sémantique de l'objet de possession affecté: il doit avoir la capacité de «supporter» la situation, bénéfique ou maléfique, de la situation qui l'affecte:

(36) Bg **a. PED** *Зъболекарят* ***му*** *извади* *зъб****а.*** ***vs***
b. OID *Зъболекарят* ***му*** *извади* (*един*) *зъб****Ø.***
Roum **c. PED**: *Dentistul* ***i****-a scos* *dinte****le***. ***vs***.
d. OID: *Dentistul* ***i****-a scos* ***un*** *dinte*.
'Le dentiste a arraché **sa** dent' > 'Le dentiste lui a arraché **une** dent.'

En principe, avec un possédé inaliénable, une construction **PED** ne se prête pas à un changement en construction **OID;** on observe cependant quelques exceptions lorsque « l'objet possédé » renvoie à une entité comptable (doigts, côtes, dents) ou à une entité indivisible (sang, larmes).

(37) Bg a. **PED**: *Тя* ***ми*** (poss-eur DAT) *гледаше* *деца****та.*** ***vs***
b. **OID:** *Тя* ***ми*** (objet ind.) *отгледа (добри) деца****Ø*** *и внуци****Ø***.
Roum
c. **PED**: *Ea* ***mi*** (poss-eur dat.)-*a crescut copii****i***. ***vs***
d. **OID:** *Ea* ***mi*** (objet ind.)***-****a crescut copii****Ø*** *și nepoți****Ø*** *buni.*

(38) Bg a. *Искам ти да* ***ми*** *родиш* *деца****та***, *ти да плачеш на* *гроба* ***ми.***
'Je veux que tu portes **mes** enfants, que tu pleures sur **ma** tombe.' ***vs***
b. *Искам да* ***ми*** *родиш* *деца****Ø***.
'Je veux que tu me donnes des enfants.'
Roum c. *Vreau să-****mi*** *nași* *copii****i***, *să plângi la* *mormântul* ***meu.*** ***vs***
d. *Vreau să-****mi*** *faci* *copii****Ø***.
It *Voglio che tu partorisca* ***i miei*** *figli, che tu pianga sulla* ***mia*** *tomba*. ***vs***
Voglio che tu ***mi*** *dia dei* figli.

6. *Que peut-on en conclure ?*

D'un point de vue syntaxique, le passage d'une structure PED en une structure OID dans les langues examinées ici se réalise grâce à la substitution de l'article défini soit par l'article zéro en bulgare comme dans (37b) et (38b) [mais rarement en roumain (37d), (38d)], soit par l'article indéfini dans les langues romanes où ce dernier est grammaticalisé. (c'est la preuve que l'article indéfini en bulgare n'est pas tout à fait grammaticalisé).

Cette étude qui demande à être approfondie, confirme que, parmi les langues romanes, c'est en roumain que les constructions PED sont les plus développées et dépassent de loin les autres procédés d'expression de la possession inaliénable (Popescu-Ramirez & Tasmowski-De Ryck, 1988, pp. 311–312):

Mais dans « la formule neutre […] quand le possédé est humain [(*mam**a*** – inaliénable et défini)], on recourt au possessif »:

(39) a. ***Îți*** *urăsc mam**a**/ profesor**ul.***
te déteste maman-la / professeur-le
'Je déteste ta mère/ ton professeur.'

Remerciements / Acknowledgements

Nous remercions les deux lecteurs anonymes dont les remarques ont contribué à améliorer la vesion précédente de cet article. Il va de soi que toute erreur n'appartient qu'aux auteures.

We are grateful to the two anonymous reviewers whose comments helped improve the previous version of this article. It goes without saying that any error is the authors' own.

RÉFÉRENCES

Aikhenvald, A., 2019. Possession and ownership: A cross linguistic perspective (All content following this page was uploaded by Alexandra Aikhenvald on 01 January 2019), pp. 1–65. Available at: https://www.researchgate.net/publication/285445060 [Accessed Dicember 2024].

Aleksova, V., 1979. Nablyudeniya varhu upotrebata na opredelitelniya chlen v balgarskiya i rumanskiya ezik.- *Sapostavitelno ezikoznanie.* IV, 6, pp. 12–17.

Asenova, P., 2023. Opredelyonnyy artikl' za predelami opredelyonnosti.- *Opredlyonnost' i neopredelyonnost' v yazykakh i kul'turakh Balkan. Balkanskie chteniya 17.* Moskva: Institut slavyanovedeniya RAN, pp. 49–65 ISBN 2618-8597.

Assenova, P., 2024. Notes sur l'organisation du texte dans le domaine romano-slave (étude comparée à partir de données roumaines et bulgares). – In: *Architteture testuali. Simetrie e asimetrie a confronto* (a cura di Marina di Filippo, Olga Inkova, Petra Macurová). Università di Napoli. L'Orientale. DLLC, pp. 150–167. ISBN 978- 88-6719-307-3.

Bally, Ch., 1926. L'expression des idées de la sphère personnelle et de solidarité dans les langues indo-europeennes. – In: F. Frankhauser and J. Jud (eds), *Festschrift Louis Gauchat*. Arau: Sauerlander, pp. 68–78.

Bally, Ch., 1996. The expression of concepts of the personal domain and indivisibility in Indo-European languages'. – In: Chappell, H. and McGregor, W. (eds). *The Grammar of Inalienability. A Typological Perspective on Body Part Terms and the Part-Whole Relation.* Berlin-New York: Mouton de Gruyter. pp. 31–61. ISBN 3-11-012804-7

Chappell, H. & McGregor, W. (eds), 1996. *The Grammar of Inalienability. A Typological Perspective on Body Part Terms and the Part-Whole Relation.* Berlin-New York: Mouton de Gruyter. ISBN 3-11-012804-7

BER 3 = Georgiev, Vl. I. (red.). *Balgarski etimologichen rechnik.* T. 1–8. Sofiya: Izdatelstvo na Balgarskata akademiya na naukite, 1971–2017. Tom treti 1986.

Cinque, G., I. Krapova, 2009. The two "possessor raising" constructions of Bulgarian. – In: S. Franks, V. Chidambaram, B. Joseph (eds.). *A Linguist's Linguist: Studies in South*

Slavic Linguistics in Honor of E. Wayles Browne. Bloomington, Indiana: Slavica Publishers, pp. 123-148. ISBN: 978-0-89357-364-5

Cresseils, D., 1979. *Les constructions dites « possessives » étude de linguistique générale et de typologie linguistique,* Thèse de doctorat d'Etat, Université de Paris IV.

FRBE 1 = Nicheva, K., S. Spasova-Mihaylova, Kr. Cholakova, 1974. *Frazeologichen rechnik na balgarskiya ezik.* Tom parvi. Sofiya: Izdatelstvo na Balgarskata akademiya na naukite.

Givon, T., 1976, Topic, pronoun and grammatical agreement, – In: Li, C. N. (éd.), *Subject and Topic*, New York: Academic Press, pp. 149–188. https://doi.org/10.2307/454439

Golovacheva, A. V., 1986. Voprosy o sootnoshenii kategoriy neotchuzhdaemosti i opredelyonnosti. – *Slavyanskoe i balkanskoe yazykoznanie. Problemy dialektologii. Kategoriya posessivnosti.* Moskva: "Nauka", pp. 192–201.

Haspelmath, M., 1999. External possession in a European areal perspective. In: Payne, Doris, & Barshi, Immanuel eds.), *External Possession*, 109–135. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company 109–136. ISBN-13: 978-9027229380

Haspelmath, M., 2001. The European linguistic area: Standard Average European. – Martin Haspelmath and alii. (eds.). *Language Typololgy and Language Universals. An international handbook.* Vol. 2. Berlin/New York, 1492-1510. https://doi.org/10.1515/9783110194265

Ivanov, Vyach. Vs., 1986. Tipologiya posessivnogo spryazheniya i posessivnogo tipa konstrukcii. – *Slavyanskoe i balkanskoe yazykoznanie. Problemy dialektologii. Kategoriya posessivnosti.* Moskva: "Nauka", pp. 132–142.

Ivanov, Vyach. Vs., 1989. Sinkhronnaya i diakhronicheskaya tipologiya posessivnosti.- *Kategoriya posessivnosti v slavyanskikh i balkanskikh yazykakh.* Moskva: "Nauka", pp. 5–43.

König, E. & M. Haspelmath, 1998. Les constructions à possesseur externe dans les langues d'Europe. In: Feuillet, J. (ed.) *Actance et valence dans les langues d'Europe*. Berlin: Mouton-de Gruyter, pp. 525–606. https://doi.org/10.1515/9783110804485.525

Krapova, I., Tsv. Dimitrova, 2024. *Balgarskiyat ezik v evropeyskiya ezikov areal.* Sofiya: Universitetsko izdatelstvo "Sv. Kliment Ohridski". ISBN 978-954-07-9560-9

Kvone, Y. I., 1985. Zashto "sinat mi", no „brat mi"?. – *Balgarski ezik* XXXV, 5, pp. 475–480.

Lamiroy, B., 2001. Grammaticalisation et possession inaliénable dans les langues romanes et germaniques. – *Zeitschrift für französische Sprache und Literatur*, 30, pp. 82–97.

Lamiroy, B., 2015. Grammaticalization and external possessor structures in Romance and Germanic languages. **(**All content following this page was uploaded by Béatrice Lamiroy on 01 June 2015), pp. 1–17, Available at: https://www.researchgate.net/publication/264881519 [Accessed Dicember 2024]

Lévy-Bruhl, L., 1914. L'expression de la possession dans les langues mélanésiennes. – *Mémoire de la Société de Linguistique de Paris*, pp. 96–104.

Manoliu-Manea, M., 1996. Inalienability and Topicality in Romanian. – In: H. Chappell and W. McGregor (eds), *Pragma-Semantics of Syntax,* pp. 711–743. https://doi.org/10.1515/9783110822137 ISBN 3-11-012804-7

Michov, D., 1904 Die Anwendung des bestimmten Artikels im Rumänischen, verglichen mit der im Albanesischen und Bulgarischen. – *Jahresbericht des Instituts für rumänische Sprache zu Leipzig.* X, pp. 1–110.

Mitkovska, L., 2014. Izrazuvanje prisvojnost vo makedonskiot jazik. Vnatrashni i nadvorneshni prisvojni konstruktsii. – *Makedonistika* 13 (2014), pp. 9–176. ISSN 0350-8102

Moloshnaya, T. N., T. M. Nikolaeva, T. N. Sveshnikova, 1989. Plan vyrazheniya kategorii posessivnosti. - *Kategoriya posessivnosti v slavyanskikh i balkanskikh yazykakh.* Moskva: "Nauka", pp. 112–215. ISBN 5-02-010962-2

Nichols, J., 1988. On alienable and inalienable possession. – In: W. Shipley (ed.). *In honor of Mary Haas: From the Haas Festival Conference on Native American Linguistics*. Berlin: Mouton de Greuyter, pp. 557–609. https://doi.org/10.1515/9783110852387.557

Nitsolova, R., 2013. Nyakoi osobenosti na balgarskite posesivni konstruktsii v sravnenie s cheshkiya ezik (vatreshna i vanshna posesivnost) s nulevo oznachavane na pritezhatelya ili obekta na pritezhanieto. – *Slavyanskite ezitsi otblizo. Sbornik v chest na 70-godishninata na dotsent Yanko Bachvarov.* Sofiya: Universitetsko izdatelstvo "Sv. Kliment Ohridski", pp. 183–195.

Norman, B. Yu., 1978. O sintaksicheskikh funktsiyakh artiklya v bolgarskom yazyke. – *Vesn. Belarus. universiteta. Seriya 4. Filalogiya, zhurnalistyka, pedagogika, psikhalogiya.* Minsk: "Nauka", pp. 46–51.

Popescu-Ramirez, L. & L. Tasmowski-De Ryck, 1988. Thématicité et possessivité en roumain. *Linguisticae Investigationes*, XII, 2, 303-335. ISSN: 0378-4169

Sandfeld, Kr. & H. Olsen, 1936. *Syntaxe roumaine*. I. Emploi des mots à flexion. Paris: Librairie E. Droz.

Seiler, H. 1983. *Possession as an operational dimension of language*. Tübingen: Gunter Narr.

Sveshnikova, T. N., 1986. Ob odnom sposobe vyrazheniya posessivnosti v rumynskom yazyke. – *Slavyanskoe i balkanskoe yazykoznanie. Problemy dialektologii. Kategoriya posessivnosti.* Moskva: "Nauka", pp. 201–208.

Van Peteghem M., 2006. Inaliénabilité et partitivité: le datif possessif en français, en néerlandais et en roumain. – In: G. Kleiber, C. Schnedecker & A. Theissen, *La relation partie-tout*, Louvain-Paris: Dudley, Peeters, pp. 351–366. ISBN 2-87723-898-9 (Peeters France)

Wierzbicka, A. 1979 Ethno-syntax and the philosophy of grammar. – *Studies in Language.* v. 3, № 3 (1979), pp. 313–383. ISSN 0378-4177/ H-ISSN 1569-9978

ЛИТЕРАТУРА

Алексова, В., 1979. Наблюдения върху употребата на определителния член в българския и румънския език. – *Съпоставително езикознание* IV, 6, с. 12–17.

Асенова, П., 2023. Определенный артикль за пределами определенности. – *Определенность и неопределенность в языках и культурах Балкан. Балканские чтения 17.* Москва: Институт славяноведения РАН, с. 49–56. ISBN 2618-8597.

БЕР 3 = Георгиев, Вл. И. (ред.). *Български етимологичен речник*. Т. 1–8. София: Издателство на Българската академия на науките, 1971–2017. Том трети 1986.

ФРБЕ 1 = Ничева, К., С. Спасова-Михайлова, Кр. Чолакова, 1974. *Фразеолеологичен речник на българския език.* Том първи. София: Издателство на Българската академия на науките.

ФРБЕ 2 = К. Ничева, С. Спасова-Михайлова, Кр. Чолакова, 1975. *Фразеолеологичен речник на българския език.* Том втори. София: Издателство на Българската академия на науките.

Головачева, А.В., 1986. Вопросы о соотношении категорий неотчуждаемости и определенности. – *Славянское и балканское языказнание. Проблемы диалектологии. Категория посессивности.* Москва: „Наука“, с. 192–201.

Иванов, Вяч. Вс., 1986. Типология посессивного спряжения и посесивного типа конструкции. – *Славянское и балканское языказнание. Проблемы диалектологии. Категория поссесивности.* Москва: „Наука“, с. 132–142.

Иванов, Вяч. Вс., 1989. Синхронная и диахроническая типология посессивности. – *Категория посессивности в славянских и балканских языках.* Москва: „Наука“, с. 5–43. ISBN 5-02-010962-2.

Квоне, Й. И., 1985. Защо „синът ми“, но „брат ми“?. – *Български език* XXXV–, 5, с. 475–480.

Кръпова И., Цв. Димитрова, 2024. *Българският език в европейския езиков ареал*. София: Университетско издателство „Св. Климент Охридски“. ISBN 978-954-07-9560-9.

Митковска, Л. 2014. Изразување присвојност во македонскиот јазик. Внатрашни и надворешни присвојни конструкции. – *Македонистика* 13 (2014), с. 9–176. ISSN 0350-8102.

Молошная, Т.Н., Т. М. Николаева, Т. Н. Свешникова, 1989. План выражения категории поссесивности. – *Категория посессивности в славянских и балканских языках.* Москва: „Наука“, с. 112–215. ISBN 5-02-010962-2.

Ницолова, Р., 2013. Някои особености на българските посесивни конструкции в сравнение с чешкия език (вътрешна и външна поссессивност) и нулево означаване на притежателя или обекта на притежанието). – С*лавянските языци отблизо. Сборник в чест на 70-годишнината на доцент Янко Бъчваров.* София: УИ „Св. Климент Охридски“, с. 183–195.

Норман, Б. Ю., 1978. О синтаксических функциях артикля в болгарском языке. – *Весн. Беларус. універсітэта. Серия 4. Філалогія, журналістыка, педагогіка, психалогіа.* Мінск, с. 46–51.

Свешникова, Т. Н. 1986. Об одном способе выражения поссесивности в румынском языке. – *Славянское и балканское языказнание. Проблемы диалектологии. Категория посессивности.* Москва: „Наука“, с. 201–208.

Prof. Petya Assenova, DSc
ORCID ID: 0009-0005-4637-3800
Department of General, Indo-European and Balkan Linguistics
Sofia University “St. Kliment Ohridski”
Sofia, Bulgaria
e-mail: petyaass@gmail.com

Prof. Zlatka Guentchéva
Directrice de recherche Émérite
ORCID ID: 0000-0002-4505-1325
Laboratoire des Langues et Civilisations à Tradition Orale
Centre National de Recherche Scientifique
France
e-mail: zlatka.guentcheva@gmail.com

https://doi.org/10.60056/SE.2026.1.22-35

ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫЕ И АРГУМЕНТНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ ПРИ ОТГЛАГОЛЬНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В РУССКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ

Александр Летучий

Национальный исследовательский университет
Высшая школа экономики, ИРЯ РАН, Москва

Елена Никишина

Национальный исследовательский университет
Высшая школа экономики, ИРЯ РАН, Москва

POSSESSIVE AND ARGUMENT PRONOUNS WITH DEVERBAL NOUNS IN RUSSIAN AND FRENCH

Alexander Letuchiy

HSE University, Vinogradov Russian Language Institute
of Russian Academy of Sciences, Moscow

Elena Nikishina

HSE University, Vinogradov Russian Language Institute
of Russian Academy of Sciences, Moscow

The article focuses on the use of argument and possessive pronouns with Russian and French nominalizations. In both languages, possessive pronouns are used with nominalizations by default, while argument pronouns are only compatible with certain contexts and bear an intonational and semantic emphasis. Argument pronouns are used in contexts of emphasis on the argument, especially when the subject and the object of the base verb are co-referent. Semantically, argument pronouns prefer dynamic readings of nominalizations, because this type of reading inherits the use of argument pronouns from the base verbs. Finally, the use of argument pronouns is influenced by syntactic factors: coordination contexts favor argument pronouns because of the syntactic parallelism requirement. Another context property of use of argument pronouns is constituted by cases, where a nominalization has other arguments,

besides the pronoun – this construction type prevents the argument pronoun from being focused. Another problem addressed in the article concerns the object vs. subject reading of the possessive pronoun: the choice of the reading is mainly regulated by the semantic class of the nominalization.

Key words: nominalization, argument pronouns, possessive pronouns, emphasis, coordination

Статья посвящена использованию аргументных и притяжательных местоимений при номинализациях в русском и французском языках. В обеих системах при номинализациях по умолчанию используются притяжательные местоимения, тогда как аргументные местоимения используются только в части контекстов и несут интонационное и семантическое выделение. В частности, аргументные местоимения склонны употребляться для выделения аргумента, в особенности при кореферентности субъекта и объекта исходного глагола. С семантической точки зрения, для аргументных местоимений предпочтительны номинализации с динамическими прочтениями – такие номинализации наследуют употребление аргументных местоимений от исходных глаголов. Наконец, для выбора местоимений релевантны синтаксические факторы: во-первых, аргументные местоимения выбираются при сочинении с именной группой в силу требований синтаксического параллелизма; во-вторых, употребление аргументных местоимений облегчается, если у номинализации есть ещё одно зависимое – в этом случае аргументное местоимение перестаёт быть выделенным. Ещё одна обсуждаемая в статье проблема связана с выбором субъектного или объектного прочтения для притяжательного местоимения: в первую очередь оно зависит от семантического класса, к которому относится номинализация.

1. Введение

Наша статья посвящена употреблению местоимений для выражения актантов отглагольных существительных в русском и французском языках. Хотя отглагольные существительные (номинализации) в настоящее время хорошо изучены в рамках разных подходов (в частности, как показано в работах (Grimshaw, 1990; Koptjevskaja-Tamm, 1993; Пазельская, 2006; de Cuba, 2017), по многим критериям эти существительные занимают промежуточное положение между глагольными сказуемыми и стандартными предметными существительными), их аргументная структура и, в частности, употребление с ними местоимений проанализированы недостаточно. Среди промежуточных свойств номинализаций – например, то, что номинализации допускают при себе и наречия (*его приезд* ***позже*** *обычного, malgré son arrivée* ***plus tard*** *que prévu* ‘несмотря на его прибытие позже запланированного’), и прилагательные (*его* ***поздний*** *приезд, son arrivée* ***tardive*** ‘его поздний приезд’). Другие свойства русских номинализаций описаны в работах (Падучева, 1984), (Пазельская, 2006), (Rudnev, Volkova, 2020) и др. Французская система номинализаций подробно рассматривалась, в частности, в работах (Balvet et al., 2011) и (Abeillé, Godard (eds.), 2021, IV-2.1.1, IV-3.5). Ограничения на употре-

бление отглагольных существительных обсуждаются, например, в грамматике (Abeillé, Godard (eds.), 2021, III-6.1.1): ср. возможное *une prise de décision* ‘принятие решения’ и невозможное **une prise de douche* ‘принятие душа’, однако их сочетаемость с местоимениями в этом исследовании не обсуждалась.

В центре внимания – противопоставление между притяжательными и аргументными местоимениями при отглагольных существительных (для русского языка оно также исследовано в статье Е. В. Падучевой (1984), однако с вниманием преимущественно к притяжательным местоимениям). Во французском языке для них используются термины *pronoms personnels* (для аргументных) и *adjectifs possessifs* (для притяжательных). Хотя мы осознаём разницу между русской и французской грамматическими традициями, для единообразия и ясности описания мы будем использовать для обоих языков только пару «притяжательные местоимения vs. аргументные местоимения». Притяжательные местоимения занимают позицию согласованного определения, подобно прилагательным; в своём основном употреблении при предметных именах они выражают посессора, а при отглагольных существительных – одного из главных участников ситуации. Аргументными местоимениями мы называем такие местоимения, которые занимают позицию дополнения при отглагольном существительном (в русском языке это предложные или беспредложные дополнения, во французском – предложные). Таким образом, мы рассматриваем контексты типа (1) и (2), где участники ситуации могут быть выражены либо притяжательными, либо аргументными местоимениями. См. (Koptjevskaja-Tamm, 1993) о стратегиях маркирования участников при номинализациях.

Русский:

(1) a. ***моё*** *назначение на должность* (притяжательное местоимение)
b. *назначение* ***меня*** *на должность* (аргументное местоимение)

Французский:

(2) a. *Ils sont partis à* ***ma*** *recherche* ‘Они отправились **меня** искать’ (буквально ‘на **мои** поиски’) (притяжательное местоимение).
b. *Je suis parti à la recherche de* ***moi-même*** ‘Я отправился на поиски **самого себя**’ (аргументное местоимение).

Использованные в статье русские примеры взяты из Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru), найдены в поисковой системе Google или сконструированы нами. Французские примеры взяты из поисковой выдачи Google.

2. Постановка проблемы

Выбор для анализа именно местоименных зависимых продиктован простым соображением: именно у местоимений есть альтернативные варианты – притяжательное vs. аргументное местоимение, – а значит, интересно рассмотреть факторы, которые влияют на их распределение. Среди существительных

только часть имеет соотносительные притяжательные прилагательные (*увольнение Серёжи / Серёжино увольнение, l'autorisation des parents / l'autorisation paternelle* 'разрешение родителей / родительское разрешение'); от многих других существительных (*мальчик, работник, garçon, employé*) притяжательные прилагательные не образуются, а значит, конструкция с отглагольными существительными имеет только один вариант (*le licenciement du garçon / de l'employé* 'увольнение мальчика / работника'). Тем самым, зависимые-существительные для нашей темы интереса не представляют.

Один и тот же тип местоимений в разных контекстах может обозначать разных участников, соотносясь с субъектом исходного глагола (субъектное употребление, (3a), (4a)), или с объектом (объектное употребление, (3b), (4b)) (см. (Pellat, Rioul, Riegel, 1994) о субъектных и объектных употреблениях предложных групп при номинализациях):

Русский:

(3) a. *У аспиранта был план работы, но **его** исследование пошло не так, как предполагалось* (притяжательное местоимение соотносится с субъектом исходного глагола *исследовать*).

b. *Этот слой почвы находится глубоко, и **его** исследование затруднено* (притяжательное местоимение соотносится с объектом исходного глагола *исследовать*).

Французский:

(4) a. *J'ai commencé **ma** recherche* 'Я начал **своё** исследование' (притяжательное местоимение соотносится с субъектом исходного глагола *chercher* 'искать').

b. *Ils sont partis à **ma** recherche* 'Они отправились **меня** искать**'** (буквально 'на **мои** поиски') (притяжательное местоимение соотносится с объектом исходного глагола *chercher* 'искать').

Сразу отметим, что все русские притяжательные местоимения 3-го лица – а именно, *его*, *её* и *их* (ср. *Это **его** / **её** / **их** дом*) – одновременно являются формами родительного и винительного падежей личных аргументных местоимений *он, она*, *оно* и *они* (ср. *Я **его** / **её** / **их** вижу*). Отсюда возникает проблема их различения, впервые поставленная в работе (Виноградов, 1947, с. 335). Порядок слов в русском языке отчасти диктует посессивное или аргументное понимание местоимений, но не определяет его полностью: местоимение, находящееся в постпозиции к отглагольному существительному (как форма *его* в примере (5)), может быть как аргументным, так и притяжательным. Такая двойная интерпретация возможна только для омонимичных форм.

(5) *Объективная оценка какого-либо общественного или государственного института возможна лишь при **сопоставлении его** с тем институтом, на смену которого он пришел* (А. Афанасьев. Суд присяжных в России, 2003).

Напротив, местоимение в препозиции к существительному (ср. (3ab)) следует считать притяжательным, поскольку зависимые в генитиве при отглагольном существительном обычно находятся после него, как в примере (6), а препозиция для них нехарактерна. Аргументные местоимения *меня*, *тебя, нас* и *вас,* не омонимичные притяжательным, ведут себя так же, как существительные, и не могут стоять перед отглагольным существительным (7):

(6) *учитель* ***географии*** */* ****географии*** *учитель*

(7) *назначение* ***меня*** */* ****меня*** *назначение на должность*

Во французском языке такой омонимии не возникает – аргументные местоимения в позиции субъекта и прямого объекта (*il* ‘он’, *elle* ‘она’, *me* ‘меня’, *le* ‘его’, *la* ‘её’ и др.) и притяжательные местоимения (*mon* ‘мой’, *son* ‘его, её’ и др.) не совпадают.

Перейдём теперь к более подробному анализу употребления местоимений. Наша цель – проанализировать распределение типов местоимений и найти ответы на два ключевых вопроса:

1) Как для того или иного контекста выбирается тип местоимения (аргументное vs. притяжательное)?

2) Что влияет на понимание местоимения в данном контексте (субъектная vs. объектная интерпретация)?

Ответ на каждый из этих вопросов нельзя объяснить одним общим фактором. Выбор и интерпретация местоимений являются результатом взаимодействия нескольких факторов. Начнём с первого вопроса – о выборе типа местоимения, см. часть 3. Далее, в части 4, мы кратко коснёмся вопроса об интерпретации местоимений.

Обсуждая факторы выбора местоимения, мы будем говорить преимущественно об употреблении местоимений в позиции, соответствующей объекту исходного глагола, где часто возможны оба типа местоимений. В субъектной позиции употребление аргументных местоимений крайне ограничено (ср. недопустимое **sortie* ***de moi*** *de la maison* */ **выход* ***меня*** *из дома* и грамматичное ***ma*** *sortie de la maison* / ***мой*** *выход из дома*). Среди прочего, в рамки исследования не вошли случаи выражения субъекта исходного глагола группой с предлогом *par* во французском языке и формой творительного падежа в русском (*la discussion de ce problème* ***par nous*** */ обсуждение* ***нами*** *этой проблемы*).

3. Выбор типа местоимения

Сразу перечислим основные факторы, влияющие на выбор местоимения. Это **разрешение потенциальной неоднозначности**; **выделение в ряду других участников ситуации; событийная vs. результативная интерпретация отглагольного имени; наличие сочинительной конструкции; наличие у отглагольного имени других зависимых.**

3.1. Разрешение неоднозначности

Важным фактором употребления аргументного, а не притяжательного, местоимения, является разрешение потенциальной неоднозначности. Здесь можно выделить несколько случаев.

3.1.1. Различение объектного и субъектного употребления местоимений

И для русского, и для французского языков релевантна **возможность отличить объектное употребление местоимения от субъектного**. Если в некотором контексте возможно употребление и притяжательного, и аргументного местоимения, то аргументное местоимение тяготеет именно к объектному прочтению, а не к субъектному. Прочтение притяжательного местоимения может быть разным.[1] В примере (8) использование аргументного местоимения не создаёт неоднозначности – здесь возможно лишь объектное прочтение.

Русский:

(8) ***Подготовкой нас*** *к Лемми-терапии займутся опытные специалисты из IFK и EST* («Столица», 28.10.1997).

Употребление варианта с притяжательным местоимением ***нашей*** *подготовкой к Лемми-терапии* допускало бы как объектное прочтение ‘Х готовит нас к терапии’, так и субъектное – относящееся к субъекту при возвратном глаголе ‘мы сами готовимся к терапии’.

Так же во французском примере (9) употребление аргументного местоимения с предлогом имеет объектное прочтение ‘поиск меня’.

(9) *Je pense que vous étiez à la* ***recherche de moi*** ‘Я думаю, что вы **меня искали’** (буквально ‘что вы были **в поисках меня**’) (Instagram, 2025).

Напротив, притяжательное местоимение при слове *recherche* в примере (10) по умолчанию интерпретируется как ‘исследование, которое я веду’ или ‘исследование, которое принадлежит мне’, то есть отсылает к субъекту:

(10) *Si j’ai mal effectué* ***ma recherche****, je vous prie de bien vouloir m’en excuser* ‘Если я плохо провёл **своё исследование**, прошу вас меня извинить за это’ (forum.ubuntu-fr.org, 2019).

3.1.2. Возможность выражения грамматических категорий

Для французского языка в употреблении аргументного местоимения теоретически могла бы быть значима **возможность выразить род актанта**, который во фразе с притяжательным местоимением остался бы неизвестным. Это связано с тем, что местоимения *son / sa / ses* ‘его / её’ фиксируют род и

[1] Позже мы коснёмся этого более подробно; см. примеры (28)–(31) и комментарий к ним в части 4.

число определяемого слова, то есть самого отглагольного существительного, а для референта местоимения задают только число и лицо.

(11) *Des phrases courtes et sobres qui touchent pour dire la sale expérience vécue par Bintou, à savoir* ***l'expulsion d'elle*** *et de sa famille par des policiers du logement qu'ils occupaient depuis dix ans* 'Короткие, сдержанные, трогательные фразы описывают неудачный опыт Бинту – а именно, **выселение её** и её семьи полицейскими из дома, который они занимали в течение десяти лет' (lu-cieandco.blogspot.com, 2016).

Однако этот фактор, видимо, не является значимым. Во всех найденных нами примерах типа (11) роль скорее играет другой фактор – местоимение в них выступает в сочинительной конструкции (см. часть 3.4.1 ниже). Необходимо отметить, что тот же смысл мог бы быть выражен альтернативной конструкцией с притяжательным местоимением (12) и указательным местоимением *celle,* заменяющим во второй части сочинительной конструкции слово *expulsion*:

(12) *On essaie de faire au plus vite pour stopper* ***son expulsion*** *et celle de sa famille* 'Мы пытаемся действовать как можно быстрее, чтобы остановить **выселение её** и её семьи' (www.ouest-france.fr, 05.12.2018).

В русском языке фактор различения рода референта отсутствует, поскольку притяжательные местоимения *его, её* отражают род, число и лицо обладателя.

3.2. Контексты выделения

В обоих языках с помощью употребления аргументного местоимения при отглагольном существительном участник в объектной позиции при номинализации часто **выделяется и противопоставляется другим, альтернативным участникам** (в этом случае в русском языке употребляется, как в примере (13), возвратное местоимение *себя* – это употребление похоже на то, к которому в (Лютикова 2001) применяется термин «интенсификатор»). Это происходит прежде всего тогда, когда субъект и объект исходного глагола кореферентны. Во французском языке (ср. пример (14)) такие случаи обслуживаются аргументными местоимениями с показателем *même* 'сам', а в русском – как сложным показателем *себя самого*, так и простым рефлексивом *себя*. Притяжательные местоимения с целью выделения объекта, кореферентного субъекту, обычно не употребляются.

Русский:

(13) *Ностальгия по старому – это* ***неприятие себя самого*** *сегодня* (www.otvet.mail.ru/question, 2015) (возможно также *неприятие* ***себя***, но невозможно в объектном значении *#**своё** (собственное) неприятие*).

Французский:

(14) *Peut-être que tu es en train de vivre une période d'****expulsion de toi-même****, une période où tu sens tes conditions d'existences se préciser* 'Возможно,

ты переживаешь период **отторжения самого себя**, период, когда тебе становятся понятнее условия твоего существования'
(www.jeuxvideo.com, 2020) (ср. невозможное *une période de **ton** expulsion*).

Во французском языке фактор выделения, видимо, более значим для употребления аргументных местоимений, чем в русском – на это указывает тот факт, что французские аргументные местоимения при отглагольных существительных очень часто выступают в сочетании с *même. Même* компенсирует отсутствие в системе французских аргументных ударных местоимений специального возвратного местоимения (как *себя* в русском языке). В отсутствие показателя *même* конструкция с аргументным местоимением типа *expulsion de toi* могла бы значить не только 'отторжение тебя тобой самим', но и 'отторжение тебя кем-то ещё'. Примеры, где аргументные местоимения употребляются не в контексте совпадения актантов и, соответственно, без показателя *même*, довольно редки (ср. (15)):

(15) *Découvrez les façons d'exécuter des actions de base sur vos produits incluant l'ajout de nouveaux articles, **la modification ou l'enlèvement d'eux**, **l'assignation d'eux** aux catégories etc.* 'Узнайте, как выполнять основные действия с продуктами, включая добавление новых товаров, **их изменение** или **(их) удаление**, **распределение их** по категориям и т. д.' (www.prestashopmanager.com/fr, 08.05.2013) (о заказе в интернет-магазине).

Сочетания ***la modification ou enlèvement d'eux*** и ***assignation d'eux*** *aux catégories* означают '**изменение и удаление их** (кем-то ещё)' и '**распределение их** по категориям (кем-то ещё)'.

Для русского языка интенсификатор *сам* обычно может быть опущен, так как совпадение актантов уже выражено возвратным местоимением *себя.*

3.3. Событийная vs. результативная интерпретация отглагольного имени

Помимо интенсификации и некоторых других факторов, на употребление местоимений влияет **тип интерпретации самого отглагольного имени.** Мы различаем динамическую интерпретацию, близкую к значению исходного глагола (Complex Event Nominal в терминах (Grimshaw, 1990)), и результативную интерпретацию, которая в меньшей мере наследует семантику и свойства исходного глагола (Result Nominal). Если притяжательные местоимения сочетаются с обоими типами употреблений отглагольных имён, то аргументные местоимения легче присоединяются к отглагольным существительным, очень близким к исходным глаголам (Complex Event Nominals). В примере (16) слово *представление* обозначает некоторый процесс изменения и очень близко по семантике к исходному глаголу и поэтому допускает оба типа местоимений. В (17) то же существительное *представление* употребляется как Result

Nominal – оно обозначает набор документов, необходимых для представления к званию, то есть объект, а не ситуацию, а значит, сочетается только с притяжательным местоимением.

(16) *Там такие шутливые были сказаны фразы еще: «Ты можешь прокручивать дырочки в лацкане пиджака», намекая на возможность* ***представления меня*** *к государственной награде.* (Новая газета, 27.11.2017) (возможно также *моего представления*, ср. *Потребовалось согласование высших партийных органов для* ***моего представления*** *к званию «Заслуженный изобретатель РФ»*, С. Левинзон, Моя жизнь…, 2020).

(17) *Например,* ***моё представление*** *на звание Народного артиста обошло все положенные инстанции, но «застряло» на минкультовской комиссии по кино: мои документы «отложили» на неопределенный срок.* (Труд-7, 09.07.2004) (ср. #***представление меня***, невозможное в значении ‘набор документов’).

Аргументные местоимения не случайно предпочитают именно номинализации с событийной интерпретацией. Как было сказано выше, номинализации такого типа наследуют большой набор свойств от исходного глагола. Поскольку глаголы допускают выражение актантов только с помощью аргументных, а не притяжательных местоимений, это свойство также наследуется номинализациями с событийной интерпретацией.

Данный фактор в первую очередь значим для русского языка. Для французских конструкций с отглагольными существительными, по-видимому, в целом более естественно употребление притяжательных местоимений. Употребление аргументных местоимений во французском связано не с интерпретацией отглагольного имени, а с необходимостью выделения или снятия неоднозначности. При этом даже немногочисленные найденные примеры показывают, что номинализации с аргументными местоимениями способны иметь не динамическое прочтение, а результативное (18):

(18) *Nous avons une description* ***de lui*** [d’Aristote]*, et elle n’est pas très flatteuse. Il avait des jambes arquées et de petits yeux* ‘У нас есть **его** описание [Аристотеля], и оно не очень лестное. У него были кривые ноги и маленькие глаза’ (www.nationalgeographic.fr, 18.12.2025)

3.4. Синтаксические факторы

Важное место среди факторов выбора аргументного или притяжательного местоимения занимает устройство синтаксической конструкции. На выбор местоимения влияют как наличие в одной из актантных позиций конструкции с сочинением местоимения и именной группы, так и наличие у номинализации других выраженных актантов, помимо местоимения.

3.4.1. Употребление в составе сочинительной конструкции

Рассмотрим сначала контексты, где местоименный участник соединяется в рамках **сочинительной конструкции** с участником, выраженным именной группой. В этой ситуации употребление притяжательного местоимения практически невозможно – оно создавало бы различия между конъюнктами в синтаксическом статусе и делало бы предложение неграмматичным.

Русский:

(19) *Первый <…> достиг поставленной цели — **отстранения меня и команды, работавшей вместе со мной**, от руководства городом* (А. Собчак. Дюжина ножей в спину, 1999) (ср. невозможное **моё отстранение и команды*).

Французский:

(20) *Faisant référence à **la nomination d'elle et ses deux sœurs** pour Miss Golden Globe, elle a confié que « ça avait complètement changé leur vie »*
'Говоря о **номинации её и её двух сестер** на «Мисс Золотой глобус», она призналась, что «это полностью изменило их жизнь»'
(www.20minutes.fr, 2017) (ср. невозможное **sa nomination et ses deux sœurs*).

Тем не менее в русском языке сочинение притяжательного местоимения и именной группы не полностью запрещено (в корпусе встречаются примеры типа (21), где в качестве конъюнктов выступают притяжательное местоимение и именная группа). Притяжательные местоимения в таких употреблениях обладают особыми свойствами, которые роднят их с аргументными: выделяются интонационно и располагаются после номинализации.

(21) *Но вообще-то это должность выборная, а мнения **ваше** и **коллектива** могут разойтись* («Огонек». № 10, 1991).

Во французском языке в той же функции употребляются структуры, где во второй части сочинительной конструкции номинализация заменяется соответствующей формой указательного местоимения *celui / celle / ceux / celles* 'этот / эта / эти' (см. выше пример (12)).

3.4.2. Наличие у номинализации других зависимых

В русском языке на употребление аргументных местоимений влияет не только сочинение, но и другие свойства синтаксической конструкции. При наличии у номинализации нескольких зависимых в разных синтаксических позициях аргументное местоимение употребляется свободнее, чем если оно является единственным зависимым.

Русский:

(22) *Жириновский из принципа проголосует против **выдвижения себя** в президенты* (Ведомости, 12.13.2011) (ср. сомнительное ?*Жириновский проголосует против **выдвижения себя***).

(23) *Придя в наш город, проповедовал ты, что нет жизни вечной и нет царствия небесного, а есть только познание природы человека и* ***лечение его*** *чародейскими снадобьями твоего учителя Парацельса* (А. Вайнер, Г. Вайнер. Лекарство против страха, 1987) (ср. сомнительное ***лечение его*** – без других зависимых).

Причина релевантности этого фактора для русского языка следующая. При отсутствии других зависимых аргументные местоимения находятся в абсолютном конце именной группы, где по умолчанию несут на себе интонационное и смысловое выделение. Однако такое выделение может быть неуместно, если местоимение не является основной ремой и не противопоставлено другим участникам. При наличии других зависимых после местоимения эффект выделения снимается, и употребление аргументного местоимения обычно возможно. Так, в примере (22) местоимение *себя* допустимо потому, что существительное *выдвижение* имеет и другое зависимое – предложную группу *в президенты*, точно так же в (23) допустимость местоимения *его* как аргументного обусловлена наличием ещё одного актанта (средства лечения).

В то же время фактор наличия других зависимых, вопреки мнению Е. В. Падучевой (1984, с. 66), не влияет на употребление притяжательных местоимений – примеры (24) и (25) с притяжательными местоимениями также полностью допустимы.

(24) *В. Жириновский обещает голосовать против* ***своего выдвижения*** *в президенты* (РБК, 13.12.2011).

(25) *Доверься студент врачам, начавшим* ***его лечение*** *традиционными методами, возможно, остался бы жив* (О. Кашубина. Как болел бы врач: маленькие хитрости большого здравоохранения, 2018).

Для французского языка значимость данного фактора представляется сомнительной. По-видимому, это связано с тем, что во французском выражение семантики ситуации с помощью глаголов в целом более предпочтительно по сравнению с именным выражением. Тем более редко встречаются конструкции, где при отглагольных существительных выражено несколько зависимых – такие конструкции воспринимаются слишком тяжеловесно. Так, в примерах, аналогичных (22) и (23), редко встречается сочетание аргументного местоимения с другим актантом при отглагольном существительном:

Французский:

(26) *?****le traitement de lui*** *par hormonothérapie* ‘**лечение его** гормональной терапией’

(27) *?****la nomination d’elle*** *à l’élection présidentielle* ‘**выдвижение ее** на выборы президента’

4. Выбор прочтения местоимения

Перейдем ко второму из упомянутых ранее вопросов: с чем связано то, что в одних случаях местоимение отсылает к субъекту исходного глагола, а

в других – к объекту? Полный набор факторов, релевантных для прочтения, на сегодняшний день ещё не выявлен. Однако, судя по всему, ответ на этот вопрос в первую очередь зависит от семантического класса отглагольного существительного (различные свойства могут иметь имена со значением эмоций, физического воздействия, изменения социального статуса и т. д.). Так, примеры (28)–(31) показывают, что в обоих языках при существительных со значением социальных изменений предпочтительна объектная интерпретация (*моё увольнение, ma promotion* – ‘меня уволили’, ‘меня повысили’), а при существительных со значением когнитивного состояния – субъектная (*моё знание, ma compréhension* – ‘я знаю’, ‘я понимаю’).

Русский:

(28) ***Моё увольнение*** *является незаконным* (www.disright.org/sites/default/files/zayavlenie_v_sud.pdf).

(29) *Просто я сам не очень люблю сидеть за рулем, да и* ***моё знание*** *улиц Кирова пока оставляет желать лучшего* (Труд-7, 02.03.2009).

Французский:

(30) *Plus je refuse ses avances, plus il me met des bâtons dans les roues pour empêcher* ***ma promotion*** *au boulot* ‘Чем больше я отвергаю его ухаживания, тем больше он ставит мне палки в колёса, чтобы помешать **моему продвижению** на работе’ (lematin.ma, 25.03.2006).

(31) *Cet échange à Ferrare m’a permis d’améliorer* ***ma compréhension*** *de la langue italienne* ‘Этот обмен в Ферраре позволил мне улучшить **моё понимание** итальянского языка’ (www.camillejullian.com/IMG/pdf/echange_ferrara_cpes_-_cpge_te_moignages_et_photos_.pdf).

5. Заключение

Подведём итоги. Как было показано, выбор типа местоимения при отглагольном существительном регулируется различными факторами. В частности аргументные местоимения легче употребляются при номинализациях с событийной интерпретацией, наследующих свойства исходного глагола. Кроме этого, на употребление одного или другого типа местоимений влияют синтаксические факторы – в частности, наличие сочинительной связи и наличие других зависимых при отглагольном существительном, помимо местоимения. Наконец, значимы коммуникативные факторы – вероятность употребления аргументного местоимения больше при выделенности актанта.

Действие этих факторов можно свести к одной общей тенденции. И в русском, и во французском языке аргументные местоимения маркированы по сравнению с притяжательными и несут на себе большее интонационное и смысловое выделение. В части случаев это ведёт к употреблению аргументных местоимений для выделенных актантов (как в контекстах кореферентности). В других же случаях их выделенность либо понижается в связи

с наличием другого зависимого, либо нерелевантна, и тогда их употребление обусловлено требованиями синтаксического параллелизма (как в случае сочинительных конструкций).

При этом в русском языке аргументные местоимения употребляются шире, чем во французском – во французском этот тип местоимений используется в первую очередь для выделения, но не при наличии у номинализации других зависимых.

Кроме того, в обоих языках различным может быть прочтение притяжательного местоимения – выбор субъектного или объектного прочтения зависит от семантики отглагольного существительного.

ЛИТЕРАТУРА

ВИНОГРАДОВ, В.В., 1947. *Русский язык. Грамматическое учение о слове.* Москва, Ленинград: Учпедгиз.

ЛЮТИКОВА, Е.А., 2001. *Когнитивная типология: Рефлексивы и интенсификаторы*. Москва: ИМЛИ РАН.

ПАДУЧЕВА, Е.В., 1984. Притяжательное местоимение и проблема залога отглагольного имени. В: Григориев, В.П. (отв. ред.). *Проблемы структурной лингвистики 1982*. Москва: Наука, с. 50–66.

ПАЗЕЛЬСКАЯ, А.Г., 2006. *Наследование глагольных категорий именами ситуаций: на материале русского языка:* дис. … канд. филол. наук. Москва: МГУ.

REFERENCES

ABEILLE, A., GODARD, D. (eds.) 2021. *La grande grammaire de français.* Arles: Actes Sud & Imprimerie nationale.

BALVET, A., BARQUE, L., CONDETTE, M.H., HAAS, P., HUYGHE, R., MARIN, R., MERLO, A., 2011. La ressource Nomage. Confronter les attentes théoriques aux observations du comportement linguistique des nominalisations en corpus. *Revue TAL: traitement automatique des langues*, Ressources Linguistiques Libres, 52 (3), pp. 129–152.

DE CUBA, C., 2017. Noun complement clauses as referential modifiers. *Glossa: A Journal of General Linguistics*, 2.1.

GRIMSHAW, J., 1990. *Argument structure*. Cambridge, MA: MIT Press.

KOPTJEVSKAJA-TAMM, M., 1993. *Nominalizations*. London: Routledge.

LJUTIKOVA, E.A., 2001. *Kognitivnaja tipologija: Refleksivy i intensifikatory*. Moskva: IMLI RAN.

PADUCHEVA, E.V., 1984. Pritjazhatel'noe mestoimenie i problema zaloga otglagol'nogo imeni. In: GRIGORIEV, V.P. (ed.). *Problemy strukturnoj lingvistiki 1982*. Moskva: Nauka, pp. 50–66.

PAZEL'SKAJA, A.G,. 2006. *Nasledovanie glagol'nyh kategorij imenami situacij: na materiale russkogo jazyka*: dis. … kand. filol. nauk. Moskva: MGU.

RIEGEL, M., PELLAT, J.-Ch., RIOUL, R., 1994. *Grammaire métodique du français.* Paris: Presses universitaires de France (PUF).

RUDNEV, P., VOLKOVA. A., 2020. Case marking in Russian eventive nominalisations revisited. *Russian Linguistics,* 44 (2), pp. 157–175.
VINOGRADOV, V.V., 1947. *Russkij jazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove*. Moskva, Leningrad: Uchpedgiz.

Prof. Alexander Letuchiy, DSc
ORCID ID: 0000-0002-4151-2550
School of Linguistics
HSE University / Vinogradov Russian Language Institute
of Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
e-mail: alexander.letuchiy@gmail.com

Assoc. Prof. Elena Nikishina, PhD
ORCID ID: 0000-0002-1626-5850
School of Linguistics
HSE University / Vinogradov Russian Language Institute
of Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
e-mail: helene.nikichina@gmail.com

https://doi.org/10.60056/SE.2026.1.36-47

L'ASPECT EN POLONAIS ET EN FRANÇAIS À LA LUMIÈRE DE LA THÉORIE DE KAROLAK

Małgorzata Nowakowska
Université UKEN de Cracovie

ASPECT IN POLISH AND FRENCH IN THE LIGHT OF KAROLAK'S THEORY

Małgorzata Nowakowska
UKEN, Krakow

Polish and French are languages that have not grammaticalized the category of aspect in the same way. The verbal morphology of Polish clearly shows the opposition between perfectivity and imperfectivity, whereas that of French does not. French verbal morphology, on the other hand, shows the aspectual opposition between resultativity and non-resultativity (processivity). It does so through compound and simple verb forms. In turn, this opposition is not grammaticalized in Polish. This non-correspondence between Polish and French poses problems for analysis, even if some verbal uses remedy this. This article will show how one can specify this picture of (non)correspondences from the theory of aspect developed by Stanisław Karolak.

Key words: grammatical aspect, lexical aspect, unitary approach, Polish, French

Польский и французский языки различаются по способу грамматикализации категории вида. Глагольная морфология польского языка четко демонстрирует противопоставление перфективности и имперфективности, тогда как во французском дела обстоят иначе. Французская глагольная морфология, со своей стороны, демонстрирует видовое противопоставление результативности и нерезультативности (процессуальности). Это достигается с помощью сложных и простых глагольных форм. В польском же это противопоставление не грамматикализовано. Установленное несоответствие между польским и французским языками ставит вопросы, требующие анализа, даже если некоторые глагольные употребления это компенсируют. В данной статье будет показано, как можно точнее определить эту картину (не)соответствий на основе теории вида, разработанной Станиславом Каролаком.

1. La catégorie de l'aspect[1]

Bien que le système verbal français se caractérise par les grammèmes qui amalgament le sens aspectuel et le sens temporel, il est indispensable de séparer la catégorie du temps de celle de l'aspect. L'aspect, qui – contrairement au temps – n'est pas une catégorie déictique, donne une représentation à la situation exprimée par le verbe. Dans les travaux aspectologiques on trouve un éventail de ces représentations : une représentation globale opposée à une représentation partielle, ou bien une représentation singulière opposée à une représentation itérative. Étant donné que toute situation exige du temps, l'aspect se laisse décrire aussi en termes de phases (Comrie, 1976 ; Dik, 1989). La situation elle-même désigne la phase dite « processive », divisée, à son tour, en trois phases (initiale, centrale et terminale), mais on distingue aussi la phase préparatoire (pré-initiale) et post-terminale. Il est communément admis que toutes ces informations aspectuelles sont majoritairement données par des grammèmes dans différentes langues et aussi par des lexèmes ou des expressions semi-grammaticalisées. Ceci dit, une situation peut aussi être décrite par son caractère statique ou dynamique, son caractère duratif ou momentané, son caractère transitionnel ou non-transitionnel, son caractère limité ou non-limité, etc. Ces caractéristiques sont souvent véhiculées par des lexèmes verbaux, ce qui fait qu'on distingue l'aspect lexical de l'aspect grammatical. Bien que dans sa théorie, Stanisław Karolak reconnaisse l'existence de sens aspectuels divers, il ne les attribue pas spécifiquement à un grammème ou à un lexème : il insiste sur leur répartition originale dans différentes langues. Avant de présenter cette approche unitaire de l'aspect et de l'appliquer à la comparaison du polonais avec le français, on montrera les systèmes verbaux du polonais et du français, qui dévoilent une grammaticalisation différente des aspects perfectif, imperfectif, résultatif et non-résultatif.

2. Morphologie verbale du polonais et du français

La comparaison de la morphologie verbale du polonais et celle du français révèle une grande différence. Le polonais, comme d'autres langues slaves, marque l'opposition entre perfectivité et imperfectivité alors que le français, comme d'autres langues romanes, marque l'opposition aspectuelle entre résultativité et non-résultativité (processivité) (cf. Apothéloz 2021).

2.1. Aspect perfectif *vs* imperfectif en polonais

En polonais, quand on veut désigner un verbe, on a affaire, presque toujours[2], à deux formes verbales : l'une est perfective (PF) et l'autre, imperfective (IP). Cette

[1] J'adresse mes remerciements à Denis Apothéloz pour ses nombreuses remarques qui ont contribué à améliorer considérablement le présent texte.

[2] Il existe aussi des cas défectifs comme *imperfectiva tantum* et *perfectiva tantum*. Certains verbes sont aussi biaspectuels.

différence est marquée par différents moyens morphologiques dont les principaux sont illustrés ci-dessous :

(a) czytać (IP) – **prze**-czytać (PF) (‘lire’)
(b) podpisać (PF) – podpis-**yw**-ać (IP) (‘signer’)
(c) skreśl**i**ć (PF) – skreśl**a**ć IP (‘rayer’ / ‘supprimer’)
(d) mówić (IP) – powiedzieć (PF) (‘dire’)

Ainsi, dans les cas du type (a), on ajoute au verbe imperfectif un préfixe pour obtenir le partenaire perfectif. Dans les cas du type (b), c’est au perfectif qu’est adjoint un suffixe pour former le partenaire imperfectif[3]. Il y en a encore d’autres qui se différencient par une ou plusieurs alternances du thème verbal comme en (c). Pour certains verbes encore, ce sont deux formes supplétives qui forment un couple aspectuel comme en (d).

Étant donné que l’opposition perfectivité *vs* imperfectivité est grammaticalisée en polonais, des formes telles que *czytać* (IP) – *przeczytać* (PF) (‘*lire*’) sont traitées comme un seul et même lexème ; la situation serait alors analogue, par exemple, à celle d’un nom qui serait au singulier ou au pluriel. Notons que les marques aspectuelles sont présentes aussi dans d’autres formes non-finies que l’infinitif (le participe passé) et dans les formes finies comme les temps verbaux (le passé et le futur) ou les modes (le conditionnel et l’impératif). Le présent constitue une exception : seule la forme imperfective est possible pour ce temps. Il en est de même du participe présent et du gérondif polonais.

2.2. Aspect résultatif *vs* non-résultatif en français

À la différence du polonais, le français oppose les formes verbales simples aux formes composées. On l’observe dans l’infinitif (*lire – avoir lu*, *sortir – être sorti*), dans les temps verbaux[4] et les modes (le conditionnel et le subjonctif). Les formes composées sont formées d’un verbe auxiliaire *avoir* ou *être* qui est suivi d’un participe passé du verbe lexical. C’est de cette manière que se manifeste l’opposition entre aspect résultatif et aspect non-résultatif (processif). Ceci dit, dans le français d’aujourd’hui, les formes verbales composées (sauf le passé antérieur) ont aussi une seconde valeur, la valeur processive (cf. Apothéloz, 2021). Dans cette situation d’ambiguïté l’aspect résultatif est reconnaissable parce qu’il ne permet pas de localiser le procès signifié par le verbe sur l’axe du temps.

[3] Il y a des verbes qui ne suivent pas cette règle : ils dérivent une forme perfective en ajoutant un suffixe à la forme de base. Ce sont des verbes intérieurement itératifs (Antinucci & Gebert, 1975) qui sont imperfectifs et leurs partenaires perfectifs ont un sens semelfactif, comme par exemple, *machać – mach-n-ąć* (‘mettre en mouvement répétitif un objet ou un membre du corps comme la main’ – ‘exécuter un seul mouvement avec un objet ou un membre du corps comme la main’).

[4] Les termes grammaticaux traditionnels ne révèlent pas cette régularité morphologique à l’exception des termes « passé composé » et « passé simple ». Par ailleurs, le français dispose aussi de formes surcomposées (Apothéloz, 2021).

Quelle que soit la définition de la perfectivité et de l'imperfectivité, cette opposition concerne toujours le procès seul (phase processive) alors que la résultativité concerne le procès étant inséparable de l'état consécutif, i.e. sa phase post-processive. C'est cette phase qui est focalisée, comme si le procès était représenté à partir de son résultat (cf. Reichenbach, 1947 ; voir la discussion autour de la théorie de ce logicien dans Apothéloz, 2017 ; Gosselin, 2017 ; Azzopardi & Bres, 2017 ; Vetters, 2017).

2.3. Aspect perfectif *vs* imperfectif en français

Contrairement à la (non)résultativité, cette opposition ne concerne pas toutes les formes verbales finies et non-finies ; elle ne se limite qu'au domaine du passé et qu'à deux temps verbaux : le passé simple et l'imparfait[5]. De plus, les grammèmes de ces deux temps combinent nécessairement le sens perfectif ou imperfectif avec celui du passé. Par ailleurs, il n'est pas faux d'attribuer le sens perfectif au passé composé ou au plus-que-parfait à condition qu'ils se soient approprié la valeur processive[6].

3. L'aspect dans l'approche unitaire de Karolak

Comme on l'a vu, la morphologie verbale du polonais et du français révèle une non-correspondance considérable entre ces deux langues dans la grammaticalisation du sens aspectuel. Le système du français ne permet d'exprimer l'opposition perfectivité *vs* imperfectivité que par deux temps verbaux alors que le système du polonais n'exprime pas du tout la résultativité (cf. Nowakowska, 2016). Pour comparer des langues si différentes, le cadre théorique de Stanisław Karolak, fondé sur une approche onomasiologique, semble particulièrement pertinent. Selon ce linguiste polonais, à la base du sens aspectuel, il y a deux primitifs : la continuité et la non-continuité (ou momentanéité). La continuité implique une durée illimitée comme si on faisait abstraction de toute limite temporelle. En revanche, pour concevoir la non-continuité, on fait abstraction de toute durée. Les langues disposent de moyens qui permettent d'exprimer non seulement ces primitifs aspectuels, mais aussi leurs combinaisons avec diverses hiérarchies, appelées « configurations aspectuelles ». Selon Karolak, ces signifiés sont véhiculés aussi bien par les grammèmes que les lexèmes verbaux (cf. Karolak, 1991, 1995, 2005, 2007, 2008), ce qui conduit à inscrire sa théorie dans les approches unitaires de l'aspect.

Commençons la présentation de ce modèle par l'analyse des lexèmes verbaux. Un lexème verbal peut véhiculer, outre les sèmes spécifiques non aspectuels, la continuité (*connaître – znać* IP, *jouer – grać* IP) ou la non-continuité (*cogner –*

[5] Notons qu'il s'agit des temps verbaux simples, qui représentent donc la phase processive comme c'est le cas de l'aspect perfectif *vs* imperfectif.

[6] Voir la discussion d'Apothéloz (2025) avec Bertinetto (2014), qui se sert du caractère propulsif du plus-que-parfait italien pour soutenir l'idée de son aoristisation.

uderzyć się PF, *apercevoir – spostrzec* PF[7]). Un lexème verbal peut aussi exprimer une configuration d'aspects dans laquelle les primitifs sont des composantes. Par exemple, le lexème *naître* (*urodzić się* PF) combine la non-continuité avec la continuité, la première étant dominante. À cette configuration, appelée « conclusive »[8], Karolak (Karolak, 2008 : p. 129) donne la formule suivante :

(A) Il est advenu **P** qui a causé (le résultat) **Q**

où *P* et *Q* sont des variables propositionnelles (spécifiées par le sens des lexèmes verbaux), le soulignement marquant la composante dominante.

Cette formule fait voir la hiérarchie des deux composantes aspectuelles : la composante non-continuative *P* domine la composante continuative *Q*. De plus, elle la précède. En d'autres termes, on peut dire que cette configuration combine un événement (composante non-continuative *P*) avec un état consécutif (composante continuative *Q*).

Une forme verbale qui se compose d'un lexème et d'un grammème peut aussi représenter une configuration aspectuelle. Dans ce cas, selon Karolak, c'est le sens aspectuel porté par un grammème qui domine celui qui est porté par un lexème verbal. La non-continuité est véhiculée par les grammèmes de perfectivité polonais et ceux de passé simple ou de passé composé processif français et la continuité, par les grammèmes d'imperfectivité polonais[9] et ceux d'imparfait ou de présent français.

Dans ce cadre théorique, la résultativité est rendue par la « configuration de parfait », qui est formulée de la façon suivante :

(B) Il se passe **Q** qui est déclenché par un événement **P**[10]

Contrairement à la configuration conclusive, ici c'est la composante continuative *Q* qui domine la composante non-continuative *P*. De plus, c'est *Q* qui est le résultat de *P*. Cette configuration n'est valable que pour la combinaison d'un

[7] Notons que pour maintenir la correspondance sémantique avec le français, du côté du polonais, on a dû choisir des infinitifs imperfectifs (*znać* et *grać*) qui signifient la continuité et des infinitifs perfectifs (*uderzyć* się et *spotrzec*) qui signifient la non-continuité. Ce choix est dû au fait que les lexèmes verbaux portent nécessairement, sauf exceptions, une marque de perfectivité ou d'imperfectivité et que ces marques véhiculent le sens aspectuel dominant dans une configuration.

[8] Dans certains travaux de Karolak, elle était aussi appelée « inchoative » (Karolak, 2007) pour la distinguer de la configuration « résultative », qui comprend un sens causal (comme dans le verbe *arrêter* opposé à *s'arrêter*). Karolak prend la décision de réunir ces deux configurations sous l'étiquette de « conclusive » étant donné que le sens causal ne fait pas partie du sens aspectuel (cf. Antinucci et Gebert, 1975/76 ; Karolak, 1996).

[9] Il n'est pas tout à fait juste de parler du polonais en termes de grammèmes de perfectivité *vs* imperfectivité puisque ce sont les lexèmes verbaux qui véhiculent ce sens, comme on l'a montré au début de cet article. Il faudrait donc utiliser plutôt les termes de lexèmes-grammèmes ou de morphèmes lexicaux-grammaticaux (voir la note 65).

[10] Dans ses formulations, Karolak utilise le passé composé pour indiquer la composante non-continuative et le présent, pour la composante continuative.

lexème avec un grammème de résultativité, ce qui est le cas des formes verbales composées en français. Elle n'est pas attestée dans un lexème seul, comme on l'a vu pour la configuration conclusive. Bien entendu, ce cadre théorique prévoit des configurations qui comprennent un nombre différent de composantes et qui hiérarchisent ces composantes de diverses manières.

4. L'analyse contrastive de l'aspect en polonais et en français

On essaiera de montrer quelles sont les conséquences de l'application de l'approche de Karolak dans la comparaison du polonais avec le français. On analysera d'abord l'aspect (im)perfectif en abordant le problème dans le sens polonais–français et, ensuite, l'aspect (non)résultatif dans le sens français-polonais. On consacrera une analyse à part au sens limitatif. Bien entendu, le cadre de cet article limite considérablement cette analyse.

4.1. Aspect perfectif *vs* imperfectif en polonais et ses correspondants français

Comme on l'a vu *supra*, la majorité des verbes polonais dans leur forme infinitivale marque la distinction perfectivité *vs* imperfectivité. Par exemple, un verbe imperfectif comme *znać* (*connaître*) a pour partenaire perfectif *poznać*, qui ne correspond à aucun verbe français[11]. Le verbe imperfectif *znać* et le verbe *connaître* français représentent tous les deux une continuité simple (un état) tandis que *poznać* (perfectif) représente une configuration conclusive. Comme on l'a vu en (A), dans cette configuration, c'est la composante non-continuative qui domine et celle-ci est signe de perfectivité. Ainsi, pour obtenir ce sens aspectuel en français, il faudrait mettre le verbe *connaître* au passé simple ou au passé composé processif, étant donné que leurs grammèmes signifient la non-continuité.

(1) Il **connut** la mélancolie des paquebots, les froids réveils sous la tente, l'étourdissement des paysages et des ruines, l'amertume ... (Flaubert, *L'Éducation sentimentale*, 1891)

Autrement dit, ce que le polonais code dans l'infinitif perfectif de *poznać*, le français le fait uniquement par le biais des grammèmes du passé simple[12]. Par conséquent, le verbe *connaître* mis à l'imparfait correspondrait au verbe imperfectif *znać*, mis au passé. Du côté du français on a affaire à une sorte de réduplication : le lexème *connaître* véhicule la continuité et le grammème d'imparfait aussi[13].

[11] Ce sens s'approche d'expressions comme *faire (la) connaissance de qqn* / *avec qqch* ou *prendre connaissance de qqch*, qui ont des restrictions quant à l'objet de connaissance.

[12] Une telle combinaison du sens du lexème avec celui du grammème est considérée comme un effet de sens inchoatif par Barcelò et Bres (2006). Leur analyse est conforme à la configuration conclusive, en ce sens que cette configuration met l'accent sur la phase initiale du procès (cf. Apothéloz, 2021, § 2.3.4.).

[13] Ajoutons qu'il en sera de même avec les grammèmes du présent à une différence près : la valeur

Ce phénomène apparaît aussi pour des verbes comme *apercevoir* (*spostrzec* PF), *réveiller* (*obudzić* PF) ou *construire* (*zbudować* PF), mais cette fois-ci, cela concerne le sens non-continuatif qui est signe de perfectivité. Mis au passé simple ou au passé composé processif, ils redoublent le sens non-continuatif, qui est déjà véhiculé par leur lexème. Le premier des verbes cités ci-dessus représente l'aspect non-continuatif simple et les deux suivants, la configuration conclusive.

Du côté du polonais, on remarque un phénomène particulier : les partenaires imperfectifs des verbes perfectifs cités ci-dessus s'approprient un autre sens aspectuel. La forme imperfective *spotrzegać* ('*apercevoir*' IP) représente difficilement l'aspect continuatif simple à cause de son sens lexical qui se résume en un acte momentané. Dans ce cas il s'agit plutôt de l'itération d'actes que Karolak formalise dans la configuration habituelle :

(C) **X** est tel qu'il lui est arrivé au moins une fois **P** et on en conclut que **X** peut en faire autant[14]

où la composante continuative qui domine est exprimée par *x est tel que…*, ce qui signifie que les actes répétés sans limite temporelle font tirer la conclusion sur le caractère de *x*.

La configuration habituelle apparaît aussi dans l'analyse des formes imperfectives *budzić* ('*réveiller*') et *budować* ('*construire*') à condition qu'il s'agisse d'actes itérés. Contrairement à *spotrzegać* ('*apercevoir*' IP), ces deux verbes imperfectifs se prêtent à l'interprétation d'une action singulière. Dans ce cas ils représentent une configuration télique, qui est formalisée de la façon suivante :

(D) Il arrive à x **P** qui fait supposer qu'il arrivera un tel **Q** qui causera l'état **R**

Ici, les composantes *P* et *R* sont continuatives alors que *Q* est non-continuative. Ce qui est important, c'est que l'événement *Q* et l'état *R* découlent d'un raisonnement, donc ils sont virtuels. Seule l'action en cours *P* est réelle et elle est dominante.

Pour exprimer ce sens aspectuel en français, il est nécessaire de joindre aux lexèmes *réveiller* et *construire* des grammèmes de l'imparfait ou du présent, ou bien encore la périphrase verbale « *être en train de* + infinitif ». C'est uniquement cette combinaison qui signifie que la transition entre deux situations est virtuelle ('dormir' – 'ne pas dormir' et 'l'objet construit n'existe pas' – 'l'objet construit existe').

Par ailleurs, le concept de configuration aspectuelle apparaît comme une solution au « conflit » entre l'aspect lexical et l'aspect grammatical (Gosselin, 2018) et annule la nécessité d'introduire la notion de transcatégorisation connue sous les termes de *coercion* (Moens & Steedman, 1988) ou de *(dé)télisation* (Garey, 1957 ; Comrie, 1976) ou encore de *hybridation* (Gebert 2016 ; voir aussi Nowakowska 2023).

---

temporelle est différente.

[14] Pour cette configuration, Karolak propose encore une autre formule : *x est tel qu'il lui est arrivé au moins une fois P et on en conclut qu'il est impossible que x ne répète pas P* (2007 : 52).

4.2. Aspect résultatif (parfait[15]) en français et ses correspondants polonais

L'analyse contrastive dans le sens français-polonais dévoile l'impossibilité de rendre en polonais le sens aspectuel des formes verbales composées. Cela signifie que le système aspectuel polonais ne réalise pas la configuration de parfait : celle-ci focalise la composante continuative *Q* (état) qui est entraînée par la composante non-continuative *P* (événement). Une forme comme *avoir connu* n'a donc aucun correspondant en polonais, un fait sur lequel il faut toujours insister[16]. Tout de même, pour exprimer cette configuration, le polonais se sert de verbes perfectifs ou imperfectifs à condition qu'ils soient conjugués au passé et qu'ils ne s'accompagnent d'aucun localisateur temporel. Cela signifie qu'on ne peut qu'indiquer l'état concomitant avec le moment de l'énonciation, comme on l'observe ci-dessous[17] :

(2) Pierre est parti.
(2a) Piotr wyjechał (PF).
(3) Tu as bien dormi ?
(3a) Czy dobrze spałeś (IP)?

Dans (2) et (2a) on communique l'absence de Pierre et dans (3) et (3a), on s'informe du bien-être matinal de l'interlocuteur. Ajoutons que Karolak introduit dans l'analyse de l'aspect français le parfait existentiel ou d'expérience, qui est une variante de la configuration de parfait. Elle prévoit que l'événement désigné est advenu au moins une fois dans le passé dont on peut conclure la caractéristique actuelle de l'objet dont on parle. Pour l'exprimer en polonais, on se sert non d'un passé perfectif mais imperfectif. Considérons la question suivante qui est posée pour savoir si l'interlocuteur est en mesure de reconnaître la cause de la mort d'après l'aspect physique du cadavre :

(4) As-tu jamais vu un noyé ?
(4a) Czy kiedykolwiek widziałeś (IP) topielca?

[15] On mentionne le terme « parfait » mais il est ambigu. Benveniste (1959) l'utilise pour opposer le passé composé au passé simple tout en reconnaissant deux valeurs du passé composé. Bertinetto (1991) utilise le terme de « perfetto » aussi bien pour les temps simples « perfetto semplice » que pour les temps composés « perfetto composto ».

[16] Malheureusement, dans certains travaux contrastifs, on peut toujours rencontrer l'idée erronée selon laquelle le perfectif polonais correspondrait aux formes composées françaises. Vient-elle de la volonté de faciliter l'enseignement du français ou du polonais comme langue étrangère ?

[17] Même si sa fonction de base n'est pas celle d'indiquer l'état résultant, la construction polonaise « *mieć* + participe passé perfectif / imperfectif » peut servir à communiquer l'état résultant futur ou passé (cf. Nowakowska, 2016).

Puisque l'événement signifié par le verbe peut être répété dans le passé, cet emploi s'accompagne souvent d'un adverbe comme *jamais* / *kiedykolwiek* ou *nigdy, toujours / zawsze, souvent / często* ou d'une expression de type *X fois*[18].

4.3. Limitativité

En tant que *tertium comparationis*, la configuration limitative permet de découvrir un sens qui est opaque en polonais. Cette configuration est construite à partir de la composante non-continuative *Q* (événement) qui interrompt la composante continuative *P* (action ou état), ce que montre la formule suivante :

(E) IL SE PASSE **P** ET UN TEL **Q** EST ARRIVÉ QUE **P** NE DURE PLUS

En français, elle est exprimée par des lexèmes verbaux d'actions de sens continuatif auxquels on joint des grammèmes du passé simple ou du passé composé processif. Comme dans l'exemple suivant, le lexème *parler* signifie la continuité (*P*) et le grammème de passé simple, la non-continuité qui domine (*Q*) :

(7) Fidel Castro parla *jusqu'à minuit*.

Comme on le voit, l'expression adverbiale *jusqu'à minuit* précise la durée de l'intervalle couvert par la parole de Castro. Notons que l'emploi de l'imparfait, qui a la valeur imperfective, serait exclu de (7), sauf si l'on vise l'interprétation habituelle (voir *supra* la configuration habituelle). En revanche, en polonais, dans la majorité des cas, ce n'est pas le verbe qui exprime le sens limitatif mais seule l'expression adverbiale de sens limitatif qui l'accompagne[19]. La forme verbale employée est toujours imperfective, comme le montre la traduction de (7) :

(7a) Fidel Castro mówił (IP) *aż do północy*[20].

Cette façon extra-verbale d'exprimer la limitativité en polonais consiste à faire accompagner n'importe quel verbe imperfectif d'une expression de sens limitatif. Cette règle concerne donc aussi un verbe comme *pisać* ('écrire' IP), qui peut être considéré par ailleurs comme non continuatif, au moment où son objet direct constitue potentiellement une borne finale. La phrase suivante montre la non-correspondance du polonais avec le français :

[18] Cet emploi se laisse identifier en partie avec ce qu'on appelle dans les études slaves « l'emploi factuel général », mais il n'est jamais défini de telle façon. De plus, cette étiquette englobe des emplois non-résultatifs aussi (voir Nowakowska, 2020 : 170–238). Voir pour le français Apothéloz et Nowakowska (2010).

[19] Le polonais dispose d'un groupe de verbes préfixés perfectifs de sens limitatif mais ces verbes subissent différentes restrictions syntaxiques et sémantiques, comme le note Nowakowska (2025). Par exemple, *mówić* dérive la forme perfective *pomówić* qu'on ne peut utiliser en (7a) parce qu'elle implique un sujet de conversation et qu'elle signifie 'converser un certain temps avec qqn'.

[20] Si l'on parlait d'une telle situation au futur, on emploierait aussi la forme imperfective.

(8) Pisał (IP) artykuł *przez cztery miesiące*.

(8a) *Il écrivait un article *pendant quatre mois*.

Notons aussi que, dans ce cas, l'emploi du passé simple (aspect perfectif) dans cette phrase signifierait qu'il y a eu une transition entre 'l'article non écrit' et 'l'article écrit'. Comme on le voit dans l'exemple ci-dessous, le sens transitionnel exclut une quantification temporelle :

(8b) *Il écrivit un article *pendant quatre mois*.

Cette situation de non-correspondance entre les deux langues donne une place importante à l'étude de la limitativité dans l'analyse contrastive du polonais et du français. Son expression crée un risque de fautes d'interférence.

6. Remarques finales

Dans les études contrastives sur le temps et l'aspect, il est fréquent d'avoir l'impression de s'entendre sur le sens de termes comme « perfectif » ou « parfait ». En réalité, ces termes sont difficilement transférables et applicables à la description d'une autre langue que leur langue d'origine. Dans cette situation, il semble utile, voire indispensable, de se fonder sur une approche onomasiologique comme celle que propose Karolak. L'utilisation de la continuité et de la non-continuité, concepts aspectuels primitifs, et de leurs configurations variées permet de comparer différentes langues, comme le polonais et le français. Ces deux primitifs et leurs configurations servent donc de *tertium comparationis*, ce qui permet d'étudier la possibilité de les exprimer dans les langues mises à l'examen. De plus, la non-distinction entre aspect lexical et aspect grammatical permet une analyse adéquate puisqu'elle rend compte du caractère idiosyncrasique des systèmes aspectuels des langues particulières. Cette approche apporte un avantage supplémentaire. Une fois appliquée à des données linguistiques, elle simplifie l'analyse des valeurs aspectuelles au sens où elle présente ces données en termes de configurations (conclusive, télique, limitative, de parfait, etc.) et non en termes de « conflits » qui exigent des opérations de transcatégorisation (coercion, hybridation, (dé)télisation, etc.).

BIBLIOGRAPHIE

ANTINUCCI, F., GEBERT, L., 1975/1976. L'aspetto verbale in polacco. *Ricerche slavistiche*, 22–23, pp. 5–60. (version polonaise; 1977. Semantyka aspektu czasownikowego. *Studia Gramatyczne*, I, pp. 7–44).

APOTHÉLOZ, D., 2017. Reichenbach revisité. *Verbum*, 39.1, pp. 5–30.

APOTHÉLOZ, D., 2021. Les temps verbaux, In : *Encyclopédie grammaticale du français*. En ligne: encyclogram.fr

APOTHÉLOZ, D., 2025. De quelques emplois du plus-que-parfait parfois jugés récalcitrants. *Journal of French Language Studies*, 35/1, e4, pp. 1–26.

APOTHÉLOZ, D., NOWAKOWSKA, M., 2010. La résultativité et la valeur de parfait en français et en polonais, In : MOLINE E., VETTERS C., (éds). *Temps, aspect et modalité en français* (*Cahiers Chronos 21*). Amsterdam & New York : Rodopi, pp. 1–23.

AZZOPARDI, S., BRES, J., 2017. Le système temporel et aspectuel des temps verbaux de l'indicatif (en français), *Verbum*, 39.1, pp. 71–112.

BARCELÓ, G. J., BRES, J., 2006. *Les temps de l'indicatif en français*. Paris : Ophrys.

BENVENISTE, E., 1959. Les relations de temps dans le verbe français. *Bulletin de la Société de Linguistique*, 54/1, pp. 69–82. (Réédité dans : *Problèmes de linguistique générale, 1.* Paris : Gallimard, 1966, pp. 237–250).

BERTINETTO, P. M., 1991. Il verbo. In : RENZI, L., SALVI, G., CARDINALETTI, A., (éds). *Grande grammatica italiana di consultazione*, vol. 2, Bologna : il Mulino, pp. 13–161.

BERTINETTO, P. M., 2014. Non-conventional uses of the Pluperfect in Italian (and German) literary prose. In : LABEAU, E., BRES, J., (éds). *Evolution in Romance verbal systems*. Berne: P. Lang, pp. 145–170.

COMRIE, B., 1976. *Aspect. An introduction to the study of verbal aspect and related problems*. London – New York – Melbourne : Cambridge University Press.

DIK, S. C., 1989. *The theory of functional grammar*. (Part I.) Dordrecht : Floris publication.

GAREY, H., 1957. Verbal aspects in French. *Language*, 33/2, pp. 92–110.

GEBERT, L., 2016. Verbi ibridi nelle lingue slave e romanze. In : INKOVA, O., TROVESI, A., (éds). *Langues en constraste / Славянские языки in comparatione / Lingue a confronto*, Bergamo University Press : Sestante Edizioni, pp. 17–36.

GOSSELIN, L., 2017. Les temps verbaux du français : du système au modèle. *Verbum*, 39.1, pp. 31–70.

GOSSELIN, L., 2018. L'Aspect verbal. In : *Encyclopédie grammaticale du français*. En ligne : encyclogram.fr

KAROLAK, S., 1991. Y a-t-il une différence de principe entre l'aspect roman et slave ? In : GROCHOWSKI, M., (éd.). *Problemy opisu gramatycznego języków słowiańskich*, pp. 85–93.

KAROLAK, S., 1995. Aspect : interférences virtuelles polono-françaises. In : CYGAL-KRUPA, Z. (éd.). *Les contacts linguistiques polono-français*. Lille : Presses Universitaires de Lille, pp. 65–84.

KAROLAK, S., 1996. O semantyce aspektu (w dwudziestą rocznicę rozprawy F. Antinucciego i L. Gebert „Semantyka aspektu czasownikowego"). *Biuletyn Polskiego Towarzystwa językoznawczego*, LII, pp. 9–56.

KAROLAK, S., 2005. *Semantyka i struktura aspektu w językach naturalnych*. Kielce : Wyższa Szkoła Umiejętności w Kielcach.

KAROLAK, S., 2007. Wyrażenia predykatywne orzeczeniowe, in: *Składnia francuska o podstawach semantycznych*, tom 1, Kraków : Collegium Columbinum, 33–54.

KAROLAK, S., 2008, Remarques sur l'équivalence du passé imperfectif polonais et des temps passés en français. *Verbum*, 30 (2–3), pp. 125–146.

NOWAKOWSKA, M., 2016. Existe-t-il un parfait en polonais ? La construction *mieć (avoir)* + PARTICIPE PASSIF + COMPLÉMENT. In : GIANCARLI, P.-D., FRYD, M. (éds). *Aorists et parfaits* (*Cahiers Chronos 28*). Amsterdam : Brill, pp. 75–118.

NOWAKOWSKA, M., 2020. *Rezultatywność w języku francuskim i polskim*. Kraków : Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Pedagogicznego.
NOWAKOWSKA, M., 2023. Analyse critique de la télicité. Marquage de borne en français et en polonais. *Verbum*, 45 (2), pp. 225–261.
NOWAKOWSKA, M., 2025. Wyrażenie aspektu limitatywnego w języku polskim, *Język Polski*, CV 4, pp. 111–124.
MOENS, M., STEEDMAN, M., 1988. Temporal ontology and temporal reference. *Computational Linguistics*, 14/2, pp. 15–27.
REINCHENBACH, H., 1947. *Elements of symbolic logic*. New York: Free Press.
VETTERS, C. 2017. Pour une conception du système des temps verbaux de l'indicatif qui ne s'appuie pas sur la tripartition passé – présent – futur. *Verbum*. 39.1, pp. 133–154.

Prof. Małgorzata Nowakowska
ORCID ID: 0000-0003-4538-6376
Department of Italian Linguistics
University of the National Education Commission "UKEN"
Kraków, Poland
e-mail: malgorzata.nowakowska@krakow.uken.pl

https://doi.org/10.60056/SE.2026.1.48-56

A PROPOSITO DEI PREDICATI DI TIPO *ACHIEVEMENT* IN RUSSO E IN ITALIANO

Luisa Ruvoletto
Università Ca' Foscari Venezia

ON *ACHIEVEMENT* PREDICATES IN RUSSIAN AND IN ITALIAN

Luisa Ruvoletto
Ca' Foscari University of Venice

Achievement predicates are traditionally described as events of short duration. They denote a 'sudden change of state' in the participants, with the beginning and the end of the event ideally coinciding. Examples include the Italian *morire* (to die), *arrivare* (to arrive), *trovare* (to find) and the Russian *dostič'*$_{PF}$ ('to reach') and *prijti*$_{PF}$ ('to arrive'). Despite their ideal non–durativity, these processes unfold over time, albeit quickly. The temporal context of the utterance is crucial: an extended temporal span leads to an interpretation of a repeated event (e.g., *Gli ospiti sono arrivati per tre ore* – 'The guests arrived for three hours'), while a 'point–like' temporal determination indicates a single event. Similarly, in Russian, achievement verbs form 'trivial' aspectual pairs where the imperfective denotes the iterated action and the perfective the single action (*prijti*$_{PF}$–*prichodit'*$_{IPF}$ 'to arrive'). This contribution analyzes the relationship between achievement predicates and the circumstantial and adverbial expressions of time present in the utterance. The points of contact and divergences between the two languages are highlighted.

Key words: achievement verbs, expressions of time, perfective aspect (PF), imperfective aspect (IPF), Russian, Italian

Предикаты достижения традиционно описываются как события краткой длительности. Они обозначают «внезапное изменение состояния» участников, при этом начало и конец события в идеале совпадают. Примеры включают итальянские *morire* (умереть$_{СВ}$), *arrivare* (прибыть$_{СВ}$), *trovare* (найти$_{СВ}$) и русские *достичь*$_{СВ}$ и *прийти*$_{СВ}$. Несмотря на их идеальную недлительность, эти процессы протекают во времени, хотя и быстро. Временной контекст высказывания играет ключевую роль: расширенный интервал обусловливает

интерпретацию события как повторяющегося (напр., *Gli ospiti sono arrivati per tre ore* – «Гости приходили в течение трех часов»), в то время как «точечная» временная детерминация указывает на единичное событие. Аналогично в русском языке глаголы достижения образуют тривиальные аспектуальные пары, где несовершенный вид обозначает повторяющееся действие, а совершенный вид – единичное завершенное действие (*прийти*$_{\text{СВ}}$–*приходить*$_{\text{НСВ}}$). В данной работе анализируется взаимосвязь между предикатами достижения и представленными в высказывании обстоятельственными и адвербиальными временными выражениями. Кроме того, освещаются точки соприкосновения и расхождения между двумя языками.

1. Introduzione

Il predicato di tipo *achievement* si distingue dagli altri perché descrive un evento di durata breve (Vendler, 1967; Piñón, 1997). Come afferma Mourelatos, "ACHIEVEMENTS capture either the inception or the climax of an act; they can be dated, or they can be indefinitely placed within a temporal stretch, but they cannot in themselves occur OVER or THROUGHOUT a temporal stretch" (Mourelatos, 1981, p. 192).

Nel quadro delle caratteristiche azionali delineato da P. M. Bertinetto per l'italiano, alcuni verbi tradizionalmente considerati di tipo *achievement*, come *svegliarsi*, *fermarsi*, *morire*, *arrivare* e *trovare*, sono chiamati "telici trasformativi" (Bertinetto, 2001, pp. 27–29). In russo i verbi di questo tipo sono perlopiù definiti con la formula *glagoly dostiženija* 'verbi di raggiungimento', oppure *momental'nye glagoly* 'verbi istantanei'. Ne sono un esempio *dostič'*$_{\text{PF}}$ 'raggiungere', *vstretit'*$_{\text{PF}}$ 'incontrare', *uznat'*$_{\text{PF}}$ 'riconoscere', *najti*$_{\text{PF}}$ 'trovare' e *prijti*$_{\text{PF}}$ 'arrivare (a piedi)', che denotano il rapido passaggio a una nuova situazione e sono quindi considerati telici (Zaliznjak, Šmelev, Mikaėljan, 2015, pp. 63–65).

Il tratto di telicità di questi predicati viene talvolta messo in discussione. Nella *Grande grammatica italiana di consultazione* sono distinti due gruppi di verbi di *achievement*: i verbi trasformativi (telici), che denotano un "repentino mutamento di stato", per cui "i partecipanti all'evento si trovano al termine del processo in una condizione diversa da quella che valeva in precedenza" (Bertinetto, 2001, p. 28), e i verbi puntuali (atelici), che non comportano alcuna trasformazione inerente allo stato dei partecipanti all'evento (per es., *stupirsi*, *spaventarsi*, *inciampare* ecc.). In questa prospettiva, i verbi *svegliarsi* e *cadere*, come anche i corrispettivi russi *prosnut'sja*$_{\text{PF}}$ e *upast'*$_{\text{PF}}$, appartengono al primo gruppo (verbi trasformativi), mentre i verbi *stupirsi* e *inciampare*, come i corrispettivi russi *udivit'sja*$_{\text{PF}}$ e *spotknut'sja*$_{\text{PF}}$, appartengono al secondo gruppo (verbi puntuali).

Nella letteratura scientifica sui verbi di *achievement* la distinzione in verbi telici e atelici sembra un dato largamente condiviso. Engelberg (Engelberg, 2000, pp. 109–110) distingue, tra i verbi "puntuali", quelli con un significato implicito di stato risultante (*punctual verbs with a result state*) da quelli non-risultativi (*non-*

resultative punctual verbs). La linguista Levin (Levin, 2009, pp. 2–3) attribuisce ai verbi *explode* e *break* la caratteristica di descrivere non solo eventi puntuali, ma anche la transizione a un risultato, mentre i verbi *semelfactives* come *hit* denoterebbero, secondo la studiosa, eventi puntuali che non durano più di un istante e non portano ad alcuna situazione risultativa.[1] In tempi più recenti Filip (Filip, 2021, p. 22), nella sua analisi dei verbi di *achievement*, individua gli eventi che consistono in *culminations* (per es., *arrive*, *win*, *reach the summit*, *die*) e quelli interpretabili come *happenings* (per es., *spot*, *notice*, *recognize*): in entrambi i casi gli eventi si realizzano in tempi relativamente brevi e portano a un nuovo stato, ma solo i primi sono risultativi, in virtù della loro specificità di includere, oltre al risultato, anche la breve fase preliminare che lo precede.

Nella descrizione dei predicati di tipo *achievement* sono generalmente indicati tratti azionali come [+ puntuale], [+ dinamico], [– durativo], [– stativo] e [+/– telico]. In russo, la presenza di questi tratti tra le caratteristiche azionali dei verbi implica un determinato comportamento aspettuale, basato sulla correlazione "evento singolo (pf)" *vs.* "evento ripetuto (ipf)" (per es., *vstretit'*$_{PF}$ – *vstrečat'*$_{IPF}$ 'incontrare' e *najti*$_{PF}$ – *nachodit'*$_{IPF}$ 'trovare'). In altre parole, essi formano le cosiddette "coppie triviali" (in russo *trivial'nye pary*), dove l'elemento di "trivialità" è dato dal fatto che il verbo di aspetto imperfettivo ha un unico significato aspettuale, quello iterativo, di cui nessun verbo imperfettivo è privo.

Nel presente articolo sarà analizzata la relazione tra le caratteristiche azionali dei predicati di tipo *achievement* e i circostanziali di tempo presenti nell'enunciato. Saranno inoltre individuati i punti di convergenza e divergenza, in russo e in italiano, nell'ancoraggio degli eventi all'asse del tempo. Dal punto di vista metodologico, l'analisi sarà di tipo qualitativo, come parte di un lavoro più ampio sul rapporto tra l'azionalità del verbo e la dimensione temporale dell'evento descritto.

2. Il predicato di tipo *achievement* può avere il tratto [+ durativo]?

Se si considera la coppia di verbi *umeret'*$_{PF}$ – *umirat'*$_{IPF}$ 'morire' del russo, il cui significato lessicale attribuisce loro inequivocabilmente un valore azionale di tipo *achievement*, si registrano usi del verbo imperfettivo con valore processuale e circostanziali di tempo che esprimono durata:

1. *Убили рядом парня… Первого на моих глазах… Мы ещё мало знали друг друга… Из миномёта стреляли… В нем сидело много осколков…* ***Умирал***$_{IPF}$

[1] A questo proposito si veda la definizione di coppia aspettuale "semelfattiva" in Zaliznjak, Šmelev, Mikaėljan (2015, p. 66). In questo tipo di coppia, la relazione semantica tra perfettivo e imperfettivo consiste nell'opposizione tra atto singolo, descritto dal verbo perfettivo, e un numero indefinito di atti, ciascuno dei quali è uguale agli altri, descritti dal verbo imperfettivo. Dal punto di vista azionale, quest'ultimo si configura come verbo atelico di *activity*.

***долго**… Нас узнавал. Но звал незнакомых нам людей…* [Светлана Алексиевич. Цинковые мальчики (1991)][2]

Anche il verbo imperfettivo della coppia *prosnut'sja*$_{PF}$ – *prosypat'sja*$_{IPF}$ 'svegliarsi' ha talvolta significato processuale ed è accompagnato da un elemento avverbiale che comporta una certa durata dell'azione, come *dolgo* 'a lungo' nel seguente esempio:

2. *"Эфир"*	'"Etere"
Я обожаю тебя мир!!!	Sei un mondo che adoro!!!
***Я очень долго просыпался**$_{IPF}$.*	Ci ho messo tantissimo a svegliarmi
Теперь, доступен весь эфир.	Ora tutto l'etere è accessibile.
Я наконец–то с ним связался!	Finalmente sono in contatto con lui!'[3]
Сергей Мисяченко (Стихи.ру)	

In altri casi il verbo è accompagnato da un circostanziale di tempo determinato che implica l'interpretazione processuale dell'azione verbale, come nell'esempio seguente:

3. *Но затем, когда они провели вместе ночь и Бетси увидела, как Коул **просыпается**$_{IPF}$ **в одиннадцать часов** и сразу же хватается за скейтборд, ее энтузиазм немного угас.* [Мэг Джей. Важные годы. Почему не стоит откладывать жизнь на потом (Наталья Яцюк, 2021)][4]

Il risveglio, evento di per sé breve nel suo compiersi, viene descritto nell'esempio con un riferimento temporale preciso, legato alla percezione veicolata dal verbo *uvidet'*$_{PF}$ 'vedere' da cui dipende la subordinata oggettiva con *prosypat'sja*$_{IPF}$ 'svegliarsi'. La forma imperfettiva al presente di quest'ultimo verbo ha significato processuale.

3. I predicati di tipo *achievement* e la collocazione temporale degli eventi

La collocazione temporale degli eventi consiste nella modalità in cui, nell'ambito dell'enunciato, avviene l'ancoraggio dell'azione verbale alla dimensione del

[2] L'esempio è tratto dal Corpus parallelo bidirezionale russo-inglese del Corpus nazionale della lingua russa (NKRJa). Si riporta quindi la traduzione del brano proposta nel suddetto Corpus: "The lad next to me was killed. He was the first man I actually saw die although we hardly knew each other. He was killed by a mortar and had a lot of shrapnel in him. He died slowly and although he recognized us, he shouted out the names of people we didn't know" [Svetlana Alexievich. Zinky Boys: Soviet Voices from the Afghanistan War (Julia Whitby, Robin Whitby, 1992)].

[3] La traduzione in italiano è di chi scrive.

[4] L'esempio, tratto anch'esso dal Corpus parallelo bidirezionale russo-inglese di NKRJa, rappresenta la traduzione dall'inglese del seguente brano: "Then, after sleeping over one night and watching Cole wake up at eleven a.m. and grab his skateboard, Betsy felt less bullish" [Meg Jay. The Defining Decade: Why Your Twenties Matter and How to Make the Most of Them (2021)].

tempo. Più precisamente, il concetto consiste nella collocazione dell'evento descritto sull'asse del tempo: indicando con T l'arco temporale in cui ha luogo l'azione verbale, nel caso dei verbi di *achievement* la misura di T va da $T_{x, y, z....}$ a $T_{>0}$, ovvero corrisponde a un tratto di tempo tendenzialmente "puntiforme" e idealmente riconducibile a una durata pari a zero, in cui l'inizio e la fine dell'evento coincidono ($T_{>0}$). L'espressione dell'aggancio temporale è affidata a circostanziali e avverbiali di tempo, che chiameremo IT, ossia "indicatori temporali".

Quanto detto potrebbe tradursi nel seguente schema, con riferimento al tipo di IT presente nell'enunciato e al suo tratto di [+/– durata], in ordine decrescente:

i. IT di durata	$T_{x, y, z...}$	[+ durativo]
ii. IT di puntualità	$T_{>0}$	[– durativo]

3.1 IT con tratto [+ durativo]

Sia in italiano che in russo la presenza nell'enunciato di IT con tratto [+ durativo] implica l'interpretazione frequentativa del predicato *achievement*. Per questo motivo in russo è d'obbligo l'uso del verbo imperfettivo.

Si vedano i seguenti esempi:

4a. ***L'ospite**$_{Sg}$ **è arrivato per tre ore** di seguito.*
Gli ospiti$_{Pl}$ ***sono arrivati per tre ore** di seguito.*
(Bertinetto, 1991, p. 28)

4b. ***Гость**$_{Sg}$ **пришел**$_{PF}$ **в течение 3–х часов**.*[5]
Гости$_{Pl}$ ***приходили**$_{IPF}$ **в течение 3–х часов**.*

La presenza di IT di durata, in italiano «per X tempo» e in russo "*v tečenie* + gen." (analogo a "*za* + acc."), inibisce la possibilità che l'evento sia singolo, dal momento che l'arco di tempo impiegato da quest'ultimo per compiersi è verosimilmente inferiore a quello indicato da IT. In entrambe le lingue, se l'evento è ripetuto, come si evince dal plurale del soggetto (in altri casi dell'oggetto diretto),[6] gli enunciati corrispondono allo standard linguistico.

L'esempio seguente risulta pienamente accettabile in russo, perché in presenza di un predicato *achievement* all'imperfettivo ([*on*] *prosypalsja*$_{IPF}$ 'si svegliava') è utilizzato l'IT *po utram* 'al mattino', che pur non esprimendo propriamente la durata conferisce la caratteristica di ripetitività alla situazione descritta.

5. *Летая по комнате, он забирался*$_{IPF}$ *на полки, пачкал*$_{IPF}$ *корешки книг,* ***по утрам просыпался***$_{IPF}$ *очень рано, мешая*$_{IPF}$ *мне спать*. [Юрий Казаков, Рассказы о животных, 2018 (картаслов.ру)] 'Percorrendo in volo la stanza, si

[5] La traduzione in russo data in 4b è di chi scrive.

[6] Negli esempi *L'arciere colpì più volte i bersagli con precisione* e *Лучник поражал*$_{IPF}$ *цели с точностью* 'L'arciere colpiva i bersagli con precisione', l'oggetto diretto al plurale garantisce l'interpretazione frequentativa del predicato.

arrampicava sugli scaffali, sporcava i dorsi dei libri e al mattino si svegliava molto presto, impedendomi di dormire'.[7]

3.2 IT con tratto [– durata]

La combinazione ideale si realizza in presenza di un predicato di tipo *achievement* e un IT di puntualità (con tratto [– durata]). In 6a e 6b, per esempio, gli IT "da un momento all'altro" e *s minuty na minutu* (lett. 'di minuto in minuto') determinano un ancoraggio temporale puntiforme dell'azione verbale espressa da verbi puntuali:

6a. *Rimasero così, in silenzio, completamente tronati, anche dopo quella micidiale scarica finale di accordi che sembrava avesse cento mani, sembrava che il piano dovesse* ***scoppiare da un momento all'altro****.* [Alessandro Baricco. Novecento (1994)]

6b. *Они оставались так, в тишине, абсолютно остолбеневшие, даже после этого убийственного залпа аккордов, когда казалось, у него сотня рук, казалось, пианино должно* ***взорваться***$_{PF}$ ***с минуты на минуту***. [Алессандро Барикко. Легенда о пианисте (Наталья Колесова, 2005)]

In russo un contesto di questo tipo è compatibile solo con una forma verbale perfettiva di tipo *achievement*. In caso contrario, ossia con un verbo imperfettivo, si presenterebbe la situazione di un evento potenzialmente ripetuto con un IT di puntualità, combinazione che renderebbe probabilmente inaccettabile l'enunciato (?**pianino dolžno vzryvat'sja*$_{IPF}$ *s minuty na minutu*).

4. Significati aspettuali dei predicati di tipo *achievement*

Si è visto che in russo i significati aspettuali espressi da predicati di tipo *achievement* sono i seguenti:

IPF:	1. significato iterativo (*mnogokratnoe značenie*)	IT [+ durativo]
	?2. significato processuale (*processnoe značenie*)	IT [+ durativo]
PF:	1. concreto–fattuale (*konkretno–faktičeskoe značenie*)	IT [– durativo]

Rimane quindi il quesito espresso nel par. 2: un predicato di tipo *achievement* può avere il tratto [+ durativo]? Su questo punto sembra emergere una parziale divergenza tra le due lingue: mentre in italiano i predicati di tipo *achievement* possono esprimere il significato processuale mediante una perifrasi progressiva, in russo, come si è visto nel par. 3.1, il significato processuale è incompatibile con questo tipo di verbi. Nel par. 1, però, 1 sono emersi (rari) casi di verbi di *achievement* con questo significato. Il punto appare quindi complesso e merita un approfondimento.

[7] La traduzione in italiano è di chi scrive.

Negli esempi che seguono, il verbo di movimento *prichodit'*$_{\text{IPF}}$ (‘arrivare’), configurabile dal punto di vista azionale come verbo di *achievement*, mostra un’incompatibilità con la semantica aspettuale della processualità; in italiano, invece, la perifrasi progressiva è ammessa:

7a. ****В данный момент*** *Изотта* ***приходит***$_{\text{IPF}}$ *в школу.* ‘In questo momento Isotta sta arrivando a scuola’[8]

L’incompatibilità potrebbe essere facilmente evitata sostituendo il verbo *prichodit'* con altro verbo non di *achievement*, come *idti*$_{\text{IPF}}$ (‘andare (a piedi)’) o *podchodit'*$_{\text{IPF}}$ (lett. ‘avvicinarsi’), oppure ancora con una costruzione di altro tipo: *Изотта почти пришла*$_{\text{PF}}$ *в школу* (‘Isotta è quasi arrivata a scuola’).[9]

L’enunciato in russo è del tutto accettabile se il verbo assume una semantica aspettuale iterativa, in accordo con quanto visto nel par. 3.1:

7b. ***Каждое утро*** *Изотта* ***приходит***$_{\text{IPF}}$ *в школу в 8 часов.* ‘Ogni mattina Isotta arriva a scuola alle otto’

Di particolare interesse è l’uso della perifrasi “*stare* + gerundio” in italiano, più naturale del semplice verbo *arrivare* nella traduzione delle forme russe nominate sopra *idet*$_{\text{IPF}}$/*podchodit*$_{\text{IPF}}$ con significato processuale. Di norma, la perifrasi è caratterizzata dal tratto [+ durativo] ed è progressiva, ciononostante, come si è visto, può essere utilizzata anche con verbi di *achievement*:

8a. *Isotta* ***sta arrivando*** *a scuola.*

Nel suddetto esempio è possibile l’uso di un’altra perifrasi verbale dell’italiano: la cosiddetta perifrasi imminenziale “*stare per* + infinito”, che introduce un evento espresso da un verbo non finito con tratto di puntualità ([+ puntuale]), spesso quindi da un verbo di *achievement*.

8b. *Isotta* ***sta per arrivare*** *a scuola.*

Dal momento che i due enunciati in 8a e 8b sembrano equivalenti, sorge la domanda se in determinate condizioni le due perifrasi “*stare* + gerundio” e “*stare per* + infinito” possano considerarsi sinonimiche. In un recente saggio sull’uso della perifrasi imminenziale nelle traduzioni dal russo, Biagini (2023) osserva che “*stare per* + infinito” equivale a una forma finita di futuro accompagnata dall’avverbio *presto*. In altre parole, “(egli) sta per morire” sarebbe sinonimo di “(egli) presto morirà”, come può far pensare il seguente passo di L. N. Tolstoj (Biagini, 2023, p. 4):

[8] Gli esempi 7a, 7b. 8a e 8b sono stati formulati da chi scrive.

[9] Desidero esprimere un sentito ringraziamento a Svetlana Slavkova e Nataliya Stoyanova per i loro preziosi commenti su questo punto. La responsabilità di eventuali imprecisioni ricade esclusivamente su chi scrive.

9a. *Я знаю, что брат моего мужа* ***умирает***$_{\text{IPF}}$ *и муж едет к нему, и я еду с мужем, чтобы…* [Л. Н. Толстой, Анна Каренина, ч. 5 – 8 (1873 – 1877)]

9b. *Io so che il fratello di mio marito* ***sta per morire*** *e mio marito va da lui e io vado con mio marito per…* [Lev Tolstoj, Anna Karenina, p. 5 – 8 (Maria Bianca Luporini)]

Se così fosse, l'es. 8a sarebbe equivalente per significato alla frase *Isotta presto arriverà a scuola*. Ne conseguono due considerazioni: la prima è che con i verbi di *achievement* la perifrasi progressiva potrebbe essere interpretata come imminenziale, e che con questo tipo di predicati vi è una sovrapposizione funzionale e di significato tra le due perifrasi dell'italiano; la seconda considerazione è che la perifrasi progressiva è possibile quando la struttura temporale dell'evento ammette anche solo in minima parte il tratto di durata. Come si è detto sopra (par. 3), l'arco temporale in cui avviene l'azione è solo idealmente riconducibile a una durata pari a zero, e sarebbe quanto basta per una concettualizzazione progressiva dell'azione o evento. La particolarità dei verbi *umeret'*$_{\text{PF}}$ – *umirat'*$_{\text{IPF}}$ e *morire*, come quella dei verbi *prosnut'sja*$_{\text{PF}}$ – *prosypat'sja*$_{\text{IPF}}$ e *svegliarsi* (v. par. 2), consiste nel fatto che, pur essendo verbi di *achievement*, le esperienze umane del trapasso e del risveglio che essi descrivono sono segnate da una fase che precede il culmine finale e che nella sua pur breve durata può essere concepita come processo.[10]

5. Osservazioni conclusive

Sulla base di quanto emerso, è possibile formulare alcune considerazioni conclusive.

In primo luogo, si è osservata nelle due lingue una scalarità nell'ancoraggio temporale dell'azione verbale descritta da predicati di *achievement*. L'andamento scalare riguarda anche gli indicatori temporali (IT) con tratti che vanno da [+ durativo] a [– durativo] e [+ puntuale]. Inoltre, in italiano è possibile utilizzare la perifrasi progressiva "*stare* + gerundio" con valore processuale, anche in enunciati nella cui traduzione in russo è non sembra possibile usare la forma imperfettiva del verbo con questo significato.

Quando si verifica una situazione di questo tipo, significa che: 1) in presenza di predicati di tipo *achievement*, la perifrasi progressiva dell'italiano è interpretabile come prossima, per funzione e significato, a quella imminenziale (v. ess. 8a e 8b), oppure 2) la struttura dell'evento descritto dal verbo ammette l'idea della durata come fase di avvicinamento al momento in cui si realizza il cambio di situazione: *umiraet*$_{\text{IPF}}$ (es. 9a) equivale all'italiano *sta per morire* (es. 9b) oppure anche a *sta morendo*. Non si può dire lo stesso del verbo *vzryvat'sja*$_{\text{IPF}}$ 'esplodere', anch'esso di *achievement*, che a differenza di *umirat'*$_{\text{IPF}}$ 'morire' difficilmente ammette l'idea di

[10] Si veda a questo proposito il concetto di *the achievement-to-accomplishment type-shifting operation* descritto da Filip (Filip, 2021, pp. 18–19).

un progressivo avvicinamento alla realizzazione dell'evento. Infatti, in entrambe le lingue sono impossibili sia l'interpretazione processuale, sia la combinazione con IT di durata. In questo caso la perifrasi progressiva dell'italiano "*stare* + gerundio" (*sta esplodendo*) sarebbe del tutto equivalente a quella imminenziale "*stare per* + infinito" (*sta per esplodere*).

BIBLIOGRAFIA

BERTINETTO, P. M., 2001. Il verbo. In: *Grande grammatica italiana di consultazione*. Vol. 2. Bologna, 13–161.

BIAGINI, F., 2023. Gli equivalenti russi della perifrasi verbale imminenziale italiana *stare per*. *mediAzioni* 36, 46–64.

ENGELBERG, S., 2000. *The Magic of the Moment: What It Means to Be a Punctual Verb*, BLS 25, 109–121.

FILIP, H., 2021. Lexical Aspect (Aktionsart). In: GUTZMANN, D., MATTHEWSON, L., MEIER, C., RULLMANN, H., ZIMMERMANN, T. E. (eds). *The Wiley Blackwell Companion to Semantics*. DOI: 10.1002/9781118788516.sem038.

Karta slov i vyraženij russkogo jazyka, URL <Карта слов и выражений русского языка> [Ultimo accesso 15.09.2025].

LEVIN, B., 2009. *Lexical Semantics of Verbs IV: Aspectual Approaches to Lexical Semantic Representation*, Course LSA 116, UC Berkeley, 2009.

MOURELATOS, A. P. D., 1981. Events, Processes, and States. In: *Tense and Aspect* (= Syntax and Semantics 14). New York, 191–212. [Linguistics and Philosophy, 1978, 2: 415–434].

Nacional'nyj Korpus Russkogo Jazyka (NKRJa), URL <www.ruscorpora.ru> [Ultimo accesso 22.09.2025].

PIÑÓN, Ch. J., 1997. Achievements in Event Semantics. In: *Proceedings of Semantics and Linguistic Theory VII*, Ithaca, NY, 276–293. URL <pinon_aes.pdf> [Ultimo accesso 25.09.2025].

Stihi.ru, URL <Стихи.ру> [Ultimo accesso 10.09.2025].

VENDLER, Z., 1967. Verbs and Times. *Linguistics in Philosophy*. Ithaca, 97–121 [*Philosophical Review*, 1957, 12: 39–94].

ZALIZNJAK, A. A., MIKAĖLJAN, I. L., ŠMELEV, A. D., 2015. *Russkaja aspektologija: v zaščitu vidovoj pary*. Moskva: Jazyki slavjanskoj kul'tury.

Prof. Luisa Ruvoletto, PhD
ORCID: 0000-0002-0329-1689
Department of Linguistics
and Comparative Cultural Studies
Ca' Foscari University of Venice
Ca' Bernardo, Calle San Bernardo, 3199
30123 Venice, Italy
e-mail: luisa.ruvoletto@unive.it

https://doi.org/10.60056/SE.2026.1.57-66

IMMINENCE ET MODALITE APPREHENSIVE : MARQUEURS DISCURSIFS EN RUSSE ET UKRAINIEN ET LEURS EQUIVALENTS EN FRANÇAIS

Olga Artyushkina
CELISO, Sorbonne Université

PROXIMATIVE AND APPREHENSIVE MODALITY: DISCURSIVE MARKERS IN RUSSIAN AND UKRAINIAN AND THEIR EQUIVALENTS IN FRENCH

Olga Artyushkina
CELISO, Sorbonne University

The article focuses on the expression of imminence through discourse markers in Russian and Ukrainian, such as *того и гляди*, which is linked in most of its contexts of use to the expression of apprehension. In Ukrainian, there is a fairly wide variety of equivalents for this marker, which raises the issue of the grammaticalization of discursive structures found in the Ukrainian corpus. Analysis of the parallel corpus reveals another frequent equivalent, the reduplicated adverbial deictic *ось* or *от*, which conveys an idea of imminence without the semantic nuances specific to the discourse marker *того и гляди.* Contrastive analysis shows that the most frequent equivalent of imminence in French is the periphrastic future tense, which shares a number of criteria with the discourse markers studied.

Key words: imminence, discourse markers, apprehensive constructions, Russian, Ukrainian, French

Статья посвящена выражению проксиматива с помощью дискурсивных маркеров в русском и украинском языках, таких как *того и гляди*, который в большинстве случаев использования выполняет роль апрехенсива. В украинском языке наблюдается довольно большое разнообразие эквивалентов этого маркера, что, в частности, поднимает проблему грамматикализации дискурсивных структур в украинском корпусе. Анализ параллельного корпуса показывает, что наиболее частотным эквивалентом является дейктический адвербиальный редупликат *ось* или *от*, который передает идею близости события без дополнительных семантических нюансов. Контрастив-

ный анализ показывает, что чаще всего эквивалентом проксиматива во французском языке является перифрастическое будущее время, которое имеет ряд общих с исследуемыми дискурсивными маркерами критериев.

Dans notre article, nous allons étudier l'expression de l'imminence par les marqueurs discursifs en russe et ukrainien, en nous concentrant en particulier sur le marqueur discursif *того и гляди* qui est lié dans la plupart de ses contextes d'emplois à l'expression de l'appréhension en russe et en ukrainien. En ukrainien, on constate une assez grande variété dans les équivalents de ce marqueur, ce qui soulève notamment le problème de la grammaticalisation des structures discursives relevées. L'analyse du corpus parallèle russe-ukrainien fait apparaître un autre équivalent fréquent qui est le déictique adverbial réduplicué *ось* ou *от* qui transmettent une idée de l'imminence sans nuances sémantiques propres au marqueur discursif *того и гляди.*

L'analyse contrastive fait ressortir que l'imminence, ou « proximative » dans la terminologie anglo-saxonne, est souvent exprimée en français par le futur périphrastique qui possède une série de caractéristiques en commun avec les marqueurs discursifs étudiés.

1. Imminence et modalité apprehensive

Dans l'étude récente sur le marqueur discursif (désormais : MD) *того и гляди*, Dobrovol'skij et Mikaelian (2021, p. 15) signalent que le contexte le plus naturel de son emploi est celui où les conditions pour la réalisation de l'événement introduit par ce MD sont observables par l'énonciateur qui prédit sa réalisation dans un avenir proche. Par convention, nous appelons l'événement en question 'p', les conditions 'q' et l'énonciateur 'S'.

Nous avons constaté que dans la majorité des exemples analysés du corpus parallèle russe-ukrainien du ruscopora (38 sur 42 emplois), p dénote un événement négatif ou, du moins, non souhaitable pour S :

1) RU *Под шлеей перерожденцы ногами топочут, перебирают; коренник норовистый,* ***того и гляди***[1] *зубами хватит, а пристяжные и того пуще.*
UKR *Під шлеєю перевертні ногами тупотять, перебирають; корінний норовистий,* ***ще, диви****, зубами цапне, а припряжні й поготів. (Т. Толстая. Кысь | Т. Толстая. Кись, trad. Н. Даат, 2000-2010)*
FR *Sous le joug, les dégénérés trépignent des pieds : le cheval timon, rétif, est à deux doigts de les mordre, et les chevaux de flèche sont encore plus féroces*[2].

[1] Nous avons sélectionné en caractères gras les MD qui sont au cœur de notre analyse.

[2] En cas d'absence de traduction attestée des œuvres ukrainiennes en français, nous traduisons nous-même les exemples du corpus analysé.

Dans la plupart des emplois, les composantes du MD énumérées par Dobrovol'skij et Mikaelian se confirment : (a) conditions, contexte q, nécessaire pour p, sont accessibles à l'énonciateur ; (b) forte probabilité de p ; (c) p est indésirable ; (d) appel à contrôler q, afin d'éviter p. Cependant, les composantes (b) et (c) ne sont pas toujours présentes : la probabilité, lié à l'idée de prospection, peut être remplacée par une représentation aspectuelle de p et la composante *гляди* qui est l'impératif « regarde » permet de rendre saillant l'aspect imminent de p, comme dans l'exemple suivant :

2) RU. […] *жена в блузе, в лёгком чепчике, который чуть-чуть держится,* ***того и гляди слетит с головы****… Она ждёт меня. (И. А. Гончаров. Обломов)*
FR 1. […] *et quand je reviendrais la fenêtre serait ouverte sur le balcon, et là, ma femme, en blouse, avec un bonnet si léger qu'il tiendrait à peine sur sa tête et* ***risquerait de s'envoler à chaque instant****… Elle m'attend. [И. А. Гончаров. Обломов | I. Gontcharov. Oblomov, trad. A. Adamov, 1959]*
FR 2. *Ma femme m'attend, en blouse et bonnet léger qui tient à peine,* ***on dirait qu'il va s'envoler***[3]*… (И. А. Гончаров. Обломов | I. Gontcharov. Oblomov, trad. Luba Jurgenson, 1988)*

Ici, on pourrait énumérer les composantes sous la forme suivante :
(a) conditions, contexte q, nécessaire pour p, sont accessibles à S ;
(b) p est imminent ;
(c) p est mis en saillance.

En ukrainien, on observe une certaine variété dans l'équivalence à *того и гляди*[4]:

Tableau 1. **Équivalence russe-ukrainien pour *того и гляди***

ukrainien	**%**
так і /того й дивись/ гляди	27 %
диви/ гляди/ (+ще/ тільки)	11 %
ось-ось /от-от/ туй-туй[5]	11 %
lexèmes exprimant l'imminence : незабаром, швидко, ще якийсь час	9 %
'impératif avec un prédicat de crainte' + що	9 %
та ще	6,7%
якраз	4,4%
мало не	2,2%
так і дивишся, що	2,2 %
Autre	17,5%
Total : 42 exemples	100 %

[3] Nous reviendrons sur le choix entre le conditionnel et le futur périphrastique dans la deuxième partie de l'article.

[4] Nous nous appuyons sur notre échantillon du corpus parallèle ruscorpora.

[5] Forme relevée chez les écrivains originaires de l'Ukraine occidentale, litt. 'ici-ici'.

En ukrainien, le MD russe est rendu dans la majorité des cas par les impératifs formés sur les verbes de perception visuelle *дивитися* et *глядіти* « regarder » avec d'autres éléments à gauche (comme *так і /того*), à droite ou à gauche de l'impératif (*ще* « encore »*/ тільки* « seulement »).

Une autre équivalence fréquente est un adverbe réduplіqué *ось-ось /от-от/ туй-туй* litt. « voici-voici » qui se contente de noter une imminence de p tel qu'il est perçu par S. De plus, dans le cas de l'emploi du MD avec la modalité appréhensive, l'ukrainien a recours aux verbes à sémantisme de crainte, comme *боятися, чекати, начуватися, ждати*, ce qui contribue au fonctionnement du MD en tant que *апрехенсив* (Ivanova, 2014). L'analyse qualitative du corpus élargi qui inclut les données du corpus national ukrainien GRAC permet d'affirmer que la grammaticalisation du MD *диви(сь), так і/ того й дивись* n'est pas tout à fait achevée, si l'on se réfère aux étapes fixées dans (Bolly, 2014). Les différentes formes de marquage de l'appréhension peuvent être ramenées à une structure énonciative complexe qui exprime le point de vue de S en confrontation avec le point de vue de S', énonciataire, et intègre à la fois la forte probabilité de p et la possibilité non p, un scénario, où p ne se réalise pas.

On constate que ces variantes du MD peuvent combiner la valeur de mise en saillance, l'expression de l'imminence de p avec une fonction interlocutive de l'impératif qui est la composante de ces MD. En effet, dans certains contextes, la force illocutoire du mode impératif est préservée, ce qui crée également un effet d'interaction :

3) UKR. […] *і виборна се була сестричка Галя,* […] *– босії ніжечки* ***тільки, диви, затанцюють****, а вічки то вже й танцюють,* […] *(М. Вовчок. Дев'ять братів і десята сестриця Галя)*
FR […] *et il y avait cette jolie sœur Halia* […] *– on dirait que ses petits pieds nus allaient se mettre à danser, et ses yeux, eux, dansaient déjà,* […]

Ainsi, notre MD n'est pas toujours associé à l'appréhension de p. Dans ce type d'emploi, minoritaire, le MD avec le verbe de perception sert surtout à faire visualiser p, sans tenir compte du scénario non p ; d'après nos observations, ce type d'emploi s'accompagne également d'une pause entre le MD et p. Dans ce type d'exemples, le MD est proche du marqueur proximatif *ось-ось* (en russe, *вот-вот*).

Marqueur proximatif *вот-вот* et visualisation de l'événement

Lorsque p est envisagé avec certitude comme un événement qui va se produire dans un avenir très proche du point de vue de S, le MD peut être substitué par le déictique réduplіqué *вот-вот*. Notons toutefois que le voisinage de notre MD avec *вот-вот* n'est pas rare et cette co-occurrence « libère », pour ainsi dire, la fonction interlocutive du MD, où S souhaite attirer l'attention de S' sur p, alors que le déictique marque la proximité temporelle :

4) RU *В публике проносится тревога, лица морщатся и* ***вот-вот***, ***того гляди***, *у многих хлынут благодатные слезы... (В. Д. Бонч-Бруевич, Впечатления Киевского процесса)*
Un frisson d'inquiétude traverse le public, les visages se crispent et l'on dirait que, ***d'un instant à l'autre, beaucoup vont se mettre à verser des larmes de grâce.***

Le déictique réduplicatif peut également fonctionner comme prédicat, en russe, comme en ukrainien :

5) UKR *Угору! Коні зупиняться! Та ні в кого не було при собі мушкета. Виявилося, що зброю всі залишили біля багаття. А трійка* ***вже ось-ось*** *... І мчить прямо на козаків, що, мов зграя горобців, враз сипонули врозтіч. (В. Малик, Чумацький шлях, 1993)*
FR *En haut ! Les chevaux vont s'arrêter ! Mais personne n'avait son mousquet sur lui. Il s'avéra que tout le monde avait laissé ses armes près du feu de camp. Et la troïka* ***était déjà tout proche****... Les chevaux fonçaient tout droit sur les cosaques qui, comme une volée de moineaux, se sont soudain dispersés dans tous les sens.*

Dans ce dernier exemple, on peut à la fois voir *ось-ось* comme marqueur de proximité temporelle et comme un déictique spatial qui incite S' à visualiser p comme s'il était déjà arrivé.

2. Analyse contrastive du corpus parallèle

Ne disposant pas de corpus ukrainien-français suffisant sur le corpus annoté GRAC, nous présenterons les données parallèles en nous basant sur les données du corpus russe-français prélevées sur ruscorpora. Nous avons pu constater la diversité d'équivalents en français pour traduire la prospection envisagée sous un angle d'un certain scénario de l'énonciateur S qui consiste à présenter l'imminence de p étant donné le contexte q. L'échantillon analysé ci-dessous englobe les occurrences du MD *того гляди*[6] *(17 exemples), ainsi que le déictique вот* réduplicatif en russe (105 exemples)[7].

[6] Le MD est plus fréquent sans *u* dans le corpus parallèle : 4 exemples sans *u* et 17 avec ; en tout 21 équivalents traduits, étant donné l'existence de deux traductions attestées pour certains textes présents sur le ruscorpora.

[7] Nous avons obtenu 105 occurrences du déictique sur le corpus parallèle russe-français, après le nettoyage de la donnée qui nous a fait éliminer les réduplications *вот-вот* thématisantes employées pour confirmer les dires de l'interlocuteur (équivalent de « tout juste, c'est vrai »).

Tableau 2. **Équivalents russe-français (122 exemples)**

	%
Temps prospectifs : futur périphrastique, ou prospectif imparfait prospectif (« Il allait parler »)	28%
Expression de la probabilité : structures peut / prompt/s'attendre à + infinitif	23%
Expression de l'imminence ('d'un moment à l'autre', 'sur le point de', 'imminent', 'prêt'…) + présent / imparfait	22%
Conditionnel, ou futur dans le passé	10,5%
Futur simple (*aucune occurrence pour le MD *того и гляди*)	2,5%
Subjonctif	2,5%
Autre	11,5%

Concernant des équivalences possibles relevées, nous pouvons distinguer quelques tendances à rendre une des composantes du MD russe en français et présenterons dans les lignes qui suivent l'emploi des temps prospectifs et du conditionnel.

2.1. Futur simple vs. futur périphrastique

Les avis divergent sur la question de l'interchangeabilité de ces formes du futur (Apothéloz, 2021), mais l'essentiel du débat consiste à envisager le futur périphrastique (désormais : FP) en lien avec la situation de l'énonciation et le futur simple en rupture avec lui. Selon Schrott (2001, p. 60), « le futur périphrastique exprime qu'une action sera réalisée postérieurement à la situation d'énonciation et indique que les conditions de cette action sont déjà remplies et «actuelles» ». Suite à Schrott, Rebotier (2015) et Barbazan (2010) prônent également l'idée de l'enrichissement et de la coexistence de ces deux formes du futur qui se réfèrent différemment à l'avenir. On associe traditionnellement le FP à un événement immédiat et le futur simple (désormais : FS) à un événement plus éloigné, mais on trouve de nombreux contre-exemples qui démontrent la nécessité d'affiner ces critères. Comme le démontre Barbazan (2010), avec le FP, la situation contient des indices objectifs permettant à l'énonciateur de faire une prédiction. En revanche, avec le FS, l'énonciateur s'appuie sur sa propre voix qui soutient la prédiction, d'où les contextes d'engagement, comme, par exemple, une promesse électorale de type « Je défendrai le pouvoir d'achat des travailleurs » qui sonne plus heureux que « Je vais défendre le pouvoir d'acha des travailleurs » qui n'inspirerait pas une grande confiance aux dits travailleurs. Il faudra donc trouver une explication de la haute fréquence du FP en tant qu'équivalent de marqueurs de l'imminence en russe qui nous intéressent ici.

Bres et Labeau (2018) distinguent parmi plusieurs fonctions grammaticalisées des verbes dits itifs dans les langues romanes celle de l'imminence-ultériorité. Nous reprenons ici le schéma de Reichenbach retravaillé dans Bres, Labeau (2018, p. 54) :

Il va pleuvoir. *Il vient de pleuvoir*.

Ici, $\mathbf{E_i}$-$\mathbf{E_t}$ correspond à la phase processuelle exprimée par l'infinitif (p) ; la période $\mathbf{E_1}$-$\mathbf{E_2}$ – phase pré-processuelle (auxiliaire 'aller'), S – un point d'énonciation. Les chercheurs caractérisent ainsi l'effet d'imminence produit par la construction avec *aller* : « *il va pleuvoir* : le présent *va*, par sa saisie *cursive* du temps interne, permet de placer le point de référence ρ à l'intérieur de l'intervalle E_1-E_2 de la phase pré-processuelle, à proximité de la borne initiale E_i du procès *pleuvoir* (espace temporel minimal ρ↔E_i) et **simultanément au point d'énonciation S[8] : le sens d'imminence-ultériorité (proximale) est ainsi produit**. »

Voyons à présent les possibilités d'équivalence entre l'imminence marquée par les différents MD russes et les constructions avec *aller*, selon nos relevés du corpus.

2.2. *Того и гляди* et *вот-вот* comme marqueurs de la phase pré-processuelle

Lorsqu'il s'agit de montrer une saisie cursive de p du point de vue de l'énonciateur, la construction itive avec l'infinitif s'impose naturellement, l'auxiliaire « aller » étant à la forme du présent ou de l'imparfait, selon la configuration du contexte, plus précisément, les formes temporelles dans le co-texte :

6) *Madame Rosa faisait peine à voir et je savais qu'elle **allait me manquer d'un moment à l'autre**.*
RU *На мадам Розу больно было смотреть, и я знал, что, **того и гляди, ее у меня не станет**. (R. Gary (É. Ajar). La vie devant soi (1975) | Р. Гари (Э. Ажар). Вся жизнь впереди, trad. Л. Цывьян)*
7) *– Ou si l'idée ne te plaît pas, prends ce tueur de l'Islande, ce gars « abominable ». Il tue Alice Gauthier, puis Masfauré. – Et comment ce tueur aurait su que Gauthier avait parlé? – Il pressent peut-être **qui va parler, Bourlin. Qui va s'effondrer.***
RU […] *– Видимо, он предчувствовал, что она **вот-вот проболтается**. **Вот-вот расколется**. (F. Vargas. Temps glaciaires (2015) | Ф. Варгас. Холодное время, trad. М. Зонина, 2017)*

Lorsqu'il est question de cette vision interne de la phase pré-processuelle, une autre possibilité de saisie interne du processus pourrait être envisagée, à savoir les constructions proximatives de type « être sur le point de », fréquentes en tant qu'équivalents du MD en français (22% dans notre corpus) :

[8] Le symbole S employé dans l'étude citée coïncide avec notre désignation de l'énonciateur.

8) RU *У Эфрона могло создаться ощущение, что на болшевской даче арестованы уже все – или* ***будут вот-вот арестованы***
FR. *Efron peut avoir l'impression qu'à la datcha de Bolchévo tout le monde est déjà arrêté,* ***ou est sur le point de l'être.*** *(И. Кудрова. Путь комет. Разоблачённая морока (2007) | I. Koudrova. La mort de Marina Tsvétaïéva, trad. H. Henry, 2015)*

On pourrait visualiser schématiquement ce point de saisie de la phase pré-E_i comme « imminemment proche » de la phase initiale E_i du processus p. Lorsque nous avons des nuances supplémentaires dans la prospection de p, nous constations d'autres possibilités dans la traduction, comme le conditionnel, qui correspond dans la plupart des exemples au futur dans le passé et qui peut être une alternative au futur périphrastique dans la traduction.

2.3. Conditionnel vs. futur périphrastique

Lorsque p est l'un des scénarios envisageables, c'est-à-dire lorsque l'énonciateur conçoit p à côté de non-p, seul le mode conditionnel est possible :

9) FR – *Ne faites pas ça, répéta-t-il. – Les escaliers sont vermoulus,* ***vous risqueriez de vous rompre le cou !***
RU – *Не делайте этого! – повторил тот. – Лестница трухлявая,* ***того и гляди сломаете шею****. (J. Dicker. La Vérité sur l'Affaire Harry Quebert (2012) | Ж. Диккер. Правда о деле Гарри Квеберта, trad. И. Стаф, 2017)*

Notons que dans cette mise en garde contre p, qui sera raisonnablement évité par le personnage, l'emploi de *вот-вот*, qui marque nettement l'imminence de p et non une mise en garde, serait incongru, comme nous l'avons vu dans la première partie de l'article.

Il convient de distinguer ces valeurs modales du conditionnel de la valeur du futur dans le passé, qui traduit une prédiction sur p comme un scénario possible envisagé par l'énonciateur au passé :

10) RU *Казалось,* ***вот-вот начнется единственно нужный им обоим разговор*** *о простой сути Сталинграда. Но Еременко сказал* […] *Разговор, единственно имевший смысл в э тот час, так и не состоялся.*
FR *On aurait pu croire* ***qu'une seconde encore et ils entameraient la discussion*** *qui leur était à tous deux nécessaire, une discussion toute simple sur le sens de Stalingrad. – Tu veux sûrement poser la question, dit Éremenko, que l'on pose toujours à un supérieur* […] Et la discussion qui seule aurait eu un sens ce jour-là n'eut pas lieu. *(В. Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 1 (1959) | V. Grossman. Vie et Destin, partie 1, trad. A. Berelowitch)*

On pourrait également présenter p du point de vue aspectuel et processuel, ce qui reviendrait à coder linguistiquement la vision de la scène du point de vue de S. Ce point de vue pourrait être explicité dans la traduction en précisant que c'est bien l'énonciateur (ici, l'interlocuteur d'Éremenko) qui a cru p possible. Dans ce

cas, on pourrait également rendre l'imminence de p par le FP. Le futur dans le passé correspondrait ainsi à une projection dans laquelle S inclut p et non-p dans ce scénario, alors qu'avec le FP, S choisit de se focaliser sur l'imminence de p. Nous sommes consciente d'être loin d'avoir épuisé la comparaison entre le futur simple, le futur dans le passé et le futur prospectif, mais devons nous limiter à ces quelques observations qui nécessitent un approfondissement dans les travaux à venir.

Conclusion

L'expression de l'imminence ou de la proximité de la phase initiale de l'événement p peut être construite en russe en en ukrainien par des marqueurs discursifs formés sur des verbes de perception ou les marqueurs proximatifs comme *вот-вот*, qui sont souvent relevés dans des contextes similaires, mais se distinguent néanmoins par la construction énonciative de p. Ainsi, le marqueur discursif coïncide, dans la majorité de ses emplois, avec une perception négative de p que l'énonciateur S souhaite éviter ; il s'agit alors de la modalité appréhensive, qui inclut deux scénarios de l'événement : p et non-p. Le marqueur proximatif, lui, se réfère davantage à l'état précédant la phase initiale de p, visualisé comme presque engagé, le focus de S étant sur la phase pré-processive. Cette phase est rendue en français essentiellement par les constructions itives des temps prospectifs, ainsi que par les constructions proximatives de type « sur le point de ». Le conditionnel, avec sa valeur de futur dans le passé, se réfère, lui, à la phase processive, reléguant l'imminence de p au second plan, ce qui modifie la façon d'envisager l'événement dans le texte.

REFERENCES

Apothéloz, D., 2021. Les temps verbaux. *Encyclopédie grammaticale du français*, en ligne: encyclogram.fr [consulté le 26/09/2025]

Barbazan, M., 2010. Comment choisir le meilleur des futurs ? contraintes et libertés d'usage pour le futur simple et le futur composé (aller + infinitif). *L'Information Grammaticale*, 127 (1), pp. 3–9. doi: 10.3406/igram.2010.4111

Bres, J., Labeau, E., 2013. Aller et venir : des verbes de déplacement aux auxiliaires aspectuels temporels-modaux, *Langue française*, 179, pp. 13–28. doi:10.3917/lf.179.0013

Bres, J., Labeau, E., 2018. Des constructions de 'aller' et de *'venir'* grammaticalisées en auxiliaires. *Syntaxe et sémantique,* 19, pp. 49–86. doi: https://doi.org/10.3917/ss.019.0049

Bolly, C., 2010. Pragmaticalisation du marqueur discursif *tu vois* : de la perception à l'évidence et de l'évidence au discours. Neveu Franck et al. (eds), Actes du 2e Congrès Mondial de Linguistique Française, 2010, La Nouvelle-Orléans, États-Unis, Paris, Institut de Linguistique Française, pp. 673–693. doi:10.1051/cmlf/2010243

Dobrovol'skij, D., Mikaelian, I., 2021. Semantika opaseniya i russkie diskursivnye konstrukcii 'togo i gljadi', 'chego dobrogo' i 'ne rovjen chas' (po dannym korpusov). *Russian Linguistics,* 45 (1), pp. 7–43. doi: 10.1007/slll85-021-09236-3

Dobrušina, N.*,* 2006. Grammaticheskie formy i konstrukcii so znacheniem opaseniya i predosterezheniya. *Voprosy jazykoznaniya,* 2, pp. 28–67.

Ivanova, E., 2014. Aprehensiv v russkom i bolgarskom yazykah. *Studi Slavistici,* XI, pp. 143–168.

Rebotier, A., 2015. Le futur périphrastique avec aller : un renvoi spécifique vers l'avenir ou un temps en voie de grammaticalisation ? Une approche contrastive. *Revue de Sémantique et Pragmatique*, 38, pp. 11–34. doi: https://doi.org/10.4000/rsp.502

ЛИТЕРАТУРА

Добровольский, Д., Микаэлян, И., 2021. Семантика опасения и русские дискурсивные конструкции 'того и гляди', 'чего доброго' и 'не ровён час' (по данным корпусов). В: *Russian Linguistics,* 45 (1), с. 7–43.

Добрушина, Н.*,* 2006. Грамматические формы и конструкции со значением опасения и предостережения. В: *Вопросы языкознания,* 2, с. 28–67.

Иванова, Е., 2014. Апрехенсив в русском и болгарском языках. В:*Studi Slavistici,* XI, с. 143–168.

CORPUS

GRAC: General Regionally Annotated Corpus of Ukrainian. Electronic resource: Kyiv, Lviv, Jena. Available at uacorpus.org. Maria Shvedova, Ruprecht von Waldenfels, Sergey Yarygin, Andriy Rysin, Vasyl Starko, Tymofij Nikolajenko, Arsenii Lukashevskyi et al. (2017-2025):

www.ruscopora.ru

Assoc. Prof. Olga Artyushkina
ORCID: 0009-0002-7958-3204
Russian and Slavic Linguistics
Departement of Slavic Studies
Sorbonne University
General Secretary of the Institut of Slavic studies
Paris, France
e-mail: olga.artyushkina@sorbonne-universite.fr

https://doi.org/10.60056/SE.2026.1.67-76

I VERBI DI RIPORTO NELL'INCISO DEL DISCORSO DIRETTO. UNO STUDIO CONTRASTIVO TRA IL CECO E L'ITALIANO

Petra Macurová
Università della Boemia Meridionale di České Budějovice

REPORTING VERBS IN DIRECT SPEECH. A CONTRASTIVE STUDY BETWEEN CZECH AND ITALIAN

Petra Macurová
University of South Bohemia in České Budějovice

This paper deals with the use of reporting verbs in direct speech in Czech and Italian. Although *verba dicendi* are commonly cited as reporting verbs, corpus data and literary texts show that verbs outside this category can also serve as such. The aim of this study is to characterize the reporting verbs outside the category of *verba dicendi* that are used in the reporting clause of direct speech in Czech and Italian and to examine their use in the two languages. While Italian mainly uses verbs of speaking, Czech engages a richer repertoire of expressions.

Key words: reporting verbs, direct speech, Czech, Italian, translation

В данной статье рассматривается использование глаголов прямой речи в чешском и итальянском языках. Хотя verba dicendi часто упоминаются как глаголы прямой речи, корпусные данные и литературные тексты показывают, что глаголы, не относящиеся к этой категории, также могут служить таковыми. Цель данного исследования – охарактеризовать глаголы прямой речи, не относящиеся к категории verba dicendi, которые используются в придаточных предложениях прямой речи в чешском и итальянском языках, и изучить их употребление в этих двух языках. В то время как в итальянском языке преобладают глаголы говорения, чешский язык располагает богатым репертуаром выражений.

1. Introduzione

In linguistica ceca, i verbi che fungono da introduttore sintattico esplicito del discorso diretto sono generalmente caratterizzati come *verba dicendi* in senso lato (Šoltys, 1983; Grepl, 1988; Hirschová, 2017). Si tratta di una categoria piuttosto ampia che si può classificare sostanzialmente in due tipi principali:

(i) i *verba dicendi* veri e propri, ossia i verbi che esprimono semplicemente l'azione di "dire" (per esempio: *říct* 'dire', *mluvit* 'parlare'), più tutti i verbi che si trovano in relazione di iponimia con loro. Negli studi linguistici si menzionano i verbi che oltre al "dire" indicano: (a) il modo in cui si proferisce il discorso (*mručet* 'brontolare', *koktat* 'balbettare'), (b) l'intensità sonora (*křičet* 'gridare', *šeptat* 'sussurrare'), (c) il mezzo di comunicazione (*telefonovat* 'telefonare'), (d) una modalità di fase (*pokračovat* 'continuare', *dodat* 'aggiungere') ecc.;

(ii) i verbi illocutivi, che caratterizzano o enfatizzano la funzione comunicativa, come *varovat* 'avvertire', *přikázat* 'comandare', *připustit* 'ammettere' ecc. (Grepl, 2017; Hirschová, 2017).[1]

La letteratura riguardante il tema dei verbi di riporto fuori dall'ambito ceco (Hanote, Chuquet, 2004; Salvan, 2005; Delesse, 2006) mostra che si possono trovare, in alcune lingue, dei verbi che non appartengono all'elenco "tradizionale" dei verbi di riporto citato qui sopra. Alcuni lavori a proposito dell'inglese evocano, in particolare, il caso dei verbi che esprimono un gesto, come nell'esempio inglese seguente di Ceccaldi-Hamet (2015):

(1) *"I'm looking for a girl, you see," said Persse.*
*"Ah," **shrugged** Tardieu, removing his hand.*
*"*C'est la vie, c'est la narration*. Each of us is a subject in search of an object. Have you by any chance seen a young man in a black velvet suit?"* (*Small World* 200) (Ceccaldi-Hamet, 2015)

I dati del Corpus Nazionale Ceco mostrano che l'uso di questo tipo di verbi è possibile anche in ceco, come si può vedere nell'esempio (2).

(2) *„Můžeme alespoň vyloučit, že má nějaké komplice venku, kteří by mu mapovali situaci?" otázal se Leo Mauss. „Vyloučit nemůžeme nikdy nic," **pokrčil rameny** kriminalista.* (SYN2015)
*"Possiamo almeno escludere che abbia dei complici fuori che controllano per lui la situazione?" chiese Leo Mauss. "Non possiamo escludere mai niente," **disse** [CZ: **alzò le spalle**] il commissario.*[2]

[1] Secondo Štícha nell'inciso del discorso diretto in ceco si possono eventualmente usare anche i *verba cogitandi*, se nel testo letterario si riproducono il discorso interiore di un personaggio o le sue riflessioni (Štícha, 2013, p. 933).

[2] La traduzione è dell'autrice.

In italiano, invece, tale uso sembra alquanto discutibile.

L'obiettivo di questo contributo è di approfondire l'indagine sia a proposito del ceco che dell'italiano[3], cercando di individuare e caratterizzare i verbi di riporto che vengono usati nell'inciso del discorso diretto al di fuori della categoria dei *verba dicendi* in senso lato. Ci siamo limitati in questo lavoro ai verbi che seguono il discorso diretto o figurano all'interno di esso. La ricerca, basata sui dati del Corpus Nazionale Ceco, il corpus parallelo e i corpora monolingui, ha permesso di mettere in evidenza l'uso di vari tipi di verbi in ceco che presenteremo qui in seguito, distinguendo i casi dei verbi che indicano: un gesto simbolico (§ 2), un gesto deittico (§ 3), un movimento del locutore scollegato dal discorso diretto (§ 4). In ciascun caso esamineremo la possibilità di un uso equivalente in italiano, con uno sguardo verso le soluzioni traduttive dal ceco all'italiano.[4]

2. Gesti simbolici

Secondo Ceccaldi-Hamet (2015) è ammesso, in inglese, l'uso dei verbi che esprimono, in un certo senso, un linguaggio gestuale, come nell'esempio (1) riportato sopra con il verbo *shrug* 'alzare le spalle'. La nostra ricerca ha mostrato che questo tipo di uso è ampiamente documentato anche in ceco, oltre all'esempio (2) già citato. Parleremo a questo proposito di verbi che indicano dei *gesti simbolici*[5], ossia dei gesti convenzionali a cui viene attribuito un significato chiaro, condiviso tra i locutori di una data comunità (Poggi, 2002, pp. 71–72; Kaderka, 2017a).

2.1. (Dis)accordo

Il gesto simbolico indicato dal verbo può essere di vario tipo. In alcuni casi esprime l'accordo o il disaccordo, come illustrato negli esempi (3) a (6). Negli esempi (3) e (4) il verbo ha valore affermativo:

(3) *„Takže kam chcete jet? Já jsem myslel na sever. Na jihu jsme už byli." „Ano," **přikývl** Tom, „ale drž se postranních cest."*
*"E da che parte vuoi andare? Io pensavo a nord. A sud ci siamo già stati." "Va bene," **disse** [CZ: **annuì**] Tom, "ma non fare la statale."*

(4) *„Ofenzívy se teď nedočkáme, když začalo sněžit," nadhodil jsem. „To teda ne," **přikyvoval** major.*
*– Non faranno più offensive ora che c'è la neve – dissi. – Certamente no – **rispose** [CZ: **annuì**] il maggiore.*

[3] Come negli studi cechi, anche in quelli italiani si indicano solo i *verba dicendi*, ed eventualmente anche i *verba sentiendi* (Mortara Garavelli, 2001, p. 434)

[4] I verbi cechi sono presentati a confronto con i corrispondenti italiani ricavati dal corpus parallelo InterCorp v16 (versione ceca e versione italiana).

[5] Chiamati anche *gesti emblematici* (Ekman & Friesen, 1969) o con altri termini, cfr. Teßendorf (2013), Poggi (2002), per il ceco Klein (1998), che usa il termine *gesti semantici*.

In entrambi i casi il verbo usato in ceco indica un cenno con la testa. Si può dire che con questi verbi si descrive fisicamente quello che è stato espresso nel discorso diretto (dire *sì* equivale ad un cenno con la testa). Il corpus ceco SYN2015 ci fornisce altri verbi di significato simile con un numero di occorrenze superiore a 10: *přikývnout* 'annuire' (pf.), *kývnout* 'fare un gesto / un cenno con la testa' (pf.), *zavrtět (hlavou)* 'accennare (con la testa), scuotere (la testa)' (pf.), *pokývat* 'fare cenni con la testa' (pf.), *přikyvovat* 'annuire' (impf.), *pokývnout* 'fare un cenno con la testa' (pf.), *vrtět (hlavou)* 'accennare (con la testa), scuotere (la testa)' (impf.) (in ordine di frequenza).

Per quanto riguarda i corrispondenti italiani, il verbo più frequente nel corpus parallelo InterCorp v16 è il verbo *dire*. A volte il traduttore preferisce il verbo *rispondere* (come si è potuto vedere negli esempi (3) e (4) qui sopra). I verbi illocutivi, per esempio *confermare*, vengono usati piuttosto raramente.

I gesti del capo hanno generalmente un significato abbastanza chiaro. La ricerca nei testi letterari contenuti nel corpus parallelo mette tuttavia in evidenza dei casi dove il gesto non è così esplicito. Osserviamo gli esempi (5) e (6):

(5) *Co bude dělat, jestli se pan Nakata třeba už neprobere? „Z toho kouká pěknej průser," **zavrtěl** nakonec **hlavou**.*
*Se Nakata non si fosse più svegliato, che cosa avrebbe dovuto fare? – Che guaio! – **disse** scuotendo la testa [CZ: **accennò con la testa**].*

(6) *Vyšli na chodbu a pan Dvořák se nesměle zeptal, zda si smí zapálit cigaretu. „Samozřejmě," **kývl** pan Kopfrkingl, „proč byste nesměl. […]"*
*Uscirono nel corridoio e il signor Dvořák timidamente chiese se potesse accendersi una sigaretta. "Certamente," **annuì** [CZ: **fece un cenno con la testa**] il signor Kopfrkingl, "perché non dovrebbe. […]"*

Anche se negli esempi (5) e (6) si può percepire, rispettivamente, disaccordo e accordo con la situazione descritta, l'immagine del segno nella nostra mente non è più così netta come nei due casi precedenti, in quanto i verbi usati hanno un significato meno specifico rispetto ai verbi dei due esempi precedenti; p. es. *přikývnout* 'annuire' (nell'es. (3)), *zavrtět hlavou* 'accennare con la testa' (nell'es. (5)).

Gli esempi (5) e (6) illustrano anche soluzioni traduttive differenti. Mentre nell'esempio (5) è stato usato il verbo *dire*, ma con l'aggiunta di un verbo al gerundio che accenna al movimento della testa, nell'esempio (6) il traduttore ha optato per il verbo esplicito *annuire*, che si incontra nei testi letterari in italiano con una frequenza piuttosto bassa. Inoltre, analizzando i dati ottenuti dai corpora, si può anche notare che il tentativo di esprimere il movimento è maggiormente presente nelle traduzioni dal giapponese, come si è visto nell'esempio (5), e nelle traduzioni dal ceco, come mostrato nell'esempio (6). Nel primo caso si potrebbe trattare di un'influenza culturale, vista la ben nota importanza di questo tipo di gesti nella

società giapponese, nel secondo caso va naturalmente considerata la possibilità di un'interferenza, che l'analisi di diversi esempi tenderebbe a confermare.

2.2. (In)decisione, (dis)interesse

Si possono individuare altri casi da classificare come gesti o movimenti con un significato convenzionale, diverso tuttavia rispetto a quello dei casi precedenti (gli esempi (3) a (6)). Osserviamo gli esempi (7) e (8):

(7) *„Co to mělo znamenat?" zeptal se Arthur dívky, která se náhle objevila vedle něj. „Proč mi říkal, že mám vyhrávat ceny?" „Obvyklé řeči showbusinessmanů," **pokrčila** dívka **rameny**.*
*– Che cosa significa tutto questo? – chiese Arthur a una ragazza che era lì vicino a lui. – E perché mi ha detto di vincere dei premi? – Era solo una chiacchierata per la TV – **disse** la ragazza, alzando le spalle [CZ: **alzò le spalle**].*

(8) *„Ach, dneska jsme při penězích, že?" zakoketovala žena s dlouhým úsměvným povzdechem. […] „Ne, to je v pořádku, vážně," **mávl** rukou a žena začala s příšernou pečlivostí odtrhávat pět lístků, jeden po druhém.*
*– Oh, siamo pieni di soldi, eh? – disse lei, sospirando e continuando a sorridere. […] Arthur era seccato che la facesse tanto lunga. – No. Bene. Adesso siamo a posto – **disse** con un gesto vago [CZ: **fece un gesto con la mano**], mentre lei cominciava con spaventosa lentezza a strappare a uno a uno cinque biglietti dal blocchetto.*

Se nell'esempio (7) si percepisce una certa indecisione o un dubbio che emerge durante la valutazione della situazione, l'esempio (8) rappresenta il caso di un chiaro disinteresse del parlante. Si può dire che, in questi esempi, i verbi usati nell'inciso del discorso diretto completano il discorso citato, non si limitano a duplicare, come negli esempi di prima, quello che è stato detto.

Operando una sostituzione con il verbo *říct* / *dire* negli esempi (3) a (8) si può constatare che l'effetto prodotto è diverso secondo i casi. Negli esempi (3) a (6) non si percepisce una differenza significativa rispetto alla scena descritta negli enunciati tratti dal corpus, mentre negli esempi (7) e (8), si perde chiaramente l'informazione aggiunta sul modo di reagire del parlante.

(3a) *„Takže kam chcete jet? Já jsem myslel na sever. Na jihu jsme už byli." „Ano," **řekl** Tom, „ale drž se postranních cest."*
*"E da che parte vuoi andare? Io pensavo al nord. Al sud ci siamo già stati." "Va bene," **disse** Tom, "ma non fare la statale."*

(4a) *„Ofenzívy se teď nedočkáme, když začalo sněžit," nadhodil jsem. „To ne," **řekl** major.*
*– Non faranno più offensive ora che c'è la neve – dissi. – Certamente no – **disse** il maggiore.*

(5a) *Co bude dělat, jestli se pan Nakata třeba už neprobere? „Z toho kouká pěknej průser,“* ***řekl****.*
Se Nakata non si fosse più svegliato, che cosa avrebbe dovuto fare? — Che guaio! — ***disse****.*

(6a) *Vyšli na chodbu a pan Dvořák se nesměle zeptal, zda si smí zapálit cigaretu. „Samozřejmě,“* ***řekl*** *pan Kopfrkingl, „proč byste nesměl. […]“*
Uscirono nel corridoio e il signor Dvořák timidamente chiese se potesse accendersi una sigaretta. “Certamente,” ***disse*** *il signor Kopfrkingl, “perché non dovrebbe. […]”*

(7a) *„Proč mi říkal, že mám vyhrávat ceny?“ „Obvyklé řeči showbusinessmanů,“* ***řekla*** *dívka.*
E perché mi ha detto di vincere dei premi? – Era solo una chiacchierata per la TV – ***disse*** *la ragazza.*

(8a) *„Ach, dneska jsme při penězích, že?“ […] „Ne, to je v pořádku, vážně,“* ***řekl*** *a žena začala s přísernou pečlivostí odtrhávat pět lístků, jeden po druhém.*
– Oh, siamo pieni di soldi, eh? […] – No. Bene. Adesso siamo a posto – ***disse****, mentre lei cominciava con spaventosa lentezza a strappare a uno a uno cinque biglietti dal blocchetto.*

Anche in questi casi è piuttosto raro in italiano usare verbi che caratterizzino l’azione descritta in modo più esplicito. Prevalgono i verbi di dire, usati eventualmente con un complemento, come nell’esempio (8), o con un altro verbo al gerundio, come negli esempi (5) e (7) sopra.

3. Gesti deittici

Esiste infine un altro tipo di gesto, sostanzialmente diverso dai precedenti, che viene descritto in relazione ai verbi di riporto in ceco. Si tratta dei gesti deittici, con cui il parlante cerca di attirare l’attenzione del destinatario, indicando un oggetto, uno spazio o una persona in vicinanza o in lontananza (Kaderka, 2017b; McNeill, 2000). I gesti deittici sono presenti negli esempi (9) e (10):

(9) *Jeli jsme výtahem nahoru. Žena ho zastavila, vystoupili jsme z něho a kráčeli chodbou za ní. […] „Tady je váš pokoj,“* ***ukázala*** *žena. „Mohla byste se svléci a lehnout si. […]*
Salimmo con l’ascensore. Poi seguimmo la donna lungo un’anticamera, […]. – Ecco la sua stanza – ***disse*** *[CZ:* ***indicò****] la donna. – Vuol mettersi a letto? […]*

(10) *„Skočím pro láhev,“ řekl Rinaldi. […] za chviličku se vrátil s lahví a nalil každému půl sklenky koňaku. „Trochu jsi to přehnal,“* ***zvedl jsem*** *sklenku a ohledával jsem ji očima ve světle stolní lampy.*
– Salgo a prendere la bottiglia – disse Rinaldi. […] Tornò con la bottiglia e versò cognac, mezzo bicchiere per ciascuno. – Troppa roba – ***dissi*** *alzando il bicchiere [CZ:* ***alzai*** *il bicchiere] e guardandolo contro la lampada.*

Si potrebbe dire che nell'esempio (9) l'indicazione della camera è doppiamente esplicita, espressa sia dal discorso diretto che dal verbo di riporto. Nell'esempio (10), invece, si presta attenzione all'oggetto attraverso il verbo di riporto con il suo complemento: tramite il gesto descritto nell'inciso il parlante cerca di attirare l'attenzione verso l'oggetto indicato. Mentre l'esempio (9) è simile agli esempi (3) e (4) sopra, nel caso dell'esempio (10) sembra che l'assenza del *verbum dicendi* e l'uso del verbo di movimento *zvednout* 'alzare' ritragga la scena accorciando, in un certo modo, la sequenza temporale degli eventi. Una sostituzione del verbo *zvednout* 'alzare' con un verbo di dire non è più possibile, in quanto la sua funzione non è semplicemente di duplicare la frase citata, ma di esprimere un gesto deittico, che partecipa alla descrizione della scena. Se volessimo modificare questi esempi usando un *verbum dicendi*, non sarebbe un problema per l'esempio (9), dove la semplice sostituzione è accettabile, mentre bisognerebbe aggiungerlo nel caso dell'esempio (10):

(9a) *„Tady je váš pokoj,“* ***řekla*** *žena.*
– Ecco la sua stanza – ***disse*** *la donna.*

(10a) *[…] nalil každému půl sklenky koňaku. „Trochu jsi to přehnal,“* ***řekl jsem****,* ***zvedl jsem*** *sklenku a ohledával jsem ji očima ve světle stolní lampy.*
[…] versò cognac, mezzo bicchiere per ciascuno. – Troppa roba – ***dissi*** *alzando il bicchiere [CZ:* ***dissi****,* ***alzai*** *il bicchiere] e guardandolo contro la lampada.*

4. Movimenti

In questo ultimo paragrafo abbiamo raggruppato i casi in cui il verbo di riporto non indica alcun segno particolare, ma descrive un movimento scollegato dal discorso diretto. Vediamo gli esempi (11) e (12):

(11) *„Říkal, že mi zaplatíte,“* ***obrátil se*** *řidič taxíku k Arthurovi a ten vydoloval pár bankovek a zaplatil.*
– Ha detto che avreste pagato voi – ***disse*** *[CZ:* ***si girò****] il tassista ad Arthur, che prese dal portafogli alcune banconote e pagò.*

(12) *Midori tam právě připravovala oběd. […] „V lednici je pivo, tak se zatím posaď a dej si,“* ***otočila se*** *na mě Midori od vaření. Otevřel jsem si plechovku a posadil se na stůl.*
Midori era lì, occupata a preparare il pranzo. […] “C’è della birra in frigo. Ti dispiace prenderla tu stesso e sederti qui?” ***disse*** *Midori voltandosi [CZ:* ***si voltò****] un attimo verso di me. Presi una lattina dal frigorifero, mi sedetti al tavolo e la assaggiai.*

Sia nell’esempio (11) che nell’esempio (12) è descritto un movimento che si può caratterizzare come scollegato dal discorso diretto, nel senso che non interferisce con esso, a differenza dei gesti simbolici che precisano la prospettiva del parlante (accordo, disaccordo, disinteresse, dubbio) rispetto a quello che dice, o dei gesti deittici che indicano fisicamente un elemento evocato nel discorso. Sembra che, in questi casi (come nell’esempio (10) sopra), l’omissione del *verbum dicendi* abbia l’effetto di avvicinare il momento dell’enunciazione allo svolgimento dell’azione descritta. Possiamo confrontare gli esempi modificati in coordinazione:

(11a) *„Říkal, že mi zaplatíte,“* ***řekl*** *řidič taxíku* ***a obrátil se*** *k Arthurovi […]*
– Ha detto che avreste pagato voi – ***disse*** *il tassista ad Arthur* ***e si girò*** *[…].*

(12a) *„V lednici je pivo, tak se zatím posaď a dej si,“* ***řekla*** *Midori* ***a otočila se*** *na mě od vaření.*
“C’è della birra in frigo. Ti dispiace prenderla tu stesso e sederti qui?” ***disse*** *Midori voltandosi [CZ:* ***disse*** *Midori* ***e si voltò****] un attimo verso di me.*

Esaminando gli esempi tratti dal corpus e gli esempi modificati a confronto, si può dire che gli enunciati cechi senza i *verba dicendi* danno l’impressione di una maggiore scorrevolezza, focalizzano l’attenzione del lettore sullo svolgimento degli eventi. Un effetto simile si percepisce anche negli esempi (13) e (14):

(13) *Udala, že je bez vyznání, a žena prázdný chlívek za slovem „vyznání“ proškrtla. […] „Teď vás zavedu do pokoje,“* ***vstala*** *žena od stolku.*
Catherine disse che non apparteneva a nessuna confessione. La donna tirò una linea accanto a questa parola. […] – L’accompagnerò nella stanza – ***disse*** *a Catherine [CZ:* ***si alzò*** *la donna dal tavolo].*

(14) *„Sime, půjdem,“ řekl Sauders a vstal. „Půjdem.“ „Tak se mějte,“* ***zvedl jsem se****. „Musím už taky jít.“ Hodiny v hospůdce ukazovaly tři čtvrti na šest. – Andiamo Sim – disse Saunders. – Andiamo. – – Arrivederci –* ***dissi*** *[CZ:* ***mi alzai****]. – Anch’io devo andare. – All’orologio del bar mancava un quarto alle sei.*

Anche in questi casi si percepisce un certo avvicinamento del momento dell’enunciazione al movimento indicato dal verbo di riporto. Trattandosi di mo-

vimenti più dinamici rispetto a quelli descritti negli esempi (11) e (12) sopra, si potrebbe considerare che anche la trama si sposta in modo più significativo.

Per quanto riguarda l'italiano, l'uso di verbi di riporto al di fuori della categoria dei *verba dicendi* non sembra adeguato. Infatti, possiamo verificare che il movimento indicato nell'inciso del discorso riportato viene espresso nella traduzione con un verbo al gerundio in aggiunta al *verbum dicendi*, oppure è semplicemente trascurato.

5. Conclusione

Questa analisi dei verbi di riporto nell'inciso del discorso diretto ha mostrato che in ceco si possono usare dei verbi al di fuori della categoria dei *verba dicendi* in senso lato.

Nella prima parte sono stati analizzati i verbi con cui si descrivono dei gesti con un significato convenzionalmente codificato o dei gesti deittici che mirano ad indicare un oggetto o ad attirare l'attenzione del destinatario verso un oggetto. A seconda del grado di convenzionalità e della specificità dei gesti i verbi di riporto duplicano il contenuto del discorso diretto o lo completano.

Abbiamo individuato anche degli esempi in cui il verbo indica un movimento scollegato dal discorso diretto. In questi casi si può dire che l'assenza di *verbum dicendi* rende la trama più fluente e lo svolgimento degli eventi è percepito come più dinamico.

L'italiano generalmente non adopera simili modi di introdurre il discorso riportato. Nell'inciso del discorso diretto si preferisce nettamente l'uso dei *verba dicendi*, che possono essere specificati con un verbo al gerundio o con un complemento, in particolare di modo. L'uso dei verbi al di fuori della categoria dei verbi di dire è piuttosto raro e prevale nei testi tradotti.

L'analisi dei verbi di riporto necessiterebbe di ulteriori approfondimenti, in particolare su altri tipi di verbi che possono figurare nell'inciso del discorso diretto in ceco, non tratti in questo studio per mancanza di spazio. Inoltre, sarebbe auspicabile un'analisi più dettagliata dell'italiano a partire da un corpus di testi letterari dello stesso periodo.

REFERENCES

CECCALDI-HAMET, A., 2015. Disparition du 'dire' dans les verbes de report au discours direct : l'influence de l'ordre énonciatif dans la phrase. *E-rea* 12.2.2015. DOI: https://doi.org/10.4000/erea.4227.

DELESSE, C. ed., 2006. *Discours rapporté(s), Approche(s) linguistique(s) et/ou traductologique(s)*. Arras: Artois Presses Universités.

GREPL, M., 1988. Reprodukce prvotních výpovědí. *Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity* A36, pp. 51–57.

GREPL, M., 2017. Reprodukce prvotních výpovědí. In: KARLÍK, P., NEKULA, M., PLESKALOVÁ, J. (eds.), *CzechEncy – Nový encyklopedický slovník češtiny*. Praha: Nakladatelství Lidové noviny. Accessibile all'indirizzo: https://www.czechency.org/slovnik/REPRODUKCE PRVOTNÍCH VÝPOVĚDÍ.

HANOTE, S., CHUQUET, H., 2004. *'Who's speaking, please?' Le discours rapporté*. Paris: Ophrys.

HIRSCHOVÁ, M., 2017. Verbum dicendi. In: KARLÍK, P., NEKULA, M., PLESKALOVÁ, J. (eds.), *CzechEncy – Nový encyklopedický slovník češtiny*. Praha: Nakladatelství Lidové noviny. Accessibile all'indirizzo: https://www.czechency.org/slovnik/VERBUM DICENDI.

KADERKA, P., 2017a. Symbolické gesto. In: KARLÍK, P., NEKULA, M., PLESKALOVÁ, J. (eds.), *CzechEncy – Nový encyklopedický slovník češtiny*. Praha: Nakladatelství Lidové noviny. Accessibile all'indirizzo: URL: https://www.czechency.org/slovnik/SYMBOLICKÉ GESTO.

KADERKA, P., 2017b. Ukazovací gesto. In: KARLÍK, P., NEKULA, M., PLESKALOVÁ, J. (eds.), *CzechEncy – Nový encyklopedický slovník češtiny*. Praha: Nakladatelství Lidové noviny. Accessibile all'indirizzo: https://www.czechency.org/slovnik/UKAZOVACÍ GESTO.

KLEIN, Z., 1998. *Atlas sémantických gest*. Praha: HZ Editio.

KŘEN, M. et al., 2015. *SYN2015: reprezentativní korpus psané češtiny*. Praha: Ústav Českého národního korpusu FF UK. Accessibile all'indirizzo: http://www.korpus.cz

McNEILL, D., 2000. *Lanugage and Gesture*. Cambridge: Cambridge University Press.

MORTARA GARAVELLI, B., 2001. Il discorso riportato. In: RENZI, L., SALVI, G., CARDINALETTI, A. (eds.) *Grande grammatica italiana di consultazione III*. Bologna: il Mulino, pp. 429–470.

POGGI, I., 2002. Symbolic gestures: The case of the Italian gestionary. *Gesture* 2, pp. 71–98.

ROSEN, A., ŠIMČÍK, B., VAVŘÍN, M., ZASINA, A. J., 2023. *Korpus InterCorp – čeština, verze 16 z 12. 10. 2023*. Praha: Ústav Českého národního korpusu FF UK. Accessibile all'indirizzo: http://www.korpus.cz.

SALVAN, G., 2005. L'incise de discours rapporté dans le roman français du XVIIIe au XXe siècle : contraintes syntaxiques et vocation textuelle. *Cohésion et cohérence, Études de linguistique textuelle*. Paris: ENS Éditions, pp. 113–143. DOI: https://doi.org/10.4000/books.enseditions.144.

ŠTICHAUER, P., VAVŘÍN, M., ZASINA, A. J., 2023. *Korpus InterCorp – italština, verze 16 z 12. 10. 2023*. Praha: Ústav Českého národního korpusu FF UK. Accessibile all'indirizzo: http://www.korpus.cz.

ŠOLTYS, O., 1983. *Verba dicendi a metajazyková informace*. Praha: Ústav pro jazyk český ČSAV.

TEßENDORF, S., 2013. Emblems, quotable gestures, or conventionalized body movements. In: MÜLLER, C. et al. (eds.), *Body – Language – Communication: An International Handbook on Multimodality in Human Interaction. Vol. 1*. Berlin/Boston: De Gruyter Mouton.

Petra Macurová, Ph.D.
ORCID: 0009-0001-6367-0226
Department of Romance Studies
University of South Bohemia in České Budějovice
České Budějovice, Czech Republic
e-mail: macurova@ff.jcu.cz

https://doi.org/10.60056/SE.2026.1.77-85

DESCRIPTION DES PHRASÈMES INTERACTIFS SOUS LE PRISME DES ÉNONCÉS EN INCISE : UNE APPROCHE CONTRASTIVE RUSSE-FRANÇAIS

Angelina Biktchourina
Université Jean Moulin Lyon 3

DESCRIPTION OF INTERACTIVE PHRASEMES THROUGH THE LENS OF REPORTING CLAUSES: A CONTRASTIVE RUSSIAN-FRENCH APPROACH

Angelina Biktchourina
Jean Moulin Lyon 3 University

This article focuses on reporting clauses – fragments of the narrator's speech in literary texts that introduce or comment on interactive phrasemes (interactemes) contained in direct speech. These fragments sometimes perform a metapragmatic function, as they reinforce, clarify or remove the ambiguity of the speaker's communicative intention. Although such elements are usually absent from lexicographical descriptions, it is advisable to take them into account, as they form a coherent system with interactive phrasemes. Besides, it appears to be justified to use a contrastive approach to identifying and describing Russian and French interactive phrasemes, based on parallel and monolingual corpora analysis. The present work contributes to a larger project aimed at identifying and describing interactemes in Russian and comparing them with their equivalents in French.

Key words: phraseology, interactive phrasemes, reporting clauses, Russian, French

Настоящая статья посвящена фрагментам речи рассказчика в литературных текстах, которые вводят или комментируют интерактивные фраземы (фразы-интерактемы), содержащиеся в прямой речи персонажей. Эти вставные элементы иногда выполняют метапрагматическую функцию, поскольку они усиливают, уточняют или снимают неоднозначность коммуникативного намерения говорящего. Хотя они, как правило, отсутствуют в лексикографических описаниях, в статье показывается, что их учет представляется целесообразным, поскольку они образуют целостную систему с фразами-интерактемами. Кроме того, контрастивный подход к выявлению и опи-

санию русских и французских фраз-интерактем, основанный на сопоставлении параллельного и соответствующих одноязычных корпусов, также представляется обоснованным. Данная работа является частью более крупного проекта, целью которого является выявление и описание интерактем в русском языке и сопоставление их с французскими эквивалентами.

Introduction

On observe aujourd'hui l'émergence de la phraséologie pragmatique, un sous-domaine de la phraséologie qui s'intéresse principalement aux énoncés préconstruits prototypiquement polylexicaux en contexte d'interaction. Ce champ étudie le lexique préfabriqué et ses usages, en tenant compte des conditions de production (analyse située de l'acte, relations entre interactants, visées illocutoires, etc.), ainsi que des effets produits sur les participants et sur le déroulement de l'échange (Tutin, 2019 ; Dostie et Sikora, 2021).

Plusieurs projets lexicographiques ont été menés pour recenser et décrire les mécanismes d'usage des expressions préfabriquées caractéristiques des interactions orales. Parmi eux, citons : le dictionnaire bilingue français-allemand « des actes de langage stéréotypés » (Kauffer, 2019) ; le dictionnaire phraséologique en ligne des formules orales de relation interpersonnelle bilingue espagnol-français (López Simó, 2023) ; les travaux sur les phrases préfabriquées en interaction (Tutin, 2019) ; l'analyse contrastive « des formules expressives de la conversation » en français, polonais et italien (Krzyżanowska et al., 2021) ; et la base de données électronique Pragmaticon[1] dédiée aux formules discursives russes (Raxilina et al., 2021). Les deux dernières ressources ont nourri et structuré notre réflexion.

La classification sémantico-pragmatique du Pragmaticon, qui comprend environ 700 formules discursives (Byčkova et al., 2019 : 257), repose sur trois paramètres principaux : la fonction pragmatique[2], les balises sémantiques[3] et **les types d'actes de langage déclencheurs**, l'objectif principal étant de voir la corrélation entre ces derniers et les caractéristiques sémantico-pragmatiques des formules (Raxilina et al., 2021, p. 14).

Les recherches menées par A. Krzyżanowska, F. Grossmann et K. Kwapisz-Osadnik s'inscrivent dans une approche lexicologique avec « une forte dimension pragmatique » visant « l'identification des actes de langage impliqués par les formules dans des usages situationnels particuliers » (Krzyżanowska et al., 2021, p. 15). Leur objectif consiste à fournir une description approfondie des formules conversationnelles courantes en français et à les confronter à leurs équivalents en

[1] En ligne : https://pragmaticon.ruscorpora.ru/

[2] Les fonctions pragmatiques des formules sont regroupées globalement en onze catégories : négation, confirmation, refus, surprise, accord, interdiction, évaluation, indifférence, permission, insistance et demande de clarification.

[3] Elles visent à décrire les oppositions internes à chaque classe pragmatique et à préciser certains composants sémantiques secondaires (par exemple, une évaluation positive ou négative).

polonais et en italien, tout en tenant compte de leurs valeurs pragmatiques et de différentes contraintes socioculturelles pesant sur leurs modalités d'emploi.

En reprenant leur grille d'analyse et en l'adaptant, T. Ruchot (2024) propose d'y intégrer la dimension interactive, en ajoutant notamment la situation préalable, les suites possibles, **le verbe rapportant l'énoncé**, la modalité énonciative et la visée perlocutoire. Pour notre projet, nous adoptons cette version enrichie en accordant une attention particulière aux énoncés rapportants[4] sans les restreindre aux verbes, mais en intégrant les adverbes et autres éléments relatifs à l'état affectif et aux intentions du locuteur. Bien que généralement absents des descriptions lexicographiques, les énoncés rapportants peuvent marquer la visée illocutoire, perlocutoire, le rapport affectif à l'énoncé ou une réaction à l'énoncé précédent. Nous montrerons ainsi l'intérêt de cette approche dans la description contrastive des *interactèmes-phrases* russes et français.

À la suite de T. Ruchot, nous utilisons le terme *interactème*, qu'il définit comme une « construction typiquement polylexicale, mais occasionnellement monolexicale, qui a une forme complètement ou partiellement figée et sert à exprimer conventionnellement une certaine visée perlocutoire adéquate à l'interacte à produire dans la situation d'interaction en cours » (Ruchot, 2024, p. 132). Ainsi, la nature interactive des interactèmes-phrases (I-ph), qui ont la forme d'une phrase autonome, impose de prendre en compte non seulement l'acte de langage qu'ils impliquent, mais aussi celui qui les déclenche, et les énoncés rapportants servent parfois à expliciter ces actes de langage ou du moins, à en suggérer une interprétation.

Le présent travail, centré sur les énoncés rapportants, s'inscrit dans le cadre d'un projet plus large visant à identifier et décrire les I-ph selon une approche contrastive russe-français. Ce projet repose notamment sur l'exploitation de corpus parallèles[5], c'est-à-dire de textes originaux alignés avec leurs traductions respectives. En l'absence de corpus parallèles suffisamment volumineux pour permettre des comparaisons directes et exhaustives, nous utilisons également des corpus monolingues[6] qui présentent l'avantage d'identifier les usages sans l'interférence potentielle liée à la traduction.

[4] Nous entendons par *énoncé rapportant* tout segment qui encadre, introduit ou commente un I-ph, et en oriente l'interprétation pragmatique.

[5] Le sous-corpus parallèle (russe-français) du Corpus National de la langue russe (https://ruscorpora.ru) et le corpus FRARUS que nous sommes en train de constituer grâce à l'outil d'exploration le Lexicoscope 2.0 (http://phraseotext.univ-grenoble-alpes.fr/lexicoscope_2.0/).

[6] Ce sont principalement : le corpus Web frTenTen20 de Sketch Engine, la base de données Frantext, la plate-forme ORFEO, le Ruscorpora.

1. Un point sur les incises

L'incise est une marque de discours rapporté. Selon sa position, elle peut être antéposée, insérée à l'intérieur même de l'énoncé – où elle interrompt le discours rapporté ou met en valeur le commentaire énonciatif –, ou encore postposée. Ce dernier cas est considéré comme la configuration « standard », dans la mesure où il est de loin le plus fréquent.

S'interrogeant sur la question des régularités des verbes d'activité de parole, J.-C. Anscombre constate que tous les verbes n'autorisent pas l'incise inversée. C'est le cas, par exemple, des verbes *interdire* ou *autoriser* contrairement à *promettre* ou *déclarer* (Anscombre, 2015, p. 115), ce qui semble aussi être le cas des verbes russes correspondants *zapretit'* et *razrešit'* dans les textes postérieurs à 1900. D'autres verbes, selon J.-C. Anscombre, par exemple *apostropher,* n'admettent que l'incise antéposée, ou même aucune des deux, par exemple *parler, bavarder, pérorer* (Anscombre, 2015, p. 112). Le verbe russe *okliknut'* 'apostropher', en revanche, ne présente pas la même limitation.

À cela, peut s'ajouter une divergence dans le choix du temps et de l'aspect, qui favorise des schémas différents en russe et en français, sans pour autant les déterminer de manière absolue[7]. Ainsi, le verbe français *rigoler* de registre familier, lorsqu'il est employé à la première personne, apparaît préférentiellement en antéposition (1a), tandis que le russe recourt le plus souvent au perfectif inchoatif *zasmejat'sja* 'se mettre à rire' dans des incises postposées(1b), même si l'antéposition demeure possible :

• voie « directe » (X a dit : « p ») :

(1a) – *Raconte-moi tout ce qu'ils t'ont fait. Je rigole : – Pas la peine !* [A. Sarrazin. L'Astragale (1965)]

• incise postposée (« p », a dit X) :

(1b) – *Davaj rasskazyvaj. Vsë, čto s toboj delali. – Ne stoit ! – zasmejalas' ja.* [traduction de N. Mavlevič]

2. Énoncés rapportants en tant qu'outil métapragmatique

Ce qui nous intéresse dans le présent travail, ce sont les énoncés rapportants dans les textes littéraires, surtout lorsqu'ils ont pour fonction de :

– encadrer l'interprétation de l'I-ph, en orienter la lecture pragmatique et mettre en scène les affects (p. ex., *ogorčit'sja* 's'attrister') ou les intentions (p. ex., *ubeždat'* 'chercher à convaincre', qui exprime explicitement la visée perlocutoire

[7] Nous remercions le relecteur ou la relectrice anonyme d'avoir attiré notre attention sur le fait que le rôle de l'aspect n'est pas déterminant à lui seul, mais que d'autres paramètres doivent être pris en compte, notamment la personne grammaticale et le registre.

argumentative, ou *rugat'sja* ‘invectiver qqn’, un expressif qui relève principalement de la mise en scène affective tout en impliquant indirectement une visée illocutoire de contestation) ;

– permettre ainsi de mieux saisir les nuances pragmatiques et les positionnements énonciatifs au sein du dialogue. En ce sens, ils constituent un outil précieux pour le décryptage[8] des I-ph qui ont la capacité à réaliser différentes valeurs illocutoires et dont la valeur pragmatique dépend étroitement du cadre interactionnel et de la posture de l’interactant.

2.1 Recherche dans le corpus parallèle

Le repérage des I-ph dans un corpus parallèle facilite dès lors leur analyse contrastive. Les verbes qui permettent le plus souvent ce repérage sont ceux qui marquent la parole prononcée d’une voix forte, manifestant ainsi une réaction émotionnelle spontanée, de type *voskliknut’, vskričat’ / s’exclamer, s’écrier* :

(2a) – *C’est ça ! s’exclama* Tomek. [J.-C. Mourlevat. La rivière à l’envers. Tomek]
(2b) – *Točno ! – voskliknul* Tomek. [traduction de N. Buntman]

Cependant, le rôle parfois déterminant dans la construction du sens discursif de l’interaction en cours revient en premier lieu à certains verbes à teneur évaluative, qu’elle soit principale ou sous-jacente à une réaction émotionnelle, tels qu’*admettre, refuser, se réjouir, s’indigner* ou *se vexer*. En signalant explicitement l’attitude du locuteur à l’égard du tour de parole précédent, ils permettent de circonscrire son positionnement énonciatif, entendu comme la manière dont il s’engage, approuve, conteste ou prend ses distances dans l’échange. L’énoncé rapportant sert alors d’outil métapragmatique pour le lecteur[9]. Ainsi, un I-ph comme *C’est ça* peut être perçu comme un acte d’assentiment s’il est suivi de *admet-il*, mais prendra une coloration ironique, voire polémique, s’il est accompagné de *s’indigne-t-il* ou *proteste-t-il* :

(3) – *Bien sûr, répondit Lil. Pauvre Sénateur. Je savais qu’il serait malade. – Pas malade, réussit à dire le Sénateur derrière son buisson. Intoxiqué, c’est différent. – C’est ça ! protesta Lil. Dis que la cuisine était mauvaise.* [B. Vian. L’Herbe rouge][10]

[8] Il convient de préciser que ce critère n’est pas totalement faible du fait de la polysémie de certains verbes (par exemple, *promettre* pour ‘*menacer’*).

[9] Un relecteur ou une relectrice anonyme nous a signalé une possible confusion ici entre le plan de l’interaction représentée et celui de l’interaction auteur-lecteur. Si ces plans sont analysables séparément et si leur distinction permet de décrire les mécanismes de médiation interprétative à destination du lecteur, ils sont néanmoins fonctionnellement imbriqués et ne sauraient être strictement dissociés au regard de notre objectif, qui est l’analyse pragmatique des I-ph : l’interaction représentée entre personnages est en effet construite de manière à rendre perceptible pour le lecteur la dynamique interactionnelle et les positionnements énonciatifs.

[10] La recherche s’effectue à partir du corpus Web frTenTen20 de Sketch Engine.

Par ailleurs, la recherche effectuée à partir d'un I-ph dans un corpus parallèle permet de mettre en lumière l'aspect idiomatique de l'emploi de certains verbes rapportants, tels que *renchérir* (4b) ou *suggérer*[11], qui n'ont pas d'équivalents directs en russe :

(4a*) – Ne govori, – soglasilsja Mixal Ivanyč, – ja ved' i rukami zadušu, esli nado...* [S. Dovlatov. Zapovednik]
(4b) – *Tu l'as dit, renchérit Mikhaïl Ivanytch. Je pourrais l'étrangler à mains nues au besoin…* [traduction de Ch. Zeytounian-Beloüs]

Il est intéressant également d'identifier les gestes dont la signification dans les deux langues ne coïncide pas totalement, comme par exemple, *hausser les épaules* qui, d'après la définition du Centre national de ressources textuelles et lexicales permet de « manifester son indifférence, sa résignation ou son agacement »[12], tandis que *požat' plečami* 'hausser les épaules' correspond à un mouvement des épaules pour exprimer l'embarras, la perplexité ou lorsqu'on ignore quelque chose (Evgen'eva, 1999). C'est sûrement la raison pour laquelle ce geste, qui figure dans l'incise dans le texte source en français (5a) pour indiquer l'agacement, est tout simplement omis dans la traduction correspondante en russe (5b), car cette attitude n'est pas encodée par *požat' plečami* 'hausser les épaules' :

(5a) – *Ils sont venus ici ? Eddie hausse les épaules : – Vous pensez ! Comme d'habitude : perquise, la mère et ma femme interrogées…* [A. Sarrazin. L'Astragale]
(5b) – *Oni i sjuda prixodili? [...] – Eščë by! Kak obyčno: vsë pereryli, vsex doprosili: mat', moju ženu...* [traduction de N. Mavlevič]

2.2. Utilisation du corpus monolingue russe

Précisons que nous limitons ici notre propos à quelques exemples illustratifs et seulement pour le russe, mais une démarche similaire est adoptée aussi pour les I-ph dans les textes en français. Afin de repérer les I-ph, leurs valeurs pragmatiques ou autres particularités (intonation, ponctuation associée), nous utilisons le sous-corpus littéraire du Corpus national de la langue russe.

Par exemple, en partant du verbe de cadrage *razrešit'* 'autoriser' au passé, qui attribue une visée illocutoire de permission, nous avons pu identifier un I-ph non répertorié dans le Pragmaticon – *[Ladno,] valjaj (-te)* '[D'accord,] vas-y / allez-y' :

[11] T. Ruchot remarque l'absence de verbe russe correspondant véritablement au verbe *suggérer* en emploi performatif (Ruchot, 2024, p. 125, note 2).

[12] En ligne : https://www.cnrtl.fr/definition/hausser, consulté le 28 septembre 2025.

(6) – *Prostite, – skazala, – ja bystro… Ja xoču liš' peregovorit's Sergeem Kukuškinym. Vy razrešite? – i posmotrela laskovo na direktora. […] – Valjajte, – razrešil on, […].* [A. Pristavkin. Kukušata ili žalobnaja pesn' dlja uspokoenija serdca]
'– Excusez-moi, dit-elle, je serai rapide… Je veux seulement parler à Sergueï Koukouchkine. Vous m'y autorisez ? – demanda-t-elle en regardant tendrement le directeur. – Allez-y, concéda-t-il [...][13].'

À partir du verbe rapportant *soglasit'sja* 'accepter' (7) ou *kivnut'* 'hocher la tête (en signe d'approbation)' (8), nous découvrons une particularité intonative retranscrite pour l'I-ph *Èt` možno* '*litt.* C'est possible' :

(7) – *Togda xotja by poedem skupnëmsja? Vsegda lučšij vyxod naxožu! – Et možno! – počesav golovu, soglasilsja on.* [V. Popov. Ty zabyla svoë krylo]
'– Alors au moins, allons piquer une tête ? Je trouve toujours la meilleure solution ! – Ça marche ! dit-il en se grattant la tête, en signe d'accord.'

(8) – *Nu čto, po pjat' kapel', po-sosedski, tak skazat'? – […] predložil Kul'kov. – Èt možno, – dobrodušno kivnul novosël.* [Ja. Solonin. Raspolagajtes']
'– Alors, cinq gouttes chacun, en bons voisins, disons ? proposa Koulkov [...]. — Ça marche, acquiesça aimablement le voisin nouvellement installé.'

Interrogeant le corpus à partir d'un I-ph, par exemple, *V smysle* '*litt.* Dans [quel] sens', nous observons dans l'incise soit l'emploi du verbe rapportant *izumit'sja* 's'étonner' (9), soit encore la description d'une mimique telle que *udivlënnoe lico* '*litt.* visage surpris' (10) qui accompagne le dire du locuteur. Ces éléments permettent d'associer à cet interactème la valeur pragmatique de surprise, alors que le Pragmaticon ne lui attribue que la fonction de question portant sur ce qui n'est pas compris (« *vopros o neponjatnom* »)[14] :

(9) – *Devočki, čto èto? – sprosila ja šëpotom. Pečatnaja mašinka, – otvetila kudrjavaja Olja. – A čto? A kak ona pečataet? – V smysle? – izumilas' Olja.* [A. Žvalevskij, E. Pasternak. Vremja vsegda xorošee]
'– Les filles, qu'est-ce que c'est ? chuchotai-je. – Une machine à écrire, répondit Olga aux boucles. – Et alors ? Comment ça écrit ? – Comment ça ? s'étonna Olga.'

(10) – *Nu i kak ty dumaeš' svoju dalnejšuju žizn'? – pointeresovalsja Valerik […]. – V smysle? – sdelala An'ka udivlënnoe lico. – V smysle učëby.* [A. Žitkov. Supermarket]

[13] En l'absence d'indication contraire, les traductions ont été réalisées par nos soins.
[14] En ligne : https://pragmaticon.ruscorpora.ru/exp/1227, consulté le 28 septembre 2025.

‘– Et comment vois-tu ta vie future ? demanda Valerik [...]. – C’est-à-dire ? fit An’ka avec un air surpris. – Je parle des études.’

La même opération à partir de *Nu smotri(-te)* ‘fais / faites attention’, fait clairement ressortir la valeur de mise en garde par le verbe rapportant *predupredit’* ‘prévenir’, tandis que le Pragmaticon ne mentionne que l’indifférence[15] :

(11) – *Idite, Boris Evgen’evič, i ne bespokojtes’, vsë budet v porjadke. – Nu, smotrite, – predupredil Ermolkin, – ja ostavlju vas za sebja i nadejus’, čto vsë budet kak nado.* [V. Vojnovič. Žizn’ i neobyčajnye priključenija soldata Ivana Čonkina]
‘– Allez-y, Boris Evguenievitch, et ne vous inquiétez pas, tout ira bien. – Faites attention, prévint Ermolkine, je vous laisse en charge de ça à ma place et j’espère que tout se passera comme il faut.’

Enfin, l’interrogation du corpus articulée autour d’un interactème et du verbe reflétant sa valeur pragmatique fournit également des indications quant à la ponctuation qui accompagne ces I-ph. On peut ainsi observer des variations pour le même I-ph dans l’intonation interrogative, exclamative ou neutre suggérée par la ponctuation (7, 8).

3. Conclusion

Ce travail confirme l’intérêt d’intégrer les énoncés rapportants dans l’analyse pragmatique des I-ph. En croisant des données issues d’un corpus parallèle et de corpus monolingues, nous avons montré que les incises contribuent à déterminer la valeur interactive – qu’il s’agisse du rapport affectif du locuteur à l’énoncé, de la précision de sa visée illocutoire ou perlocutoire, ou encore de la réaction à l’énoncé précédent. Loin de se limiter à un simple encadrement syntaxique, ces énoncés rapportants apparaissent aussi comme un outil non négligeable pour une approche contrastive visant à identifier et à décrire des interactèmes-phrases russes et français correspondants, contribuant ainsi à l’enrichissement des ressources linguistiques multilingues.

REMERCIEMENTS

Je tiens à remercier Polina Mikhel et Thierry Ruchot pour leur lecture attentive de cet article, leurs commentaires et suggestions. Je reste cependant responsable des erreurs éventuelles.

[15] En ligne : https://pragmaticon.ruscorpora.ru/exp/429, consulté le 28 septembre 2025.

RÉFÉRENCES

ANSCOMBRE, J.-C., 2015. « Verbes d'activité de parole, verbes de parole et verbes de dire : des catégories linguistiques ? », In : *Langue française*, 186 (2), pp. 103–122.

BYČKOVA, P.A., RAXILINA, E.V., SLEPAK, E.A., 2019. Diskursivnye formuly, polisemija i žestovoe markirovanie. In: *Trudy instituta russkogo jazyka im. V.V.Vinogradova* 21 (2019), pp. 257–284.

DOSTIE, G., SIKORA, D., 2021. « Les phraséologismes pragmatiques : Entre langue et discours. Présentation ». In : *Lexique*, 29, URL : http://www.peren-revues.fr/lexique/76.

EVGEN′EVA, A.P., 1999. *Slovar' russkogo jazyka v 4-x t.* / RAN, Institut lingvističeskix issledovanij, 4-e izd., ster. Moskva: Poligrafresursy

KAUFFER, M., 2019. « Les 'Actes de Langage Stéréotypés' : Essai de Synthèse Critique ». In : *Cahiers de Lexicologie*, 114/1, pp. 149–171.

LOPEZ SIMO, M., 2023. « Une nouvelle ressource en ligne de formules des interactions orales : le Dictionnaire phraséologique de formules orales de relation interpersonnelle. Questions de macrostructure ». In : *Studii de lingvistică (Oradea, Romania)*, 13.2, pp. 85–104.

RAXILINA, E.V., BYČKOVA, P.A., ŽUKOVA, S.Ju., 2021. Rečevye akty kak lingvističeskaja kategoija: diskursivnye formuly. In : *Voprosy jazykoznanija*, 2, pp. 7–27.

RUCHOT, T., 2024. « Entre figement et discours interactif : les interactèmes ». In : *Cahiers de lexicologie*, n° 124.

KRZYŻANOWSKA, A., GROSSMANN, F., KWAPISZ-OSADNIK, K., 2021, *Les formules expressives de la conversation : analyse contrastive : français - polonais - italien*, Lublin, Wydawnictwo Episteme.

TUTIN, A., 2019. « Phrases préfabriquées des interactions : quelques observations sur le corpus CLAPI ». In : *Cahiers de lexicologie*, n° 114.

ЛИТЕРАТУРА

БЫЧКОВА, П.А., РАХИЛИНА, Е.В., СЛЕПАК, Е.А., 2019. Дискурсивные формулы, полисемия и жестовое маркирование. In : *Труды института русского языка им. В. В. Виноградова*. 21, с. 256 – 283.

ЕВГЕНЬЕВА, А.П., 1999. *Словарь русского языка в 4-х т.* / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; 4-е изд., стер. Москва: Рус. яз.; Полиграфресурсы.

РАХИЛИНА, Е.В., БЫЧКОВА, П.А., ЖУКОВА, С.Ю., 2021. Речевые акты как лингвистическая категория. Дискурсивные формулы // *Вопросы языкознания*. 2. с. 7–27. DOI : https://doi.org/10.31857/0373-658X.2021.2.7-27.

Angelina Biktchourina
ORCID : 0000-0002-3345-3204
Département d'Études slaves
Université Jean Moulin Lyon 3
Centre d'Études Linguistiques - Corpus, Discours et Sociétés
Lyon, France
e-mail : angelina.biktchourina1@univ-lyon3.fr

https://doi.org/10.60056/SE.2026.1.86-96

IL CERCHIO SI ALLARGA. LA POLISEMIA DI *ОКОЛО*

Marina di Filippo
Università di Napoli L'Orientale

THE CIRCLE WIDENS. THE POLYSEMY OF *ОКОЛО*

Marina di Filippo
University of Naples L'Orientale

This work is dedicated to the preposition *около*, its polysemy, its main semantic configurations and, from a contrastive perspective, its Italian equivalents *intorno a*, *vicino a*, *accanto a*, *circa*. The corpus-based analysis examines the main characteristics of the preposition, based on the locative spatial configuration that evolves in relation of proximity and approximation, identifying its main functions. The second part of the study is dedicated to the translations of *около* into Italian elicited on the basis of the Russian Italian parallel sub-corpus. The variety of translation solutions and lexical equivalents or discrepancies are reported in the form of examples throughout the study, and the results are summarised in a final table.

Key words: около, Russian, locative spatial preposition, proximity, approximation, Italian translation.

Настоящая работа посвящена предлогу около, его полисемии, основным семантическим конфигурациям и, в контрастивной перспективе, его итальянским эквивалентам *intorno a*, *vicino a*, *accanto a*, *circa*.
Корпусный анализ рассматривает основные характеристики предлога на основе пространственной локативной конфигурации, которая развивается в отношения близости и приблизительности, выделяя его основные функции. Вторая часть исследования посвящена переводам предлога *около* на итальянский язык, полученным на основе параллельного русско-итальянского субкорпуса НКРЯ. Разнообразие переводческих решений и лексических эквивалентов или расхождений приводится в виде примеров в ходе исследования, а результаты обобщаются в итоговой таблице.

Questo studio rappresenta una ideale prosecuzione di un lavoro presentato nella precedente edizione di Gelitec, dedicato alla preposizione del russo *вокруг* e dell'italiano *intorno*, che circonda il referente in ambito spaziale, temporale e quantitativo.

Ci si concentrerà qui sulla preposizione *около*, di cui si delineeranno i principali profili semantici, anche in prospettiva contrastiva con l'italiano.

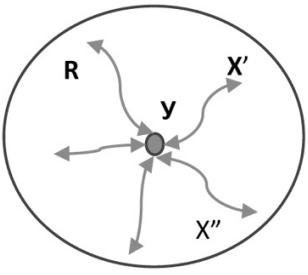
Около è sia avverbio che preposizione ma, siccome l'uso avverbiale è alquanto obsoleto nella lingua moderna, verrà presa in considerazione solo la seconda funzione. *Около* è definita preposizione impropria in quanto originata da un avverbio (*наречный производный предлог*); è il prodotto di un'antica univerbazione di un sintagma preposizionale che si grammaticalizza in avverbio e poi in preposizione *o|kolo*; possiede un significato locativo primario che delinea uno spazio di natura orientativamente circolare; è retta nella configurazione spaziale da predicati di statica o dinamica.

L'equivalente italiano di *около* è reso principalmente (secondo i repertori lessicografici cartacei o consultati online)[1] attraverso la locuzione preposizionale *vicino a* con il quale condivide il significato locativo di: "che si trova a poca distanza da" (GRADIT, 2007).

Le diverse fonti lessicografiche consultate attestano, per il russo *около*, tre relazioni: locativa, di prossimità e di approssimazione.

1. Около $_1$. Relazione locativa circolare di stato o moto che codifica lo spazio all'interno di un perimetro intorno a un centro (che definiremo *Orientir*)[2] e ha come sinonimo *вокруг*. Suoi traducenti italiani più frequenti (si veda la Tabella in fondo) sono *intorno a, attorno a*.

(1) *Безнадежная грусть плотоядным червем обвилась* ***около*** *его сердца*. [Гоголь, *Мертвые души*, 1842][3]
Una tristezza disperata, come un verme carnivoro, si avvolse **intorno** al suo cuore[4]



Schema 1 (Kolmogorova 2017)

[1] Cfr. https://translate.academic.ru/%D0%BE%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%BE/ru/it/ (data di ultima consultazione 28.12.2025).

[2] Adottiamo il termine russo da Kobozeva (Kobozeva, 1995).

[3] Tutti gli esempi, se non indicato diversamente, sono tratti dal Corpus nazionale della lingua russa (NKRYA).

[4] Ove non diversamente indicato, le traduzioni sono a cura dell'autrice del saggio.

In questo schema compaiono tre coordinate spaziali, X, Y e R che indicano rispettivamente: X – il *Referente* o *Figure* localizzato nello spazio dal parlante (nell'es. 1 X è dato dai sintagmi *безнадежная грусть* e *плотоядным червем*); Y – *Orientir*, *Ground,* il punto di riferimento, la figura geometrica, in altre parole il complemento di luogo (nell'es. 1 Y è dato dal sintagma *около его сердца*); R – la *Regione*, lo schema generale o *search domain* entro cui X può interagire con Y (Talmy 2000; Kobozeva 1995; Kolmogorova 2017). Nello schema R circonda Y e X formando un'ampia zona dai contorni sfumati. Nella maggior parte dei casi questo profilo semantico si realizza nelle descrizioni fisiologiche del corpo umano che implicano forme rotonde:

(2) *Волосы ее уже начинали седеть и редеть, маленькие лучистые морщинки уже давно появились* ***около*** *глаз* [Ф. Достоевский. *Преступление и наказание*, 1866]
I suoi capelli cominciavano già a incanutire e a diradarsi: già da tempo, piccole rughe si irradiavano **intorno** ai suoi occhi, le guance s'erano infossate e inaridite per le preoccupazioni e i dolori [G. Kraiski]

oppure in sintagmi retti da una testa verbale contenente l'idea di un movimento circolare o convergente intorno a oggetto, soggetto o anche spazio mentale:

(3) *Все мысли его кружились теперь* ***около*** *одного какого-то главного пункта* [Ф. Достоевский. *Преступление и наказание*, 1866]
Tutti i suoi pensieri vorticavano ora **intorno** a un punto fondamentale [G. Kraiski]

Questa relazione evolve, per estensione metaforica, nella relazione di "prossimità attiva" in contesti colloquiali che evocano un'azione laboriosa di X che si rivolge a Y (persona od oggetto) ed è retta solitamente da verbi come суетиться 'affaccendarsi', хлопотать 'trafficare', вертеться 'gironzolare'.

(4) *Тут, за перегородкой, две хозяйские служанки* ***хлопотали около*** *двух больших самоваров,* ***около*** *бутылок, тарелок и блюд с пирогом и закусками, принесенных с хозяйской кухни* [Ф. Достоевский. *Преступление и наказание*, 1866]
Qui, dietro un divisorio, due domestiche della padrona di casa **s'affaccendavano attorno** a due grandi samovar, a bottiglie, piatti, vassoi colmi di un pasticcio di carne e di antipasti, usciti dalla cucina della padrona. [G. Kraiski]

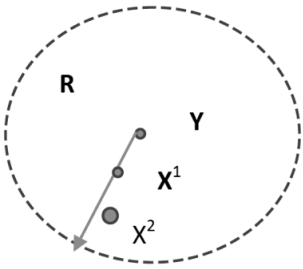
Per questa relazione, si noti che Y è generalmente più piccolo rispetto a X, che il segmento di spazio che lega X e Y evoca un percorso satellitare, non scalare, in cui può verificarsi contatto (1), (2) o vicinanza (4), e infine che tra il referente e il punto di riferimento intercorre una distanza imprecisa o parzialmente definita. Gli esempi (1-4) sono inoltre datati perché *около* con il significato di *вокруг* è obsoleto e il russo moderno tende a sviluppare la preposizione legata alla prossimità e all'approssimazione.

2. Около$_2$. Relazione di prossimità o adiacenza che descrive una configurazione spaziale non più circolare ma lineare tra due stati di cose. Suoi sinonimi[5]

[5] In questo contesto intendiamo per 'sinonimi' le indicazioni riportate, per il lemma *около*, dai dizionari consultati. Sotto il profilo più specificamente semantico-pragmatico, invece, le preposizioni

sono *возле, рядом с, у, вблизи*. Suoi traducenti italiani più frequenti sono *vicino, accanto, presso* (v. Tabella).

(5) *Карманные часы, лежавшие на столике* ***около*** *постели, выстукивали свою негромкую песенку* [Гаршин, *Трус*, 1879]
L'orologio da taschino che stava sul tavolino **accanto** al letto scandiva la sua sommessa canzoncina.



Schema 2 (Kolmogorova 2017)

Nello schema di **около**$_2$ l'*Orientir* Y è posto al centro della *Regione* R mentre il *Referente* X si trova a una distanza *abbastanza vicina* (X^1, X^2) a Y, creando una linea di intersezione che non copre tutto lo spazio R (come accade in Около$_1$) e non rappresenta più una configurazione geometrica.

L'immagine mostra dunque che lo spazio di tolleranza del punto (X^1, X^2) può trovarsi a una *qualsiasi* distanza dall'oggetto localizzato Y. La distanza tra X e Y può essere minima, come nell'es. seguente dove il quadro e la finestra sono *adiacenti* ma non *a contatto* e il loro rapporto traccia una linea verticale:

(6) ***Около*** *окна*$_Y$ *на полу стоит картина* $_{X1}$*: портрет Анны Андреевны в белом платье* [Л. Чуковская, *Записки об Анне Ахматовой*, 1939]
Sul pavimento, **accanto** alla finestra, c'è un quadro: un ritratto di Anna Andreevna vestita di bianco. [G. Moracci].

O viceversa può esserci un vero e proprio *contatto* di X con Y, che in (7) il traduttore accentua usando il verbo di aderenza assoluta *incollare*:

(7) *Все пятеро сдвинули головы* ***около*** *щели в брезенте, не верили глазам* [В. Шаламов, *Колымские рассказы*].
Tutti e cinque avevano la testa **incollata a** una fessura del telo, non credevano ai loro occhi [M. Binni].

Nell'es. (8), la scena è dinamica e il referente esegue un movimento *nei pressi* di Y entro una regione R dai confini indefiniti: si verifica una combinazione tra distanza e direzione espressa da verbi di dinamica di aspetto imperfettivo o di moto indeterminato (*гулять, бродить, ходить)*:

возле, рядом с, у, вблизи possiedono sfumature locative diverse che in questa sede non è possibile analizzare.

(8) ***Около*** *рыбного магазина гуляет с дворнягой публицист Зарецкий* [С. Довлатов, *Иностранка*, 1986].
Accanto al negozio di pesce, passeggia con il suo bastardo il pubblicista Zareckij [L. Salmon].

Infine, la distanza tra X e Y può indicare un'*estensione geografica* tra X e Y non misurabile con piccole unità di misura (metro e suoi sottomultipli) ma in lunghezza più grande (metro e suoi multipli) sulla base dell'esperienza umana:

(9) *Больница находилась в деревне* ***около*** *веселого городка Лепингвиля, где в начале девятнадцатого века жил знаменитый поэт* [Владимир Набоков, *Лолита*,1955].
L'ospedale era in campagna, **vicino** all'allegra cittadina di Lepingville, dove un grande poeta aveva abitato agli albori dell'Ottocento [Giulia Arborio Mella].

Gli esempi finora citati riguardanti около$_2$ come indicatore di prossimità ci dicono anche che non è possibile indagarne i profili semantici secondo il puro significato ideale di "rappresentazione geometrica" ma è necessario coinvolgere nell'osservazione generale i fattori pragmatici come la conoscenza generale degli oggetti, la loro interazione e l'interazione umana con essi (Cienski, 2019, p. 29), cioè come noi percepiamo l'effettiva distanza degli oggetti. In altre parole, ai tre elementi della configurazione spaziale X, Y e R è necessario coinvolgere una quarta entità, il parlante, che dispone un oggetto in una porzione di spazio secondo la sua esperienza del mondo circostante. Ad es. un parlante di una grande città, immerso nella vastità dell'area urbana in cui vive, misurerà come vicini due punti X e Y che un abitante di un piccolo centro calcolerà invece come lontani nella sua diversa percezione spaziale. Qui l'esperienza del locutore e il *frame concettuale* riflettono il modo di interpretare la realtà e un determinato stato, come nell'es. (10) in cui il parlante "orienta" la casa del lontano parente collocandola in un preciso contesto urbano, quello della città di Mosca, ma la stessa dimensione spaziale se trasferita altrove, in una realtà cittadina di minore estensione, non apparirebbe 'vicina' ma verrebbe invece percepita come 'lontana'.

(10) *Один раз я был у своего дальнего родственника, который жил* ***около*** *метро «Динамо».*
[«Pravmir» 16 сентября, 2015 https://www.pravmir.ru/boris-lyubimov-tri-glavnyie-temyi-v-zhizni-tserkov-literatura-i-teatr/].
Una volta sono stato a casa di un mio lontano parente che viveva **vicino** alla stazione della metro "Dinamo".

In semantica questi concetti sono stati definiti come "orientamento *contestuale*" o *deittico* e "orientamento *intrinseco*": nel primo l'occhio umano è il centro della deissi e codifica lo spazio ed i suoi componenti nel proprio idioletto; il secondo riguarda oggetti geometricamente orientati su cui l'occhio umano non interviene, come ad es. una carta geografica con la relativa scala numerica, una mappa per escursionisti, ma anche i diagrammi riportati sopra. Ricordiamo l'esempio proposto da Apresjan (1995, p. 60–61) per esemplificare i due tipi di orientamento:

(11a) *Дорога* ***кончалась около*** *леса*

La strada **terminava presso** il bosco

(11b) *Дорога **кончилась около** леса*

La strada **terminò presso** il bosco

Il primo esempio (11a) codifica un orientamento *intrinseco* della struttura spaziale, ossia l'informazione topografica che mostra la conformazione di un territorio, viceversa, nell'es. (11b) l'orientamento è *contestuale* ossia dipende dal punto di vista di chi cammina lungo una strada e si accorge in quel momento che la strada è terminata. L'orientamento intrinseco è dato dall'aspetto imperfettivo del verbo, mentre l'orientamento contestuale è espresso con l'aspetto perfettivo. Si noti che anche la traduzione italiana, in questo esempio, grammaticalizza i due tipi di orientamento con i tempi verbali dell'imperfetto e del passato remoto.

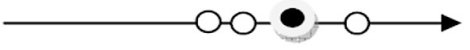
3. Около$_3$. Relazione di approssimazione numerica o temporale Suoi sinonimi sono *почти, приблизительно*. Suoi traducenti italiani sono *quasi, circa, verso, intorno a*.

Questa ultima configurazione semantica potrebbe essere definita come l'ultimo stadio di grammaticalizzazione di *около* che si opacizza sfumando l'iniziale rotondità geometrica verso un significato più astratto e funzionale. Difatti la parola evolve da un dominio di esperienza concreta verso la relazione di approssimazione numerica di una quantità, di una misura, di un tempo.

(12) *– Да, было **около** десяти часов утра, досточтимый Иван Николаевич, – сказал профессор* [Михаил Булгаков. *Мастер и Маргарита*, 1929–1940].
– Sì. Erano **circa** le dieci del mattino, riverito Ivan Nikolaevich, – disse il professore [V. Dridso]

(13) *Per impossessarsi del forte i cinque si sarebbero serviti di un'asse, che avevano appunto con loro, lunga **circa** tre metri* [Dino Buzzati. *Il borghese stregato*, 1942].
Для штурма крепости пятеро мальчишек нашли доску длиной что-нибудь ***около*** трех метров [Р. Хлодовский].

È proprio la componente semantica dell'imprecisione, dell'indeterminatezza che fa virare *около* in arrotondatore e approssimatore numerico ("l'uso tipico di un oggetto ne 'fissa' le caratteristiche" (Aurnaugue, 2010, p. 7). La quantità approssimata che in (12) può essere ± le 10 e in (13) ± 3 metri, si trasforma su scala unidimensionale in una linea retta lungo la quale Y (il numero e il suo quantificatore) può disporsi lungo il valore inferiore o superiore rispetto al valore di riferimento.

Schema 3  (Mihasch 2010: 138)

Concludendo, *около$_3$* è un quantificatore non scalare perché manca di progressione verso un limite, è un arrotondatore in quanto pur appoggiandosi su un numero esatto, evoca un movimento circostante del numerale o di una quantità, con oscillazioni più o meno ampie intorno al valore di riferimento per eccesso o per

difetto. Il grado di verità di questo valore è debole e comporta l'impegno dell'interlocutore a inferire il contenuto semantico dell'enunciato dandogli un valore di qualche unità superiore o inferiore al valore di riferimento.

4. L'analisi contrastiva

Per l'analisi contrastiva è stato consultato il Corpus parallelo italiano-russo (NKRYA) in entrambe le direzioni inserendo come *query* di ricerca il lemma *около*. Il corpus ha elicitato 295 esempi in 73 testi di natura quasi esclusivamente artistico-letteraria (eccettuati 12 testi di ambito pubblicistico e 16 di ambito scientifico). La Tabella riporta le traduzioni di *около* suddivise in tre colonne, corrispondenti alle tre relazioni definite in precedenza *около*$_{1,2,3}$. Accanto al lemma compaiono, tra parentesi, il numero di occorrenze e le percentuali ricavate dal totale dei lemmi per ciascuna relazione. Dal punto di vista numerico prevalgono nel corpus le due relazioni di approssimazione e di prossimità, mentre la relazione locativa circolare registra il numero minore di esempi, sia per la coincidenza assoluta di *около*$_1$ con il sinonimo *вокруг*, che per l'obsolescenza del significato della parola.

I risultati riportati in Tabella evidenziano molti dati interessanti che dimostrano quanto le preposizioni *около*$_{1,2,3}$ favoriscano una pluralità di scelte traduttive confermandone sostanzialmente la polisemia.

La prima riga della tabella mostra i traducenti più prototipici o rappresentativi delle tre relazioni (*intorno a*$_1$, *accanto a*$_2$, *circa*$_3$); seguono poi, in ordine decrescente di occorrenze, le altre traduzioni italiane.

Relazione locativa circolare **около**$_1$ (52 occorrenze)	**Relazione di prossimità** **около**$_2$ (112 occorrenze)	**Relazione di approssimazione** **Около**$_3$ (119 occorrenze)
Intorno a (33) 63%	*Accanto a* (37) 33,4%	*Circa* (37) 31,1%
Attorno a (13) 25%	*Vicino a* (31) 27,68%	*Verso* (20) 16,8%
	Presso (10) 8,9 %	*Ø* [nessun traducente] (13) 10,9%
	Ø [nessun traducente] (7) 6,25%	Numerale + suffisso '*ina*' [*decina*] (9) 7,5%
	Davanti (4) 3,5%	*Quasi* (9) 7,5%
	Nelle vicinanze (2)	*Intorno a* (5) 4,2%
	A [*ai piedi, al tavolino, al caffè*] (3) 2,6%	*Più di* (3) 2,5%
	In un angolo (3) 2,6%	Numerale + suffisso '*aio*' [*centinaio, paio*] (3) 2,5%
	Accosto, *accostato* (2) 1,7%	*Appena* (3) 2,5%
	In mezzo a (2) 1,7%	Nome + suffisso '*etta*' [*oretta*] (2) 1,6%
		Più o meno (2) 1,6%
Singole occorrenze: (6) 11% di cui:	**Singole occorrenze: (11) 9,8% di cui:**	**Singole occorrenze: (13) 10,9% di cui:**

Relazione locativa circolare **около$_1$** (52 occorrenze)	**Relazione di prossimità** **около$_2$** (112 occorrenze)	**Relazione di approssimazione** **Около$_3$** (119 occorrenze)
Governare (i cavalli) (1)	*Nei paraggi* (1)	*All'incirca* (1)
Circondarsi di (1)	*Dietro* (1)	*Su per giù* (1)
In quel luogo (1)	*A fianco di* (1)	*Poco più di* (1)
Su (1)	*Ai margini di* (1)	*Forse* 1
Accanto (1)	*Ancora* (1)	*Press'a poco* (1)
Avere un centro (1)	*Poco lontano da* (1)	*Meno di* (1)
	Mentre (1)	*Di media* (1)
	Su [*sulla porta*] (1)	*Altre* (1)
	Incollato a (1)	*Sui* (1)
	Intorno a (1)	*Giù di lì* [*около того*] (1)
	Nei pressi di (1)	*Da* (1)
		Ancora (1)
		Doveva essere [*la mezzanotte*] (1)

È evidente da questi risultati che l'italiano non dispone di una preposizione altrettanto polisemica e quindi è necessario che il traduttore: 1. comprenda il tipo di configurazione semantica di *около$_{1,2,3}$* e la rappresenti verbalmente; 2. che guardi la scena con i propri occhi e illustri la propria percezione deittica e la propria interpretazione soggettiva (14a, 14b); 3. che trascelga la 'migliore' costruzione locativa (15a, 15b) o approssimativa (16) dell'italiano.

Le 43 traduzioni di *около* mostrate in tabella ci parlano sia dell'impegno di ciascun traduttore nel ricreare uno scenario deitticamente simile a quello del testo di partenza, sia dell'apporto personale di chi traduce nel collegare le coordinate spazio-temporali alla propria esperienza del mondo, alle proprie valutazioni personali e ai giudizi di valore.

(14) *Такие же банки, проржавевшие и пожелтевшие, валялись* ***около*** *крытого мхом маленького домика в большом количестве* [Варлам Шаламов. Колымские рассказы (1954–1962)]

(14a) **Dietro la casetta** coperta di muschio c'erano molti altri barattoli tutti gialli e arrugginiti simili al primo [S. Rapetti]

(14b) **Intorno alla casupola** ricoperta di muschio era sparpagliata una gran quantità di barattoli identici, ingialliti e arrugginiti [M. Binni]

I due traduttori leggono lo stesso testo ma orientano lo scenario diversamente creando un diverso spazio artistico: se in (14a) X (i barattoli) sono disposti *dietro* la casa (Y) come rifiuti da stipare e nascondere, in (14b) sono sparpagliati *intorno* ad essa per esaltare, al contrario, l'atmosfera di abbandono e squallore. Le due configurazioni spaziali rispondono a due geometrie diverse e a due stati d'animo diversi.

(15) Он ничего этого не заметил, и потом уже, когда натолкнулся на будочника, который, поставя ***около*** себя свою алебарду, натряхивал из рожка на мозолистый кулак табаку, тогда только немного очнулся

(15a) Lui non si accorse di nulla, finché non andò a sbattere contro una guardia che, posata **accanto** a sé l'alabarda, si stava versando del tabacco dal corno sul pugno calloso: solo allora si ridestò un poco [E. Bazzarelli]

(15b) Egli non notò nulla, e solo quando urtò contro una sentinella che, posando **vicino** a sé la propria alabarda, si versava dal corno nella mano callosa un po'di tabacco, solo allora, Akakij Akakievič si scosse un poco [S. Beffa]

In questo esempio invece i traduttori usano due diverse locuzioni – *accanto a* e *vicino a* – per rendere la prossimità spaziale dell'alabarda alla sentinella. Entrambe le traduzioni sono ammissibili. Il significato lessicale di *accanto* è più specifico dal punto di vista spaziale perché suggerisce una maggiore adiacenza e la posizione laterale dell'oggetto rispetto alla persona, mentre *vicino* è più fedele a *около* dal punto di vista traduttivo perché indica una prossimità generale più vaga e astratta senza suggerire una posizione precisa.

Un'indagine più approfondita meriterebbe l'uso sinonimico di *vicino* e *accanto* che, pur non essendo semanticamente sovrapponibili tra loro, sono spesso impiegate indifferentemente nell'uso comune. La stessa tendenza a svuotarsi del significato spaziale in direzione dell'indeterminatezza e della sinonimia caratterizzano le preposizioni spaziali del russo *возле*, *у*, *рядом с*, che meriterebbero ugualmente un'analisi contrastiva – tra loro e con l'italiano – di più ampio respiro.

Infine, nella colonna 3 relativa a *около* approssimatore colpisce la percentuale (10,9%) di casi con assenza totale di traducenti: una probabile spiegazione risiede nel fatto che – nei casi rilevati – l'approssimazione si appoggia su un numero 'tondo', ossia su quella categoria di numeri che contengono in sé il sema dell'approssimazione (come 1, 2, 3, 4), perdono il valore numerico preciso e si grammaticalizzano per indicare semplicemente una quantità vaga (di Filippo, 2023).

(16) – Да, да, да, – шептал, замирая от страху и ежесекундно оглядываясь, администратор и выкладывал дальнейшие подробности того, как он просуществовал ***около двух дней*** в квартире No 50 [Михаил Булгаков. Мастер и Маргарита (ч. 2) (1929–1940)]
– Sí, sí, sí, – sussurrava l'amministratore, sentendosi gelare di paura e voltandosi a ogni istante, e spiattellava ulteriori particolari sul fatto che era rimasto **per due giorni** nell'appartamento n. 50 [V. Dridso]

In questo esempio la traduttrice, sentendo come ridondante la traduzione di *около* con *circa*, carica il numerale 'due' del doppio valore di approssimatore e di numerale.

Concludendo, la natura polisemica di *около*, la sua vaghezza intrinseca, soprattutto come indicatore di prossimità spaziale e di approssimazione numerica, produce in italiano una serie variegata e multiforme di soluzioni traduttive messe in evidenza dall'analisi contrastiva. Ai traduttori spetta dunque il compito di interpretarne in maniera soggettiva la semantica vaga senza incorrere nel rischio di travisarne la natura.

REFERENCES

APRESYAN, YU.D., 1995. *Izbrannye trudy. Integral'noe opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya II*. Moskva. ISBN 5-88766-045-7.

AURNAGUE, M., 1995. Orientation in French spatial expressions: formal representations and inferences. *Journal of Semantics* 12/3, Oxford University Press, pp. 239-267.

CIENKI, A.J., 1989. *Spatial Cognition and the Semantics of Prepositions in English, Polish and Russian*, München. ISBN 3-87690-421-8.

DI FILIPPO, M., 2023. "– mi dia due zucchine" / – "vanno bene 800 grammi?". Quando i numeri non contano. In: Francesca Biagini e Olga Inkova (a cura di), *Lingue slave e lingue romanze a confronto: dalla frase al testo*, *mediAzioni* 36: A132–A153. Available at: https://doi.org/10.6092/issn.1974-4382/16389.

GRADIT, 2007. *Grande dizionario italiano dell'uso*. Torino. ISBN978-88-02-07805-2.

KOBOZEVA, I.M., 1995. Kak my opisyvaem prostranstvo, kotoroe vidim: problema vybora "orientira". In: *Trudy mezhdunarodnogo seminara «Dialog '95» po komp'yuternoy lingvistike i ee prilozheniyam*. Kazan'. s. 146-153.

KOLMOGOROVA, A.N., 2017. Semanticheskie profili russkogo prostranstvennogo predloga okolo cherez prizmu kontrastivnogo analiza. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: po materyalam mezhdunarodnoy konferencii «Dialog 2017»*. Moskva 31 maya – 3 iyunya 2017. Available at: dialogue-conf.org›media/3972/kolmogorovaav.pdf [Accessed 20 September 2025].

MIHASCH, W., 2010. Les approximateurs quantitatifs entre scalarité et non-scalarité. *Langue française* 165, pp. 125–153.

NKRYA. Nacional'nyy korpus russkogo yazyka, Available at: http://www.ruscorpora.ru/ [Accessed 20 September 2025]

SELIVERSTOVA, O.N., 2004. *Trudy po semantike*. Moskva, Jazyki slavjanskoj kul'tury. ISBN 3-87690-421-8.

TALMY, L., 2000. Figure and Ground in Language. In: *Toward a Cognitive Semantics. Vol. 1: Concept Structuring Systems.* Cambridge (MA), MIT Press, pp. 311–44.

ЛИТЕРАТУРА

АПРЕСЯН, J.D., 1995. *Избранные труды. Интегральное описание языка и системная лексикография.* Москва. ISBN 5-88766-045-7.

КОЛМОГОРОВА, А.В., 2017. Семантические профили русского пространственного предлога около через призму контрастивного корпусного анализа, In: *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам международной конференции «Диалог 2017»*, Москва, 31 мая – 3 июня 2017. Available at: dialogue-conf.org›media/3972/kolmogorovaav.pdf [Accessed 20 September 2025].

НКРЯ. *Национальный корпус русского языка*. Available at: http://www.ruscorpora.ru/ [Accessed 20 September 2025]

СЕЛИВЕРСТОВА, О. Н., 2004. *Trudy po semantike*. Moskva. ISBN 3-87690-421-8.

КОБОЗЕВА, И.М., 1995 Как мы описываем пространство, которое видим: проблема выбора «ориентира». In: *Труды международного семинара «Диалог'95» по компьютерной лингвистике и ее приложениям*. Казань. с. 146–153.

Assoc. Prof. Marina di Filippo
ORCID ID: 0009-0004-6331-0919
Department of Literary, Linguistic and Comparative Studies
University of Naples "L'Orientale"
Naples, Italy
e-mail: mdifilippo@unior.it

https://doi.org/10.60056/SE.2026.1.97-104

L'APPOSITION : UNE RELATION RHÉTORIQUE D'ARRIÈRE-PLAN EN FRANÇAIS ET EN RUSSE

Thierry Ruchot
Université de Caen Normandie

APPOSITION: A BACKGROUNDED RHETORICAL RELATION IN FRENCH AND RUSSIAN

Thierry Ruchot
University of Caen Normandy

Although apposition has attracted the attention of linguists in recent years, defining and delimiting this category remains problematic. In this article, we propose a definition based on the notion of background utterance, neither stated nor presupposed, and argumentative adjunct. We will highlight some differences between French and Russian, where the category is more limited.
Key words : apposition, discourse relations, utterance status
Хотя в последние годы аппозитивные конструкции привлекают внимание лингвистов, определение и разграничение этой категории по-прежнему остаются проблематичными. В данной статье мы предлагаем определение, основанное на понятии фонового высказывания, которое не является ни ассерцией ни пресуппозицией, а также на фунции аргументативной добавки. Мы выделим некоторые различия между французским языком и русским, в котором эта категория более ограничена.

1. ESSAI DE DEFINITION DE L'APPOSITION

Malgré de nombreuses études récentes (par ex. Combettes, 1998; Forsgren, 2000; Logvinova, 2024), l'apposition reste une catégorie mal définie, confondue avec d'autres constructions détachées, dont le seul point commun est de ne pas être intégrées dans un énoncé autonome. Nous commençons par quelques définitions. Une proposition est un contenu de représentation d'un état de choses réel ou imaginaire, organisé autour d'un prédicat, de ses arguments et des circonstants sous la portée du prédicat. Nous distinguons ensuite les statuts énonciatifs qui permettent de passer d'une prop-

osition à un énoncé. Nous appellerons énoncé autonome (EA) les énoncés posés/assertés (constituant une assertion « mise sur le tapis »), interrogatifs (la prédication doit être complétée ou validée), injonctifs (impératif), exclamatifs et miratifs, (l'assertion est au second plan, la réaction émotionnelle est au premier plan). Les énoncés non-autonomes (ENA) s'appuient sur les EA pour fonctionner : les énoncés présupposés sont (supposés) préalablement assertés et ne sont pas discutables (en principe) : *il a cessé de fumer = il fumait*), mais les ENA ne sont pas toujours présupposés et incluent des énoncés d'arrière-plan qui constitue un apport informatif nouveau mais ils ne constituent pas une assertion de premier plan. C'est le cas de la partie assertive des exclamatives et miratives (c'est la réaction qui est en jeu, non l'assertion), des énoncés en subordonnées, mais aussi de l'apposition, parfois reformulable en subordonnée relative ou circonstancielle. Les EA ont une force illocutoire propre, entrent en relation avec d'autres EA, dans le même tour de parole ou entre tours et font « avancer le propos », les ENA seulement indirectement. L'apposition peut maintenant être définie ainsi : 1) c'est un ENA 2) dont le sujet s'appuie référentiellement sur le groupe nominal (GN) généralement sujet du EA support ou fait partie de l'apposition (constructions absolues : *son travail fini, il*…) 3) ayant un statut d'énoncé d'arrière-plan (et non pas seulement de prédicat secondaire, comme souvent dit) mais 4) peut néanmoins entretenir différentes relations rhétoriques avec le EA, récupérable par inférence. Les relations rhétoriques sont des relations de sens entre énoncés, autonomes ou non, qui assurent la cohérence textuelle (Mann & Thompson, 1988). Certaines peuvent être exprimées par des subordonnées circonstancielles (cause, conséquence, concession) ou des appositions, d'autres principalement par des EA (exemplification, élaboration)

Dans l'exemple (1) de V. Hugo avec sa traduction russe (2), on a 8 appositions placées en italiques et numérotées:

(1) – Et c'est un pareil homme, etc., etc., etc., *vagabond*$_1$*, mendiant*$_2$*, sans moyens d'existence*$_3$ *– accoutumé par sa vie passée aux actions coupables*$_4$ *et peu corrigé par son séjour au bagne*$_5$, […] – c'est un homme pareil qui, *trouvé sur la voie publique en flagrant délit de vol*$_6$*, à quelques pas d'un mur escaladé*$_7$*, tenant encore à la main l'objet volé*$_8$, nie le flagrant délit, le vol[…]!

(2) «И такой человек и пр., и пр., *бродяга*$_1$*, нищий*$_2$*, не имеющий никаких средств к существованию*$_3$ и пр., и пр., *приученный своей прошлой жизнью к преступным деяниям*$_4$ и *не поддавшийся исправлению на каторге*$_5$, […] и пр., и пр., *пойманный на большой дороге с поличным*$_6$*, с украденной ветвью в руках*$_7$*, в нескольких шагах от ограды, через которую он перелез*$_8$, и пр., и пр., отрицает очевидность, кражу […]. [Victor Hugo. Les Misérables. Première partie. Fantine (1862)][1]

[1] Nos exemples sont soit inventés (pour les plus simples), soit pris de ruscorpora (RC), des corpus de Web français et russe de Sketch Engine (noté SE) et de brochures touristiques françaises [BT].

Il s'agit du réquisitoire de l'avocat général contre Jean Valjean, le EA est une phrase clivée dont le focus est *un homme pareil* avec pour focus étroit l'adjectif *pareil*. La propriété *pareil* est explicitée par une série d'appositions précédant et suivant le GN, qui supportent l'argumentation : les dénégations de cet homme ne sont pas recevables du fait de ses antécédents, présentés dans les appositions. Certaines des informations peuvent être nouvelles, mais elles ne constituent pas une assertion de premier plan. C'est un moyen habile d'ajouter des informations, non débattables, mais non pour autant présupposées.

2. LES TYPES D'APPOSITIONS

Il y a dans ce domaine des divergences entre le français et le russe, le français admettant plus de types et, tendanciellement, utilisant l'apposition plus que le russe. On distingue les appositions qui comprennent un verbe plein : participes (*trouvé/найденный ; peu corrigé/не поддавшийся исправлению* dans (1)) ou relatives appositives à verbe fini et conjonction (*Jean Malaurie est le descendant d'un clan écossais, dont il disait porter parfois le kilt* [presse]), de celles qui supposent une copule non exprimée. Ce sont elles qui nous intéresseront ici. On y retrouve les deux grands types de constructions copulaires, que nous appellerons caractérisantes et spécificatives (Declerck, 1988; Pereltsvaig, 2008). Le premier type assigne une qualité ou une classification au GN sujet (*il est jeune/professeur, c'est un jeune professeur*), le deuxième type spécifie un référent défini mais insuffisamment spécifié par la mise en relation avec un autre référent plus spécifié (*le centre de Nancy est la place Stanislas*). Seule l'apposition avec GN défini est susceptible d'être spécificative. Par ailleurs, le russe évite le rattachement de l'opposition à un pronom personnel préférant une autre forme : *jeune, j'étais.../будучи молодым я 'étant jeune'*).

On distingue les types suivants :

• Des GN sans articles, antéposés ou postposés au GN : *prouesse technique, […], l'abbaye bénédictine […] défie le rocher* [BT]. Le russe évite les noms antéposés ou utilise *будучи* ou un équivalent.

• Des GN définis, postposés au GN, caractérisants (*U. Van der Leyen, la Présidente de la Commission européenne*) ou spécificatifs (orientation inverse : *la Présidente de la Commission européenne, U. Van der Leyen*)

• Des GPrép portant sur le GN : *au cœur de la distillerie, niché dans un manoir normand du XVIIIème siècle, notre restaurant crêperie vous accueille* [BT]

• Un adjectif : *presque aussi ancien que la région elle-même, il reste l'un des derniers témoins de la splendeur*…[BT]

• Un participe : *conduits en agriculture biologique, nos vergers* [BT] Le russe est plus riche dans cette catégorie, les participes exprimant différentes relations temporelles.

• Une construction absolue, avec un sujet et un participe ou un GPrép. Cette construction n'a pas d'équivalent en russe et se traduit par un gérondif ou GPrép+GPrép […] *le menton dans leurs mains, les Barbares soupiraient /Подпирая голову рукой, варвары вздыхали* (Flaubert, Salammbô) ; *le chapeau dans ses mains, il […]/с шляпой в руках, он […]*.

Nous excluons les adverbes et gérondifs, qui ne portent pas sur le sujet, mais sur la relation sujet-prédicat. Ainsi, dans (3), le remplacement par un adjectif caractériserait seulement le sujet.

(3) Очень осторожно/ ?осторожный, даже скорей ***деликатно/деликатный? он*** спрашивает о Ляне. [RC] 'Très précautionneusement/ ?précautionneux, voire délicatement/ ?délicat, il demande des nouvelles de Ljana'

3. APPOSITION ET AUTRES CONSTRUCTIONS

Ici, on passera en revue des types proches de l'apposition en notant les divergences entre français et russe.

La notion **d'apposition liée** est souvent utilisée pour des constructions prosodiquement liées à un nom. On a deux variantes en français : *la ville de Paris*, et sa variante évaluative *cet idiot de Fabrice*, d'un côté et, d'un autre, des combinaisons du type *une voiture-bélier, un homme-sandwich, le plat signature*, etc. Le premier type ressemble à un complément génitival, mais à la différence d'un génitif classique, qui réduit l'extension du premier nom par mise en rapport à une autre entité (*le chien du voisin*), ce type est une espèce d'épithète spécificative qui identifie l'entité par une dénomination identifiable. Le deuxième type est caractérisant : métaphoriquement, la voiture est un bélier et l'homme un sandwich. On a aussi des emplois non métaphoriques (*les années disco*). En russe, le premier type est exprimé par une juxtaposition, le deuxième élément reste invariable (*в городе Лион* 'dans la ville de Lyon') mais l'accord existe aussi dans les dénominations géographiques, quoique moins normatif (*в городе Лионе* 'dans la ville de Lyon) (Russkaja grammatika, 1980, pp. 57–59). Le deuxième type , moins productif qu'en français, est un mot composé endocentrique (le mot-tête fournit le type) : *рабочий-передовик* 'un ouvrier performant' *студент-отличник* 'un étudiant d'excellence' parfois avec l'ordre inverse modifieur-modifié : *красавица-соседка* 'ma belle voisine', (cf. fr. *ton idiot de frère*). Nous considérons que, dans tous ces cas, on a affaire à un **nom épithète** (Noailly, 1990) et nous réservons apposition pour des ENA détachés. Le russe distingue le premier type comme *приложение*, le deuxième comme *обособление* (mais Loginova, op. cit. les traite ensemble)

L'apposition est aussi confondue avec la **dislocation**, ou topicalisation détachée d'un élément de l'EA. En français, cet élément est en principe repris dans l'EA (mais : *la Provence, je connais*). La dislocation peut annoncer cataphoriquement différents éléments de l'EA : *mon frère, sa voiture, il l'a achetée d'occasion*.

L'élément disloqué peut ne pas être présent dans l'EA, mais seulement inféré : *les vacances, j'ai pas l'argent cette année*. L'élément disloqué annonce un nouveau thème discursif coréférentiel à un argument ou circonstant, même sous-entendu, de l'EA et n'a pas valeur d'énoncé. L'apposition n'annonce pas un élément référentiel, mais constitue un ENA, qui reçoit son sujet d'un GN support dans l'EA[2]. En russe, la topicalisation ne se confond pas avec l'apposition, car elle n'est pas détachée (même si on a pause + intonation continuative). Les éléments topicalisés ont le cas régi par le verbe de l'EA et ne sont pas repris par un pronom (*Анну я хорошо знаю* 'Anna, je la connais bien'). L'équivalent de *Paris, j'y ai été l'année dernière* n'est pas possible sans GPrép : **Париж/в Париже я был в прошлом году*.

Les **cadratifs** sont des GN/GPrép exprimant des circonstances, qui permettent de situer tout l'EA, mais sont hors de la portée du prédicat (*l'année dernière, je suis allé en Turquie*). Certains de ces groupes pourraient se confondre avec des GPrép apposés du type : *sur un piton rocher, le village de X a conservé son aspect médiéval*, très courants dans les brochures touristiques. Mais, ici, le GPrép porte sur le sujet (le village) et non pas sur tout l'EA. On pourrait introduire un participe du type *perché* ou *situé,* solution préférée en russe (*расположенная на скалистом утёсе*).

Les **énoncés parenthétiques** de commentaire sont une autre catégorie proche de l'apposition. Un parenthétique constitue un énoncé complémentaire, comme l'apposition. Mais il est posé, quoique de façon « accessoire ». Il interrompt l'EA, avec une intonation propre.

(4) Однако, *и это очень важно*, Леконт не выступает против жанра […] [RC] 'Cependant, et c'est très important, Leconte n'est pas contre ce genre'.

Un GN peut être parenthétique lorsqu'il pose un jugement évaluatif du locuteur (Pierre – un homme subtil), auquel cas il ressemble à une apposition (Pierre, homme subtil)., mais celle-ci exprime une évaluation d'arrière-plan pouvant expliquer un comportement, et non un jugement accessoire.

Les catégories les plus proches sont **l'attribut de l'objet** et le **dépictif**. L'attribut de l'objet suppose une double dépendance de l'adjectif au verbe et à l'objet. Le procès du verbe entraîne un changement de caractéristique de l'objet (*ça l'a rendu nerveux* : résultatif) ou une évaluation (*je l'ai trouvé nerveux*). Le dépictif, dans un rapport plus lâche avec le verbe, apporte une prédication « surajoutée » au prédicat principal, rapportée à un objet accusatif (*встретили его вполне здоровым* 'on l'a trouvé en forme), un datif « sujet » (*ему следует отвечать первым* 'il doit répondre le premier) ou un oblique (*к нему к первому подошли* 'on est venu vers lui en premier'). Il y a un continuum entre ces constructions, mais seul l'attribut de l'objet est obligatoire. En russe, à la différence du français, ces constructions sont bien différenciées de l'apposition, sauf dans un cas, le dépictif accordé avec un sujet nominatif. Pour

[2] Nous laissons de côté, les cas de groupes détachés portant sur un EA du type *fait étonnant, il n'est pas arrivé en retard.*

Raxilina (2010, 159-183), seule la construction à l'instrumental est clairement dépictive. Dans les deux cas, la propriété désignée par l'adjectif a un statut provisoire, mais l'instrumental met l'accent sur un changement de propriété, en contraste avec un autre état, tandis que la forme accordée a un statut descriptif. Ainsi, dans : *он пришел трезвым/?трезвый* 'il est arrivé sobre', l'instrumental contraste son état initial avec un état ultérieur (il est reparti ivre), et le nominatif serait étrange, car cela supposerait une propriété remarquable. Dans : *поезд пришёл чистый/чистым* 'le train est arrivé propre', le nominatif décrit l'état visible, l'instrumental suppose un changement.

L'apposition russe, toujours au nominatif, se rapproche fortement de cet emploi descriptif et parfois, il suffit d'ajouter une pause (une virgule à l'écrit) pour passer d'un dépictif à une apposition : *поезд пришёл, чистый и блестящий'le* train est arrivé, propre et brillant'. Il y a cependant des différences. 1) Le dépictif constitue le focus d'un prédicat complexe. Le prédicat premier, sans être désémantisé, joue le rôle de support pour la qualification seconde. Dans l'apposition, la propriété prédiquée est autonome par rapport à l'EA. 2) L'apposition admet des adjectifs plus variés. Les relationnels purement classificatoires sont peu admissibles en français comme en russe (?*présidentiel, le projet…), mais certains sont néanmoins admis, lorsque la propriété apporte quelque chose pour l'interprétation de l'EA, (ferreux, ce métal…= du fait qu'il est ferreux…). Le dépictif étant une pure prédication « greffée », cet emploi est exclu. Mais cet emploi de l'apposition semble impossible en russe sans un participe (*содержащий железо, этот металл*) 3) L'apposition dépend moins du type de prédicat, comme on peut le voir dans (5) où la transformation en dépictif n'est pas possible car *играть* n'admet pas la construction dépictive **он играет сильным и ловким*.

(5) […] сильный и ловкий, он хорошо играет спиной к воротам [RC] 'fort et agile, il joue bien dos au but'

Mais la principale différence est 4) le rôle rhétorique de l'apposition, que nous développerons maintenant.

4. L'APPOSITION ET LES RELATIONS RHETORIQUES

Les spécificités d'emploi de l'apposition sont dues à son autonomie énonciative, qui s'accompagne d'une souplesse syntaxique. Si la norme préconise la coréférence du sujet de l'apposition avec le sujet de l'EA, l'anacoluthe est fréquente et permet de la souplesse, comme en (6) où l'apposition porte sur *la baie* :

(6) En bordure du rivage, […], avec une vue imprenable sur le Mont Saint Michel, découvrez le fonctionnement des milieux naturels de la baie

L'apposition entre dans une série relations rhétoriques : cause, condition, concession, élaboration, etc. (Mann ; Thompson, 1988) avec l'EA et parfois avec l'énoncé précédent, servant de « pont ». Sans énumérer toutes les relations, nous distinguerons trois cas :

Postposée au GN support, l'apposition avec GN référentiel exprime une prédication attributive (*Pierre Dupont, le directeur de la banque*) ou spécificative (*Le directeur de la banque, Pierre Dupont*), selon l'ordre des mots. Dans le deuxième cas, le russe n'utilise pas la virgule, faisant du nom propre un nom épithète (*директор банка Пьер Дюпон*). En russe, le statut référentiel est déterminé par la contexte en l'absence d'articles.

L'apposition caractérisante postposée, non référentielle, a plus de possibilités, elle est un relais informationnel entre sujet et prédicat, et exprime une circonstance, interprétable en termes rhétoriques.

(7) Le père de Jean est envoyé aux galères, sa mère, triste et malade, décède quelques mois plus tard (SE).

Ici, la tristesse et la maladie sont la conséquence de l'envoi du père aux galères, mais sont elles-mêmes la cause du décès de la mère.

Antéposée au GN, l'apposition sert de cadre d'interprétation pour toute la phrase. Elle est notamment typique des guides touristiques, où elle sert soit à donner des informations supplémentaires (*niché aux creux d'une vallée verdoyante*), soit à introduire une évaluation qui en souligne l'intérêt (*joyau de la Côte Fleurie*). L'apposition antéposée peut exprimer un grand nombre de relations rhétoriques, parfois dans des constructions spécialisées. Ainsi la construction concessive en *tout* ou *quoique*

(8) Tout intelligente, brillante et courageuse que tu sois, tu n'es pas en capacité de connaitre la fourberie et le machiavélisme du monde politique [SE]

(9) Quoique gentille, Daphnée avait certainement besoin de sommeil après avoir voyagé si longtemps. [SE]

Dans (9), la gentillesse de Daphnée est d'avoir répondu aux questions de son hôte malgré la fatigue, mais le sommeil la pousse à cesser l'échange. En (10), on a argumentation interne à l'apposition et l'enchaînement se fait sur la propriété *cruel* fondant le jugement *je suis de la pire espèce* :

(10) Intelligent mais cruel, je suis de la pire espèce et pourtant j'ai encore la faculté d'aimer. [SE]

Le russe connaît les appositions préposées, mais restitue souvent une subordonnée circonstancielle (*хотя Дафне добрая)* ou un gérondif en *будучи* (*будучи жестоким*) dans (10), ou encore un participe lié, comme dans (11), impossible en français, car il ne peut pas porter sur le nom propre que détaché.

(11) Растерявшийся Ежов ответил, что он выполнял прямые указания Сталина 'Désemparé, Ejov avait répondu qu'il n'avait fait que suivre à la lettre les directives de Staline' [RC].

La dernière position est **postverbale**, position très proche du dépictif, mais avec une valeur d'explication après coup ou de bilan de la situation. En (12), la réaction du chat s'explique par son effroi. En (13), le désespoir explique le silence du locuteur.

(12) Des propriétaires de chats ont voulu tenter l'expérience : placer un concombre derrière leur chat, et le voir bondir, effrayé [SE]

(13) Julie tomba sans mouvement […]. Je demeurai interdit, désespéré, ne sachant quel parti prendre [SE]

Des trois positions, la position antéposée est la plus riche en possibilités du fait de son autonomie maximale par rapport à l'EA.

CONCLUSION

Cette étude n'est qu'un préliminaire pour une étude contrastive de l'apposition qui n'a été qu'esquissée. Ces constructions sont communes au français et au russe, mais on a vu quelques différences. Du point de vue syntaxique, l'apposition russe est en rapport avec le dépictif forme accordée, mais non à l'instrumental, alors que le français, faute de marquage, a des rapports plus fluides. Nous avons vu des préférences (subordonnées ou gérondif en russe vs apposition en français) pour certaines appositions avec des noms ou des GPrép, ce qui détermine des différences de fréquences de types. En discours, l'apposition antéposée semble beaucoup plus commune en français qu'en russe, surtout dans certains genres (touristique, journalistique), ce qui est peut-être la conséquence d'une plus grande souplesse syntaxique. Toutes ces tendances doivent faire l'objet d'études plus approfondies, avec des données quantitatives, d'autant plus que l'apposition a été plus étudiée en français qu'en russe.

REFERENCES

COMBETTES, B., 1998. *Les constructions détachées en français*. Paris: Ophrys.

DECLERCK, R., 1988. *Studies on copular sentences, clefts, and pseudo-clefts*. Leuven University Press.

FORSGREN, M., 2000. « Apposition, attribut, épithète : même combat prédicatif ? » *Langue française* 125 (1): pp. 30–45.

LOGVINOVA, N.I., 2024. « Imennye appozitivnye konstrukcii» *In Russkaja korpusnaja grammatika* [rusgram.ru, dernière consultation 09/2025].

MANN, W. C.; THOMPSON. S. A. 1988. « Rhetorical Structure Theory: Toward a functional theory of text organization ». *Text – Interdisciplinary Journal for the Study of Discourse* 8 (3), pp. 243–281.

NOAILLY, M., 1990. *Le substantif épithète*. Paris: P.U.F.

PERELTSVAIG, A., 2008. *Copular sentences in Russian: a theory of intra-clausal relations*. Springer.

RAXILINA, E. V, éd., 2010. *Lingvistika konstrukcij*. Moskva: Azbukovnik.

RUSSKAJA GRAMMATIKA, 1980. Moskva: Nauka.

Thierry Ruchot
ORCID :0000-0002-1990-5235
UFR des Langues Vivantes Etrangères
Université de Caen Normandie (France) - CRISCO UE 4255
e-mail: thierry.ruchot@unicaen.fr

https://doi.org/10.60056/SE.2026.1.105-116

СИНТАКСИС ПОВЕСТИ *ПИКОВАЯ ДАМА* И ЕЕ ПЕРЕВОДОВ НА ИТАЛЬЯНСКИЙ ЯЗЫК[1]

Роман Говорухо
Российский Государственный Гуманитарный Университет

THE SYNTAX OF THE TALE *THE QUEEN OF SPADES* AND ITS TRANSLATIONS INTO ITALIAN

Roman Govorukho
Russian State University for the Humanities

The article examines seventeen Italian translations of A. S. Pushkin's tale "The Queen of Spades" from the standpoint of Russian–Italian isomorphism in syntax, analyzing shifts that arise both from differences in the grammatical systems of the two languages and from the linguo-stylistic features of Pushkin's text as well as Italian language norms.

Key words: The Queen of Spades, Pushkin, Italian language, comparative syntax, literary translation

В статье рассматриваются семнадцать переводов повести А.С. Пушкина «Пиковая дама» на итальянский язык с точки зрения изоморфизма русского и итальянского языков в области синтаксиса, анализируются трансформации, обусловленные как различиями в грамматической системе двух языков, так и лингвостилистическими особенностями пушкинского текста и речевыми нормами итальянского языка.

1. Введение. Постановка проблемы

Настоящее исследование носит сопоставительный характер, рассматриваются семнадцать итальянских переводов повести А.С. Пушкина «Пиковая дама», что является довольно полным корпусом итальянских версий пушкинского текста. Некоторые переводы уже были предметом публикации

[1] Автор глубоко признателен анонимным рецензентам статьи за ценные советы и замечания.

(Govorukho 2011, 2013). Вновь обратиться к этому материалу было решено, поскольку вдвое был расширен корпус исследования, в том числе за счет редких изданий из Флорентийской Национальной библиотеки и ряда региональных библиотек. Кроме того, в 2023 г. была издана фундаментальная монография М. Безродного «Опыт комментария к Пиковой даме», в которой ставится задача «воссоздать тот фон, на котором воспринимали повесть первые ее читатели, в том числе в языковом отношении» (Bezrodnyj, 2023, p. 4), что, как представляется, дает возможность глубже понять пушкинский текст и в соответствии с этим оценить его интерпретации. Наконец, в последние годы появились новые исследования переводов прозы Пушкина, прежде всего – работы Е.Э. Разлоговой, выполненные на материале шестнадцати французских переводов повести. Основное внимание автор уделяет вопросам лексического кодирования смыслов и связанной с этим проблеме точки зрения повествователя и персонажей (Razlogova, 2012), а также предлагает понятие «нейтральный перевод» для наиболее часто встречающихся стандартных вариантов перевода (Razlogova, 2017). Представляется, что изучение корпуса переводов одного текста может быть полезным при определении речевых стратегий принимающего языка.

2. Общая характеристика переводов

Самый ранний, анонимный перевод, подписанный инициалами E.Z., опубликован в журнале Rivista europea в 1877 г. Автор второго перевода, изданного в Неаполе в 1898 году, – профессор Фулькес (1852, Харьков – 1928, Неаполь), полиглот, писатель, плодовитый популяризатор и переводчик не только русской, но и польской, английской, французской и немецкой литературы. Следующие две итальянских версии пушкинской повести, появившиеся уже в первой трети двадцатого века, принадлежат русскоязычным переводчикам. Это переехавшие в Италию подростками после революции одессит Леоне Гинзбург и петербуржец Ринальдо Кюфферле, переводы которых впоследствии много раз переиздавались. В сороковые годы свои переводы публикуют Бруно Дель Ре (1942), один из основоположников итальянской русистики Этторе Ло Гатто (1946), а также выдающийся итальянский писатель Томмазо Ландольфи (1948). В пятидесятых годах появился перевод Сильвио Полледро, младшего брата Альфредо Полледро, основателя издательства Slavia. Этот перевод также неоднократно переиздавался в серии BUR Classici с параллельным русским текстом и с предисловием известного исследователя русской литературы Э. Баццарелли. В следующее десятилетие публикуются переводы Джачинты Де Доминичис Йорио и Джанлоренцо Пачини. Очередной всплеск интереса к «Пиковой даме» происходит в восьмидесятые годы прошлого века, когда выходят два перевода на севере Италии: Роза Молтени Гриеко публикует сборник пушкинской прозы в миланском издательстве

Alberto Peruzzo, а перевод Лучаны Монтаньяни печатается в туринском издательстве UTET. В 1990 г. свой вариант перевода предлагает поэт и переводчик Аннелиза Аллева, а в 1998 г. в Венеции в издательстве Marsilio выходит ещё одна версия в переводе Клары Страда Янович с параллельным русским текстом. Двумя годами ранее в Палермо был напечатан перевод Джузеппе Пассарелло. Наконец, два последних из известных нам переводов выполнены славистом проф. Карамитти в 2004 г. и писателем и переводчиком Паоло Нори в 2006 г. (издательство Feltrinelli). О других переводах произведений Пушкина на итальянский язык см. (Kardanova, 1999).

3. Принципы анализа переводов

Очевидно, подобный корпус можно анализировать с самых разных точек зрения. Можно рассмотреть, в какой мере тот или иной переводчик следует стратегии доместикации (одомашнивающий перевод), приближая текст к нормам принимающей культуры, или же, напротив, ориентируется на максимальное сохранение и воспроизведение особенностей оригинала, создавая форенизирующий перевод. Предметом анализа могут стать лексико-семантические расхождения оригинала и перевода, передача различных синтаксических фигур, метафор и иных тропов, нестандартной лексики (неологизмов, архаизмов, арготизмов, диалектизмов), ритмической организации оригинального текста, аллитераций и пр. Отдельная интереснейшая задача – проследить эволюцию, которую проделал итальянский язык за эти 150 лет, как изменился сам подход к переводу и задачам переводчика за этот период. Своеобразная творческая манера отдельного переводчика, его индивидуальные пристрастия, особенности его идиолекта также могут стать предметом рассмотрения. В данной работе мы остановимся на довольно узкой теме, а именно на степени изоморфизма наших двух языков в синтаксической сфере, и попытаемся показать, как это связано с системой языка и с различиями в языковом узусе, что может вызывать затруднения при переводе.

4. Проблема передачи субъекта повествования

Первый пример, с одной стороны, связан с нормативными ограничениями, существующими в двух языках при устранении информации о семантическом субъекте, а с другой – осложнен лингвостилистическими особенностями именно пушкинского текста. Речь идет о первых строках повести.

*Однажды **играли** в карты у конногвардейца Нарумова. Долгая зимняя ночь прошла незаметно; **сели** ужинать в пятом часу утра.*

Е.В. Падучева справедливо отмечает, что чтобы считать первую фразу «нормальным неопределенно-личным предложением, достаточно было

бы изменить порядок слов – передвинув глагол в рематическую позицию» (Paducheva, 2016, p. 52):

Однажды у конногвардейца Нарумова играли в карты.

В существующем виде предикаты *играли, сели* могут относиться к 3-му или к 1-му лицу: *они играли, мы играли*, поскольку в русском языке в прошедшем времени нет противопоставления по лицам. Существуют две интерпретации пушкинского зачина. Согласно первой, которую отстаивал В.В. Виноградов, повествователь, прямо не обозначенный, выступает как один из участников действия (то есть это *мы*-интерпретация): «Повтор неопределенно-личных форм, их постановка в начале предложений, отсутствие указания на субъект действия при переходе к новой теме … создают иллюзию принадлежности рассказчика к описываемому обществу» (Vinogradov, 1980, p. 210). В существующем черновом наброске к повести Пушкин также ведет повествование от первого лица: «Года четыре тому назад собралось нас в Петербурге несколько молодых людей […]». Существует и другая точка зрения, согласно которой начало первой главы – прямое продолжение эпиграфа: «А в ненастные дни собирались они часто […]. Так, в ненастные дни, занимались они делом. Однажды играли в карты у конногвардейца Нарумова.» В этом случае объясним и довольно странный порядок слов в первом предложении, на который обращали внимание исследователи. «Предмет сообщения – не то, *чем* занимались у конногвардейца Нарумова […], а то, *где* на сей раз играли в карты» (Bezrodnyj, 2023, p. 22).

Что касается итальянских переводов, наиболее частотным (шесть примеров) является перевод с рефлексивной формой в первом случае и формой 3 л. мн. ч. во втором. Ср.[2]:

Si giocava *un giorno a carte da Narumov, ufficiale della Guardia a cavallo. La lunga notte invernale passò inavvertitamente;* ***sedettero*** *(****andarono****) a cena alle cinque del mattino. (Kufferle), (Lo Gatto), (De Dominicis Jorio), (Polledro), (Montagnani)*

Si giocava*, una sera, in casa di Narumov, un ufficiale della guardia. La lunga notte invernale era trascorsa* inavvertitamente*: verso le cinque del mattino* ***gli ospiti sedettero*** *a tavola. (Del Re)*

Обращение к рефлексивной форме не случайно, ведь в итальянском она является универсальным средством устранения конкретной информации о субъекте. При этом субъект может быть и обобщенным, и неопределенным, но точно локализованным во времени и в пространстве, но может также включать и говорящего, и его компанию (*мы*) (Alisova, 1971, pp. 118-119). При

[2] Примеры даются в сокращенном виде. При совпадении или частичном сходстве вариантов перевода предлагается один вариант с указанием фамилий переводчиков. В скобках отмечены лишь некоторые лексические расхождения.

этом очевидно, что формы 3 л. мн. ч. во второй фразе, а также включенная номинация *gli ospiti* в переводе Del Re, блокируют подобную интерпретацию.

В следующих четырех переводах в обоих случаях выбрана форма 3 л. мн. ч., что однозначно свидетельствует в пользу интерпретации, исключающей автора. В переводе Molteni Grieco мы также видим полную номинацию, подлежащее *gli ospiti*. Неопределенность пушкинского текста тем самым устраняется, субъект эксплицируется. Ср.:

Giocavano *una volta a carte da Narumov, delle guardie a cavallo. La lunga notte invernale passò insensibilmente; alle cinque del mattino* ***si misero*** *a cena. (Landolfi)*

Quel giorno ***giocavano*** *a carte in casa di Narumov... La lunga notte invernale passò senza che* ***i giocatori se ne accorgessero****, e* ***si sedettero*** *a cenare alle cinque del mattino (Molteni Grieco)*

Si erano riuniti *per giocare (****avevano giocato****) a carte in casa di Narumov... La lunga notte d'inverno era passata in un baleno;* ***si sedettero (si eran seduti)*** *a tavola che erano quasi le cinque. (Caramitti), (Nori)*

Еще в четырех переводах наблюдается полный отказ от формы 3 л. мн. ч. в пользу рефлексивной формы, предполагающей включение говорящего в число лиц, производящих действие. В примере Passerello используется первое лицо: *senza che ce ne avvedessimo – cominciammo,* хотя подобное облигаторное включение говорящего в число участников сцены никак не вытекает из оригинала. Ср.:

Un giorno ***si giocava*** *a carte da Narumov... La lunga notte invernale passò inavvertitamente;* ***ci si mise*** *(****si andò****) (****ci si sedette****) a cena dopo le quattro del mattino. (Ginzburg), (Pacini), (Alleva)*

Un giorno ***si giocava*** *a carte da Narumov... La lunga notte invernale trascorse senza che* ***ce ne avvedessimo****.* ***Cominciammo*** *a cenare dopo le quattro del mattino. (Passarello)*

Избежать опасности подобной однозначной интерпретации удалось в следующей группе переводов, где вторая неопределенно-личная форма *сели ужинать* подверглась субъектно-объектной трансформации и передана пассивной, либо пассивно-рефлексивной конструкцией *fu servita la cena – был накрыт ужин*. Субъект здесь выведен за кадр. Интересно, что в эту группу входят два первых по времени перевода и один из последних, таким образом временной фактор не является в данном случае релевантным. Ср.:

In casa di Narumoff, ufficiale delle guardie a cavallo, ***si era giocato*** *(****si giuocava****) tutta una lunga notte d'inverno trascorsa in un batter d'occhio; alle cinque della mattina* ***fu servita (si portò)*** *la cena. (Anonimo), (Foulques)*

Si giocava *un giorno a carte in casa di Narumov... Una lunga notte d'inverno era trascorsa senza che nessuno se ne accorgesse; quando* ***fu servita*** *la cena erano le quattro passate. (Strada Janovič)*

5. Коммуникативное оформление высказывания с ИГ-подлежащим

Следующие примеры также связаны с нормативными ограничениями, но касаются порядка слов. В оригинальном тексте существует выраженная тенденция к препозиции ИГ (именной группы-подлежащего), вводимой в текст впервые. И.И. Ковтунова видит в этом «характерную черту повествовательного стиля пушкинской прозы» (Kovtunova, 1979, p. 268). С точки зрения современного узуса такие фразы воспринимаются как маркированные, в этом обычно усматривают влияние французского языка (Gak, 2000). В итальянских переводах, как правило, эта особенность не сохраняется. Ср.:

Слуга вошел *и подал графине книги от князя Павла Александровича.*

Entrò un servo (un servitore) *e porse alla contessa dei libri da parte del principe […]. (Anonimo), (Foulques), (Del Re), (Lo Gatto), (Alleva), (Polledro), (Caramitti), (De Dominicis Jorio), (Montagnani), (Pacini), (Landolfi), (Passarello)*

В работе (Govorukho, 2013) приведены семь вариантов с постпозицией ИГ '*слуга'* и четыре с препозицией. В обновленном корпусе примеров с постпозицией двенадцать из семнадцати, и именно этот вариант следует признать наиболее частотным переводом.

В пяти переводах сохраняется порядок слов оригинала, причем в трех случаях неопределенный статус дескрипции обозначен артиклем:

Un domestico (un servo) entrò *e diede (porse) alla contessa dei libri... (Ginzburg), (Nori), (Strada Janovič)*

В итальянском языке, в отличие от французского, такая конструкция считается маркированной. Презентация подлежащего как «новой информации» осуществляется в этих переводах лишь в пределах синтаксической группы имени - с помощью неопределенного артикля, а не в конструкции предложения. В двух переводах – Kufferle и Molteni Grieco – возникает противоречие между коммуникативной новизной понятия и его грамматическим показателем – определенным артиклем:

Il servitore (il servo) entrò *e consegnò alla contessa i libri […]. (Kufferle), (Molteni Grieco)*

Интересно, что в другом подобном контексте, также с подлежащим-Агенсом, но с синтаксическим параллелизмом в клаузах, связанных сочинительным союзом, переводы делятся на две примерно равные группы, что не позволяет выделить доминантную стратегию перевода. Ср.:

Вдруг дверь отворилась, и ***Германн вошел****.*

A un tratto la porta si aprì ed ***entrò Hermann****. (Anonimo), (Kufferle), (Lo Gatto), (Del Re), (Landolfi), (Polledro), (Montagnani), (Molteni Grieco), (Passerello)*

Ad un tratto la porta si aprì, ed ***Hermann entrò****... (Foulques), (Strada Janovič), (Ginzburg), (De Dominicis Jorio), (Pacini), (Alleva), (Caramitti), (Nori)*

Вариантов с инверсией и в этом случае на один больше: девять против восьми с прямым порядком, как в оригинале.

Следующий пример с параллелизмом синтаксических форм, который В.В. Виноградов назвал «шутливым», также уже был проанализирован в (Govorukho, 2013, p. 237–238).

[…] прочие, в рассеянности, сидели перед пустыми своими приборами. Но ***шампанское явилось****, разговор оживился, и все приняли в нем участие.*

Было отмечено, что в десяти переводах из одиннадцати ‘*шампанское*’, о котором упоминается впервые, стоит в постпозиции, то есть порядок слов оригинала сохраняется лишь в одном варианте. В расширенном корпусе уже два перевода с сохраненным порядком слов[3]. М. Карамитти сохраняет препозицию за счет введения придаточного, принося в жертву синтаксический параллелизм и бессоюзие оригинала:

Ma quando ***lo champagne fece la sua comparsa****, la conversazione si rianimò […]. (Caramitti)*

Синтаксис оригинала полностью сохранен лишь в переводе Пачини:

Ma ***lo champagne fece la sua apparizione****, la conversazione si ravvivò […]. (Pacini)*

В двенадцати переводах порядок слов меняется, ИГ ‘*шампанское’* занимает постпозицию.

Девять случаев инверсии с личной формой глагола (восемь – с морфологически простой формой) следует рассматривать как наиболее частотный перевод. Ср.:

Ma ***comparve (apparve) (arrivò) lo champagne (lo sciampagna)****: la conversazione si animò […]. (Kufferle), (Ginzburg), (Landolfi), (Lo Gatto), (Polledro), (Montagnani), (Alleva), (Strada Janovič)*

Ma ***era comparso lo champagne****, la conversazione si era animata […]. (Nori)*

В трех случаях использован пассив, форма 3 л. мн. ч. с устраненным субъектом, а также инфинитивная конструкция презентации с частицей ‘*ecco’*, подключающая Наблюдателя, который обычно ассоциируется с Говорящим:

Fu portato (portarono) lo champagne*, la conversazione si animò (si ravvivò) […]. (Del Re), (Molteni Grieco)*

Ma ***ecco comparire lo champagne*** *e la conversazione farsi animata […]. (De Dominicis Jorio)*

Наконец, еще в трех примерах первая клауза редуцируется до предложной группы, лишая ИГ ‘*шампанское’* статуса подлежащего. Это хронологически два самых ранних перевода, а также перевод Пассарелло, который в целом отличается очень большой вольностью. Ср.:

---

[3] В комментариях М. Безродного приводятся четыре аналогичных контекста, современных пушкинскому, но все – с постпозицией именной группы. Ср.: «За десертом опять явилось шампанское […]», «[…] явился официянт – явилось шампанское», «начались поздравления; явилось шампанское», «[…] вскоре явилось и вино» (Bezrodnyj, 2023, p. 23).

Però ***dopo alcune bottiglie di sciampagna*** *la conversazione si fece più animata… (Anonimo)*

Nondimeno, ***coll'aiuto del vino di Sciampagna****, la conversazione si animò... (Foulques)*

Ma la conversazione si animò ***grazie allo champagne*** *e ben presto tutti vi presero parte. (Passarello)*

Мы подробно остановились на этом примере, поскольку здесь хорошо видно взаимодействие индивидуального стиля автора и коллективного речевого узуса, который, несмотря на формальную допустимость копирования конструкции оригинала в рамках языковой системы, требует большей иерархичности и упорядочивания в языке перевода.

6. Коммуникативное оформление высказывания с ИГ- дополнением

Несколько иная ситуация наблюдается в группе примеров, где в препозиции находится не ИГ-подлежащее, а дополнение. Здесь важны не только стилистические, но и грамматические факторы. Несмотря на гораздо более свободный, по сравнению с французским или английским, порядок слов, тематическое дополнение не может в итальянском языке, в отличие от русского, в несегментированных высказываниях находиться в препозиции к сказуемому. При этом возможны два решения: сохранить коммуникативную структуру оригинала, повысив статус ИГ до подлежащего, либо – изменить порядок слов. Оба этих решения мы наблюдаем в следующем примере, где в одиннадцати переводах присутствует инверсия. В большинстве случаев сохраняется форма 3 л. мн. ч., либо – осуществляется пассивная трансформация. Ср.:

Раздевшись, она села у окна в вольтеровы кресла и отослала горничных.

Свечи вынесли*, комната опять осветилась одною лампадою.*

Portarono via le candele*; la stanza fu (rimase) di nuovo illuminata (rischiarata) dalla sola lampada. (Anonimo), (Ginzburg), (Polledro), (Moltieni Grieco), (Nori)*

Furon portate via le candele *[...]. (Landolfi), (Lo Gatto), (De Dominicis Jorio), (Passarello)*

М. Карамитти превращает конструкцию в личную, наделяя ролью Агенса горничных:

[…] Mandò via le inservienti. ***Queste portarono via le candele*** *[…].. (Caramitti)*

В экзотическом варианте Фулькеса с рефлексивом-декаузативом также присутствует инверсия:

Si spensero i lumi *[…]. (Foulques)*

Статус препозитивной Темы сохраняется за ИГ 'свечи' в шести переводах с пассивизацией:

[…] ***Le candele furono (vennero) portate via*** *[…]. (Kufferle), (Del Re), (Alleva), (Strada Janovič), (Montagnani), (Pacini)*

В еще одном похожем контексте доминантной стратегией перевода (десять примеров) также является инверсия, которая лишь в одном случае сопровождается пассивной трансформацией:

В то же самое время ***Лизавету Ивановну вынесли*** *в обмороке на паперть.*

Nello stesso tempo ***portaron fuori*** *sul sagrato* ***Lizaveta Ivanovna*** *svenuta. (Anonimo), (Ginzburg), (Lo Gatto), (Polledro), (Landolfi), (Molteni Grieco), (Nori), (Passarello), (De Dominicis Jorio)*

[…] ***Fu portata fuori*** *sul sagrato* ***Lizaveta Ivanovna****, svenuta. (Strada Janovič)*

В семи переводах порядок слов оригинала сохранен, в шести примерах – с помощью пассивной трансформации.

Nello stesso momento ***Lizaveta Ivanovna fu (veniva) portata*** *svenuta sul sagrato. (Caramitti), (Kufferle), (Del Re), (Pacini), (Montagnani), (Alleva)*

In quello stesso momento, sulla soglia della chiesa, ***Lizaveta Ivanovna cadeva*** *svenuta. (Foulques)*

Следующий пример, совпадая с предыдущими по формально-синтаксической и коммуникативной структуре, отличается семантически, описывая несколько иную денотативную ситуацию:

Наконец Графинину ***карету подали****.*

Если *свечи* и даже *Лизавета Ивановна* в ее бедственном положении являются собственно объектами, с которыми неназванные лица производят определенные действия, то *карета* сама осуществляет действие, хотя и при помощи постороннего воздействия Агенса. Отсюда – преобладание в переводе агентивных конструкций, столь характерных для итальянского речевого узуса, когда на первый план выносится само действие. В четырех случаях ИГ-Тема остается в препозиции, в одном переводе это сопровождается пассивной трансформацией. Ср.:

Finalmente la carrozza della contessa ***avanzò (si fermò) (fu portata****) verso l'ingresso. (Foulques), (Landolfi), (Passarello), (Alleva)*

В тринадцати переводах, однако, порядок слов меняется. Ср.:

Finalmente ***arrivò (giunse) venne apparve*** *la carrozza della contessa. (Anonimo), (Molteni Grieco), (Montagnani), (Ginzburg), (Pacini), (Strada Janovič), (Del Re)*

Alla fine ***fu preparata (portata / condotta*** *davanti all'ingreso) la carrozza della contessa. (Caramitti), (Kufferle), (Lo Gatto), (De Dominicis Jorio)*

Infine ***fecero avanzare (prepararono)*** *la carrozza della contessa. (Polledro), (Nori)*

В четырех случаях инверсия сочетается с пассивизацией, в двух – сохранена форма 3 л. мн. ч. В большинстве переводов (семь примеров) устраняются следы закадрового Агенса, «подающего» карету, и на первый план выходит сам факт «приезда» или «появления» кареты, причем, вводится позиция Наблюдателя – Германна, глазами которого мы видим всю сцену. (Ср.: *тут показалась/ появилась карета […]*).

7. Некоторые выводы

Проведенное исследование показало, что при наличии одинакового репертуара грамматических форм переводчики используют их по-разному. Неопределенному субъекту повествования, представленному в оригинале формой 3 л. мн. ч., в итальянском тексте скорее соответствуют пассивные и пассивно-рефлексивные конструкции. Для пушкинской повести характерен параллелизм синтаксических форм, когда рядом с коммуникативно расчлененными предложениями употребляются нерасчлененные, причем в последних наблюдается топикализация ИГ-подлежащих и дополнений, что делает такие конструкции маркированными, часто не вполне нормативными с точки зрения современного узуса. Итальянские переводчики, несмотря на весь перифразирующий потенциал принимающего языка, в таких случаях отдают предпочтение нейтральным в коммуникативном отношении конструкциям с синтаксической инверсией, которая первична для рематического субъектно-предикатного комплекса. Задача дальнейших исследований – определить причины подобного выбора, который, как предварительно представляется, связан с речевыми нормами итальянского текста.

ЛИТЕРАТУРА

АЛИСОВА, Т.Б., 1971. *Очерки синтаксиса современного итальянского языка*. Москва: Издательство Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

БЕЗРОДНЫЙ, М., 2023. *Опыт комментария к «Пиковой даме»*. Frankfurt am Main: Esterum Publishing.

ВИНОГРАДОВ, В.В., 1980. Стиль «Пиковой дамы». *О языке художественной прозы*. Москва: Наука, с. 176–249.

ГАК, В.Г., 2000. Язык Пушкина и французский язык. *Вопросы языкознания, 2*, с. 79–89.

ГОВОРУХО, Р.А., 2013. Коллективный речевой узус в итальянских переводах прозы Пушкина и Лермонтова. *От слова к тексту. Славяно-романские разыскания.* Берн: Peter Lang, с. 231–250.

КАРДАНОВА, Н.Б., 1999. Библиография переводов произведений А.С. Пушкина на итальянский язык. *Московский пушкинист*, вып. 6, с. 405–421.

КОВТУНОВА, И.И., 1979. Структура художественного текста и новая информация. *Синтаксис текста*, с. 262–275.

ПАДУЧЕВА, Е.В., 2016. Однажды как показатель слабой определенности. *Русский язык в научном освещении.* Москва: Институт русского языка им. В.В. Виноградова, 2 (32), с. 45–54.

РАЗЛОГОВА, Е.Э., 2012. «Пиковая дама» в зеркале французских переводов. *Вопросы языкознания, 6*, с. 66–91.

РАЗЛОГОВА, Е.Э., 2017. Стандартные и нестандартные варианты перевода. *Вопросы языкознания, 4*, с. 52–73.

ПУШКИН, А. С., 1986. Пиковая дама. *Сочинения в 3-х т. Т.3. Проза.* Москва: Художественная литература, с. 188–211.

REFERENCES

ALISOVA, T.B., 1971. *Ocherki sintaksisa sovremennogo ital'yanskogo yazyka*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta imeni M. V. Lomonosova.

BEZRODNYJ, M., 2023. *Opyt kommentarija k "Pikovoj dame"*. Frankfurt am Main: Esterum Publishing.

VINOGRADOV, V.V., 1980. Stil' "Pikovoi damy". In: VINOGRADOV, V.V. *O yazyke khudozhestvennoi prozy*. Moscow: Nauka, pp.176–249.

GAK, V.G.. 2000. Yazyk Pushkina i frantsuzskii yazyk. *Voprosy yazykoznaniya, 2*, pp. 79–89.

GOVORUKHO, R., 2011. Traduzioni italiane de La Donna di picche – alcune questioni di grammatica e di uso. *Atti del LIX Congresso Internazionale di Studi della SLI*, Roma, pp. 125–135.

GOVORUHO, R.A., 2013. Kollektivnyj rechevoj uzus v ital'janskih perevodah prozy Pushkina i Lermontova. *Ot slova k tekstu. Slavjano-romanskie razyskanija*. Bern: Peter Lang, pp. 231–250.

KARDANOVA, N.B., 1999. Bibliografiya perevodov proizvedenii A.S. Pushkina na ital'yanskii yazyk. *Moskovskii pushkinist*, vyp. 6, pp. 405–421.

KOVTUNOVA, I.I., 1979. Struktura khudozhestvennogo teksta i novaya informatsiya. *Sintaksis teksta*, pp. 262–275.

PADUCHEVA, E.V.1996. Odnazhdy kak pokazatel' slaboj opredelennosti. *Semanticheskie issledovaniya*. Moskva: Institut russkogo jazyka im. V.V. Vinogradova, 2 (32), pp. 45–54.

RAZLOGOVA, E.Je., 2012. «Pikovaya dama» v zerkale frantsuzskikh perevodov. *Voprosy jazykoznanija*, *6*, pp. 66–91.

RAZLOGOVA, E.Je., 2017. Standartnye i nestandartnye varianty perevoda. *Voprosy jazykoznanija*, 4, pp. 52–73.

PUSHKIN, A. S., 1986. Pikovaya dama. *Sochineniya v 3-kh t. T.3. Proza*. Moscow: Hudozhestvennaja literatura. pp. 188–211.

La donna di picche del Pushkine (dal russo), 1877. In: Rivista europea, pp. 680–699.

PUSCKIN, A., 1898. *La dama di picche*. Versione dal russo di E.W. Foulques. Napoli: Enrico M. Muca Tip. Editore, 59 p. (Gemme letteraria straniere).

PUŠKIN, A. S., 1978. *La figlia del capitano. La dama di picche. Racconti di Belkin*. Traduzione dal russo di Rinaldo Kufferle. Roma: Armando Curcio Editore.

PUŠKIN, A., 1990. La donna di picche. In: PUŠKIN, A. *Opere*. Traduzione di Leone Ginzburg. Mondadori, pp. 775–805.

PUŠKIN, A., 1986. *Romanzi e racconti*. Traduzione di Ettore Lo Gatto. Garzanti, pp. 215–239.

PUŠKIN, A., 1942. La donna di picche. In: PUŠKIN A. *La figlia del capitano* (a cura di Bruno Del Re). Traduzione di Bruno Del Re. Bompiani, pp. 217–259.

PUŠKIN, A., 2006. *La dama di picche e altri racconti*. Traduzione di Tommaso Landolfi. Adelphi edizioni, pp. 45–86.

PUŠKIN, A.S., 1999 (1950). *La donna di picche*. Traduzione di Silvio Polledro. *testo russo a fronte.* BUR, 106 p.
PUSKIN, A. S., 1963. *I racconti di Bjelkin. La dama di picche*. Traduzione di G. De Dominicis Jorio (non indicato) Vicenza: Edizioni Paoline.
PUŠKIN, A. S., 1973 (1966). La dama di picche. In: PUŠKIN A.S. *La figlia del capitano e altri racconti*. Traduzione di Gianlorenzo Pacini. Novara: EDIDEM, pp. 161–181.
PUŠKIN, A., 1985. La donna di picche. Traduzione it. di Luciana Montagnani. In: ID. *Romanzi e racconti*. UTET, pp. 261–295.
PUŠKIN, A.S., 1985. Donna di picche. Traduzione di Rosa Molteni Grieco. In: PUŠKIN ALEKSANDR SERGEJ. *Donna di picche. Racconti di Belkin. La figlia del capitano*. Alberto Peruzzo editore, pp. 1–30.
PUŠKIN, A., 1990. *La donna di picche*. Traduzione it. di Annelisa Alleva. In: ID. *Romanzi e racconti*. Garzanti, pp. 227–253.
PUŠKIN, A.S., 1996. *La donna di picche e I racconti di Bjelkin*. A cura di Giuseppe Passarello. Palermo: Palumbo, pp. 15–50.
PUŠKIN, A., 1998. *La donna di picche*. *Con testo a fronte.* A cura di Clara Strada Janovic Marsilio, 118 p.
PUŠKIN, A.S.,2004. *La figlia del capitano e altri racconti*. Traduzione it. di Mario Caramitti. Gruppo Editoriale L'Espresso Spa, pp. 147–188.
PUŠKIN, A.S., 2006. *Umili prose*. Traduzione e cura di Paolo Nori. Feltrinelli, pp. 83–113.

Prof. Roman Govorukho, D.Sc.
ORCID ID 0000-0002-1339-1392
Centro Studi Italiani
Russian State University for the Humanities (RSUH)
Moscow, Russia
e-mail: govorroman1@gmail.com

https://doi.org/10.60056/SE.2026.1.117-135

УПОТРЕБАТА НА ВРЕМЕНАТА В УСЛОВНИТЕ ИЗРЕЧЕНИЯ С ИНДИКАТИВ В ЛАТИНСКИЯ ЕЗИК

Анастас Герджиков
Софийски университет „Св. Климент Охридски“

THE USE OF TENSES IN CONDITIONAL SENTENCES WITH THE INDICATIVE IN LATIN

Anastas Gerdzhikov
Sofia University “St. Kliment Ohridski”

The article is devoted to the use of tenses in conditional sentences with the indicative in Latin. It is shown that the possible combinations between them in protasis and the apodosis depend on the sequence of tenses in Latin. If there is a non-past tense in the apodosis, in the protasis anteriority relative to the moment of speaking is expressed by the perfect, simultaneity by the present, posteriority by the future, and anteriority relative to an action posterior to the moment of speaking by the future perfect. If there is a past tense in the apodosis, in the protasis anteriority relative to the past time reference point is expressed by the pluperfect, simultaneity by the imperfect, and posteriority by the future in the past. However, some of these tenses may be replaced by their corresponding unmarked tenses through syntagmatic neutralization.
All possible combinations are illustrated with examples from original Latin texts; in cases of neutralization, it is indicated which tense is replaced by which, and that this is possible within oppositional pairs of tenses, one of which is marked by a given distinctive feature and the other unmarked.
The description of the possible combinations of verb tenses in indipendent conditionals is important both for future research on the use of tenses in so-called dependent conditional periods and in conditional periods in indirect speech in Latin, and as an illustration of the sequence of tenses in the indicative, which has not been sufficiently studied.

Key words: Latin, conditionals, verb tenses, markedness, neutralization

Статья посвящена употреблению времён в условных предложениях с индикативом в латинском языке. Показывается, что возможные комбинации между ними в протазисе и аподозисе зависят от последовательности времён в латинском языке. Если в

аподозисе имеется непрошедшее время, в протазисе предшествование относительно момента речи выражается перфектом, одновременность — настоящим временем, следование — будущим временем, а предшествование по отношению к действию, последующему относительно момента речи — будущим предшествующим временем. Если в аподозисе имеется прошедшее время, в протазисе предшествование относительно прошлого момента выражается плюсквамперфектом, одновременность — имперфектом, следование — будущим временем в прошлом. Однако возможно, что некоторые из этих времён заменяются соответствующими немаркированными временами посредством синтагматической нейтрализации.

Все возможные комбинации проиллюстрированы примерами из оригинальных латинских текстов; в случаях нейтрализации указано, какое время каким заменено и что это возможно в рамках опозиционных пар времён, одно из которых маркировано по определённому дифференциальному признаку, а другое — нет.

Описание возможных комбинаций глагольных времён в независимых условных периодах важно как для будущих исследований употребления времён в так называемых зависимых условных периодах и в условных периодах в косвенной речи в латинском языке, так и как иллюстрация последовательности времён при индикативе, которая недостаточно изучена.

В синтаксиса на латинския език, който е обемен и сложен (в по-сериозните научни граматики обхваща няколко хиляди стандартни страници), безспорно двете най-трудни за изследване и преподаване теми са временните подчинени изречения и условните периоди. Но докато временните изречения са сравнително ясни и затруднението идва от многообразието на отношенията, които изразяват, условните изречения продължават да са недостатъчно изследвани и трудни за разбиране дори за изследователите, а оттам – и за изучаващите латинския език. Сложните взаимовръзки на времената и наклоненията в тях се усложняват допълнително от изменението им, когато изречението, управляващо условното изречение, не е главно, а подчинено (т. нар. зависими условни периоди), или е включено в косвена реч.

Повечето латински граматики се придържат към традиционното деление на реален, потенциален и ирреален условен период. Сказуемите в реалният период (1) са в изявително наклонение (индикатив), а в потенциалния (2) и ирреалния (3) – в подчинително наклонение (конюнктив), като в потенциалния става дума за *coniunctivus perfecti* (за предварителност) и за *coniunctivus praesentis* (за едновременност и следходност), а в ирреалния – за *coniunctivus plusquamperfecti* (за предварителност) и за *coniunctivus imperfecti* (за едновременност и следходност).

(1) Contumeliam si dices, audies. (Plaut. Pseud. 1173) – Ако кажеш обида, ще чуеш [обида].

(2) Haec si tecum patria loquatur, nonne impetrare debeat? (Cic. In Cat. 1, 19) – Ако отечеството би говорило така с теб, не би ли трябвало да те убеди?

(3) Pluribus verbis ad te scriberem, si res verba desideraret ac non pro se ipsa loqueretur. (Cic. Ad fam. 3, 2, 2) – Щях да напиша до теб с повече думи [т. е. по-подробно], ако работата изискваше думи и не говореше сама за себе си.

Докато при потенциалния и иреалния период конюнктивът показва, че авторът не смята действието за факт, при реалния период може да става дума за факт или за липса на интерес към това, дали действието е факт (Тези отношения са сложни и не са предмет на настоящата работа).

Предлагани са различни класификации, които да заместят това традиционно разделение. В англоезичната литература например е разпространена друга класификация на условните латински изречения – на частни и общи. Съответно на това, граматиката на Алън и Грийноу разделя частните на прости (сегашни), бъдещи и контрафактуални, бъдещите на *more vivid* и *less vivid* и т. н.[1] Бертоки и Маралди разглеждат и други разделения[2], но признават, че „що се отнася до латинския, традиционното разделение на три части – „реален“ (*realis*), „потенциален“ (*possibilis*) и „нереален“ (*irrealis*) условни периоди, изглежда е най-доброто, тъй като отчита разликите в употребата както на наклонението, така и на времето“.

Тъй като в настоящото изследване ще се интересуваме единствено от изреченията с индикатив, можем да оставим настрана проблемите при класификацията на останалите условни изречения. Дори и само за индикативните условни изречения обаче се използват най-разнообразни наименования. Калеро и Косио изброяват десетина – от формалните *Si mit der Indikative* на Kühner 1976 и *Indikativische si-Sätze* на Leumann, Hoffmann & Szantyr 1964 през традиционните *Cas du réel* и *Hypothése supposée réalisée* на Ernout & Thomas 1964, *Tipo real* и *Forma della realtà* на испански и италиански лингвисти до абстрактните *Open conditions* и *Condition pure et simple* на английски и френски изследователи[3].

---

[1] Allen 1903, pp. 323 – 325 (§ 513 – 514). Срв. също Dancygier (1998, p. 30) за популярното разделение на отворени и затворени условия: “Two main types are distinguished almost universally: open and hypothetical. The former (also called real, factual, neutral) do not make any predictions about the fulfillment or non-fulfillment of the condition, while the latter (also termed closed, unreal, rejected, non-factual, counterfactual) express the speaker’s negative belief as to the fulfillment of the condition.”

[2] “A distinction that takes into account the relation obtaining between the protasis *p* and the apodosis *q* also seems to be useful. Sweetser [...] distinguishes three types of conditionals: content, epistemic, and speech act […] This classification seems to correspond to the subdivision into predicational, propositional, and illocutionary conditionals proposed by Functional Grammar” (Bertocchi & Maraldi 2011, p. 93). Това разделение излиза извън обхвата на тази работа, но е любопитно за изследване в латинския, където срещаме изобилие от примери за условни вметнати изрази – речеви актове, като *nisi fallor* „ако не греша“, *si licet* „ако е позволено“, *si fas est* „ако е редно“ и изрази на любезност като *sis* (=*si vis*), *sodes* (=*si audes*) „ако обичаш“, които нямат смисъла на истинско условие, а са форма на любезна молба както „ако обичаш“ на български, което има смисъла на „моля“. Много от тях са винаги в индикатив: *si potes*, *si placet*, *si videtur*, *nisi fallor*.

[3] Calero & Cossío 1976, p. 214.

Настоящата работа е посветена на употребата на времената именно в условните изречения с индикатив. Това предварително изследване е необходимо, преди да се премине към условните изречения с подчинително наклонение, смесените условни периоди и особено преди зависимите условни периоди и условните изречения в косвена реч, тъй като докато не е изяснена употребата на времената и на комбинациите от тях в индикативните условни изречения, е невъзможно изследването на по-нататъшните трансформации на тези времена в споменатите случаи.

Става дума за условните периоди, при които в изявително наклонение са както протазисът (подчиненото условно изречение.), така и аподозисът (управляващото изречение). Има голям брой примери за условни периоди, които в протазиса имат индикатив, но в аподозиса имат друго наклонение – императив, конюнктив (по същите причини, по които се явява в главно изречение – *coniunctivus potentialis/irrealis*, *coniunctivus dubitativus*, *coniunctivus adhortativus*, *coniunctivus optativus*, *coniunctivus iussivus/prohibitivus*, *coniunctivus concessivus* (*si = etsi*) и пр.), или се среща елипса на сказуемото в аподозиса (напр. *quid si...* или когато скауемото се подразбира), или сказуемото в аподозиса е заместено от друга част на изречението (междуметие, въпросителна частица и пр.)[4]. В случаите на аподозис в конюнктив, *attractio modi* не се прилага и индикативът в протазиса се запазва.

В тази работа няма да се интересуваме и от проблемите на логиката и семантиката. Условните периоди не са просто езиков израз на логическата импликация. Логиката в тях не е толкова строга и езикът често се стреми да изрази нещо различно от логическата връзка между условие и следствие, макар че разбира се има случаи, например у Цицерон, които представляват внимателно изпипани силогизми в стила на Аристотел, и дори илюстрации на закони на логиката[5]. Няма да се интересуваме и от въпроса, дали действието в условния период с индикатив е факт, а единствено от това да е с индикатив. По същия начин няма да се занимаваме и с разликата между употребата на сегашно или бъдеще време за конкретно действие и генералната им употреба, защото тази разлика не влияе на избора на граматическото време. Времената и наклоненията в условните периоди често зависят не от природата на условието, а от гледната точка на автора[6]. Тази разлика не е важна за нас, затова пък има ключово значение да става дума за истинско условие, а не за вметнати изрази или

[4] Възможните алтернативи на индикатива в аподозиса са изброени в Pinkster (2015, pp. 657 – 657) и особено подробно в Bennett (1910, pp. 62 – 65, 66 – 67, 69 – 70, 71 – 72, 74 – 76).

[5] Например Cic. Fat. 28: *Si haec enuntiatio: „Veniet in Tusculanum Hortensius“ vera non est, sequitur, ut falsa sit. – Ако твърдението „Хортензий ще дойде в имението си в Тускулум“ не е вярно, следва, че е грешно*. В условните периоди в естествения език обаче законът за изключеното трето не винаги важи – вж. например примерите в бел. 2.

[6] Срв. Allen 1903, p. 327 (§ 516), бел. 1.

за изречения, които по други причини не са обвързани с последователността на времената.

Мненията за това, кои времена могат да се използват в двете части на условния период и в какви комбинации, варират от опрестенческото свеждане на комбинациите до само няколко в описателните и учебните граматики[7] (при това често с употреба на едно и също време в протазиса и аподозиса[8]) до твърдението на Пинкстър, че „в условния период по принцип няма ограничение за наклоненията и времената, нито за тези в *si*-изречението, нито за тези в главното изречение“[9], което, както ще видим, също не отговаря на действителността.

Някои от изследванията и научните граматики заемат по-умерена позиция и се опитват да опишат възможните комбинации на времената в протазиса и аподозиса, без да ги свеждат до само няколко или да допускат, че всички комбинации са възможни.

Нека започнем със статията на Calero & Cossío 1976. Тъй като тя е посветена именно на условния период с индикатив, бихме очаквали, че двамата испански автори ще опишат изчерпателно времената, които се срещат в него. Това обаче не се случва и причините са две. Първо, още в заглавието те си поставят за цел да изследват условния период, при който в индикатив е протазисът. Цялата статия е посветена на времената в протазиса[10]. Това насилствено отделяне на под-

---

[7] Например в българската латинска граматика – Gandeva, Milev, Bratkov & Portalski 1975, p. 321.

[8] Което не съответства на действителното положение – „Не е необходимо и протазисът, и аподозисът да се отнасят до едно и също време, а в тях могат да се срещнат разлчини времена на индикатива“ (Woodcock 1959, p. 150).

[9] Pinkster 2015, p. 654. Срв. Bodelot, 2013, p. 16 „Може да се каже, че при Цицерон почти всички времена на изявителното наклонение са представени в условния период“. Подобно нещо се твърди и в авторитетната и много подробна научна граматика на Кюнер: „Si може да се свърже с индикатива на всички времена“ (Kühner 1976, p. 389). В § 213 a) със заглавие *Si mit dem Indikative aller Zeitformen* отново се казва, че „Si се свързва с индикатива на всички времена, ако условието се изказва от говорещия като чисто предположение [...] Според временните отношения на двете изречения [протазис и аподозис] могат да бъдат засвидетелствани общо взето всички свързвания на отделните времена, макар че отделни комбинации естествено са по редки или се срещат само единично (Kühner 1976, 2, 2, p. 391). Както ще видим, някои времена и комбинации наистина се срещат по-рядко, но други не се срещат изобщо.

В същото време от всички възможни комбинации на времената в условния период с индикатив Кюнер (Kühner 1976, 2, 2, pp. 407 – 408) илюстрира в таблица реалния независим условен период с примери единствено с пет комбинации: *Ind. praesentis* (сегашно време) – *Ind. praesentis* (сегашно време); *Ind. perfecti* (перфект) – *Ind. perfecti* (перфект); *Ind. futuri* (бъдеще време) – *Ind. futuri* (бъдеще време); *Ind. futuri exacti* (бъдеще предварително време) – *Ind. futuri* (бъдеще време) и *Ind. futuri exacti* (бъдеще предварително време) – *Ind. futuri exacti* (бъдеще предварително време). Това опростяване го изпраща в другата крайност при повърхностното описание на възможните комбинации в споменатите учебни граматики.

[10] „Аподозисът е следствието, което задължително произтича [...] от протазиса. Затова, когато се говори за различните стойности на синтагмата за изразяване на условен период, имаме

чиненото изречение е възможно при някои видове изречения, но не е възможно при други, между които са и условните изречения. Ерну и Тома смятат, че „Условните изречения […] са тясно свързани с изречението, което изглежда им служи за главно, но което всъщност показва последствието на предполагаемото условие […] Така съставеното цяло се нарича условна фраза, в която, собствено казано, няма нито главно, нито подчинено, а взаимодействие на две солидарни изречения, които не могат да съществуват едно без друго и имат смисъл само едно чрез друго“[11]. Дори това обединяване на протазиса и аподозиса в едно неразделно цяло да е пресилено[12], разсъжденията на Ерну и Тома ясно показват, защо не можем да разделим разглеждането на употребата на времената в протазиса от тази в аподозиса – едното от двете времена се обуславя от другото (обикновено времето в протазиса зависи от времето в аподозиса, но се случва и обратното в зависимост от логическата връзка между двете изречения).

Вторият проблем на споменатата статия е в това, че е писана в период, когато структурализмът като езиковедски метод е на върха на популярността си, поради което авторите се опитват да представят изследването си като структурно и структуралистко, въпреки че имат много превратна представа за структурализма, езиковите опозиции и пр. Представата на авторите за граматическите времена като разположени по оста на времето минало – настояще – бъдеще е популярна идея, която обаче е всичко друго, но не и структуралистка. Критиката им на авторитетни научни граматики като Leumann, Hofmann & Szantyr 1964 и Ernout & Thomas 1964 не просто не е основателна, но и често почива на неразбиране на текста и дори на неразбиране на езика на немския или френския оригинал.

Отначало авторите правилно отбелязват, че сегашно време може да се отнася както за настоящия момент, така и за всяко друго глаголно време. Според тях сегашно време в протазиса се отнася за настоящия момент (с реален смисъл) или за бъдещето (с потенциален смисъл). Но те смятат също, че *modus potentialis* изразява възможност, *futurum* – вероятност, а *praesens pro futuro* – чиста хипотеза[13]. Освен, че в езика тричленни опозиции не съществуват, това разграничение не е правилно, защото бъдеще време не изразява само вероятност, а и посочените от авторите примери не са свързани с вероятност. Колкото до случая, в който сегашно време замества бъдеще време, то изразява

предвид различните възможности на протазиса [...] Настоящият анализ ще бъде извършен за онези стойности, които би могъл да притежава протазисът“ (Calero & Cossío 1976, p. 221).

[11] Ernout & Thomas 1964, p. 374.

[12] Всъщност то е характерно по-скоро за изреченията, които Gandeva, Milev, Bratkov & Portalski 1975 наричат „вътрешнозависими изречения“ от типа на подчинените допълнителни изречения.

[13] Calero & Cossío 1976, pp. 221 – 226.

същото като бъдеще време, а не хипотеза (един структуралист би казал, че става дума за синтагматична неутрализация).

Изводът на авторите, че протазисът може да представлява три вида хипотеза – чиста, вероятна или възможна, е една абстракция, която се опитва да подреди в проста схема твърде разнообразни ситуации. По-важното за нашата тема е, че тази абстрактна идея е илюстрирана с много малко примери, които не допринасят за разбирането на употребата на времената и комбинациите от тях в условните периоди с индикатив.

Съвсем друго е положението в подробното изложение на латинския синтаксис при Хофман. Той започва параграфа *Indikativische si-Sätze* с това, че се срещат многобройни комбинации на времената в условните периоди с индикатив и че ще изброи основните[14]. Така Хофман избягва грешките и на тези, които посочват само няколко случая, и на тези, които смятат, че може да се разглеждат само времената в протазиса, и на тези, които смятат, че са възможни всякакви комбинации. Ето основните комбинации според Хофман[15]:

a) *si*+**Сег** – **Имп**[16] – рядко и предимно в стария латински.

b) *si*+**Сег** – **Бъд** – по-често от комбинацията **Бъд** – **Бъд**.

c) *si*+**Бъд** – **Бъд** – преобладава при Цицерон.

d) *si*+**Бъд** – **Сег** – среща се рядко, но във всички периоди.

e) *si*+**Бъд** – **Бпр** – среща се още от Плавт, също и при Цицерон.

f) *si*+**Бпр** – **Бпр** – среща се рядко, но във всички периоди.

g) *si*+**Перф** – **Бъд** – среща се във всички периоди.

h) *si*+**Имп** – **Бъд** – среща се от Цицерон нататък.

i) *si*+**Пл** – **Имп** – рядко и докласическо с допълнително временно значение.

j) *si*+**Бъд** или **Бпр** – **Перф** – често при Плавт и Теренций, но рядко при Цицерон.

k) *si*+**Бпр** – **Сег** – среща се често и във всички епохи.

l) други редки комбинации:

– *si*+**Бъд** – **Имп**.

– смесване, характерно за по-свободната употреба на времената в разговорния език (**Сег** вместо **Бъд** и **Перф**, **Перф** вместо **Бпр** и пр.)

Ч. Бенет е събрал една подробна сбирка от примери за условни периоди в ранния латински, изключително полезна и до днес[17]. Той предлага една систе-

---

[14] Leumann, Hofmann & Szantyr 1964, p. 660.

[15] Leumann, Hofmann & Szantyr 1964, pp. 660 – 661. Класификацията на Хофман е преразказана и в Bertocchi & Maraldi 2011, p. 102.

[16] В тази работа ще използваме следните съкращения на глаголните времена: **Сег** – сегашно време, *praesens*; **Бъд** – бъдеще време, *futurum*; **Перф** – перфект, *perfectum praesens*; **Аор** – перфект в роля на аорист, *perfectum aoristicum*; **Бпр** – бъдеще предварително време, *futurum exactum*; **Имп** – минало несвършено време, *imperfectum*; **Пл** – плусквамперфект, *plusquamperfectum*; **БвМ** – бъдеще в миналото, *futurum in praeterito* (=**Имп** на coniugatio periphrastica); **БпрвМ** – бъдеще предварително в миналото.

[17] Bennett 1910, pp. 60 – 76.

матизация на тези примери според времето в протазиса. Това решение може да се оспорва, защото нерядко времето в протазиса зависи от времето в аподозиса, а не обратно[18]. По-често обаче времето в аподозиса зависи от времето в протазиса, така че подредбата на Бенет има основание. Тя изглежда така[19]:

1. Протазис в **Сег**.

1.1 Протазис в **Сег**, отнасящо се до настоящето или означаващ генерална истина – аподозисът е в **Сег**, **Имп**, **Бъд**, **Перф**, **Пл**, **Бпр**.

1.2 Протазис в **Сег**, отнасящо се до бъдещето – аподозисът е в **Сег** (което като протазиса обикновено се отнася до бъдещето), **Бъд**, **Перф**, **Бпр**.

2. Протазис в **Имп**. Тук Бенет привежда няколко неподредени примера. Тези с индикатив са със **Сег**, **Имп** и **Перф** в аподозиса.

3. Протазис в **Бъд** – аподозисът е в **Сег** (и като протазиса обикновено се отнася до бъдещето), **Бъд**, **Перф**, **Бпр**.

4. Протазис в **Перф** – аподозисът е в **Сег**, **Бъд**, **Перф**.

5. Протазис в **Пл**. Бенет посочва, че този случай е извънредно рядък и привежда няколко примера, в които аподозисът е с индикатив на **Имп** и **Перф**.

6. Протазис в **Бпр** – аподозисът е в **Сег** (което често има бъдещ смисъл), **Бъд**, **Перф**, **Бпр**.

7. Протазисът е с две времена в координация – от седемте примера в пет протазисът е със **Сег** и **Перф** (аподозисите са с императив, индикатив на **Сег**, **Бъд** и **Имп**), един е с индикатив на **Сег** и **Бъд** (аподозисът е със **Сег**) и един е с **Бъд** и **Бпр** (аподозисът е с **Перф**).

Срещу тази класификация могат да се отправят няколко възражения. Основното е, че времето в едното изречение в условния период изразява едновременност, предварителност или следходност спрямо времето в другото изречение, но Бенет не посочва времето в кое изречение се отнася към времето в другото, нито кое от посочените три отношения изразява, затова неговата класификация не е полезна в теоретичен смисъл (за разлика от практическата полза, произтичаща от изобилието на примери).

Нека сега преминем към систематизацията на употребата на времената и на възможните комбинации между тях в условните периоди. Необходимо е първо да направим уговорката, че в латинския език има шест глаголни времена, изразявани синтетично (**Сег**, **Имп**, **Бъд**, **Перф**, **Пл** и **Бпр**), но към тях бихме могли да добавим още две. Първото е употребата на перфект в смисъл на аорист. Освен значението си на „същински“ перфект, т. е. на глаголно време, което изразява предварителност спрямо момента на говорене и резултат в него, перфектът е поел и функцията на аориста. Ще разграничим тези две

[18] Dancygier (1998, p. 69) дори смята, че в условните изречения въпреки разнообразието им отношението между времената се ориентира по времето в главното изречение, т. е. аподозиса.

[19] Привеждаме само случаите, при които в аподозиса има индикатив. Бенет посочва и случаи с конюнктив, с императив, елипса и др.

функции, както правят повечето граматики, но за нашата цел това няма да е много полезно, защото *perfectum aoristicum* на практика не се среща в протазиса (изречения от типа „ако победих“ не са възможни освен в случаи като „Ако победих, това е благодарение на теб“, при които не става дума за истинско условие), а в аподозиса има значение на минало време изобщо и разликата между него и **Имп** не е от значение за координацията между времената в протазиса и аподозиса.

Второто време, което можем да добавим към шестте синтетични времена (синтетични в деятелен залог, в медио-пасив трите времена от перфектната основа са аналитични), е **БвМ**, *futurum in praeterito*, което можем да заемем от т. нар. описателно спрежение, в което формите са аналитични и се описват със спомагателния глагол *sum* и бъдещите причастия. Формите за **Имп** на *coniugatio periphrastica* от типа *amaturus erat* могат да опишат **БвМ** поради значението си „беше който има намерение да обича“, „беше който ще обича“ по същия начин, по който граматиките заимстват форми на описателното спрежение, за да изразят лиспващите *infinitivus futuri activi* и *coniunctivus futuri*.

Така, ако приемем, че работим с осем времена, максималният брой на комбинациите между тях в двете части на условния период би бил 64. Всъщност обаче, както казахме, не всички комбинации се срещат или са възможни.

Вече посочихме, че перфектът в значение на аорист не се среща в протазиса, освен в редки случаи, при които не става дума за истинско условие. Редки са обаче и случаите с **Аор** в аподозиса. Ако изобщо се срещат, става дума за липса на логическа връзка между условието в протазиса и аподозиса – от едното не следва другото, а вместо това аподозисът е въпросително изречение (4), (5) или условието в протазиса изразява не условен, а някакъв друг смисъл.

(4) Dicite, di, si vos impune fefellerat ilia, alterius meriti cur ego damna tuli? (Ov. Am. 3, 3, 16.) – Кажете, богове, ако онази [Леда] ви беше измамила безнаказано, защо аз понесох наказание за деянието на друг човек?

(5) Quid tum profeci, [...] si tamen adtemptas? (Hor. Ep. 2, 2, 22 – 23) – Какво постигнах тогава, [...] ако все пак ме нападаш?

Аористът в примери (4) и (5) е възможен само защото аподозисът е въпросително изречение и не е следствие от условието в протазиса, като в (5) се вижда и това, че не става дума за същинско условие, защото *si* е употребено в смисъл на „щом; при положение, че“.

По този начин отпадат комбинациите с **Аор** в протазиса или в аподозиса, защото при тях времената в протазиса и аподозиса не са в логическа връзка и поради това не се съотнасят помежду си. Останалите малко повече от четиридесет комбинации се разделят на две ясно разграничими групи – едната – съответстваща на последователността на времената и изобилстваща на множество примери в текстовете, и другата – включваща много по-малко примери и възможна в два случая – или когато липсва реално условие и времето в

аподозиса не е обвързано с времето в протазиса по правилата на *consecutio temporum*, последователността на времената, или когато дадено време, немаркирано по определен диференциален признак, се използва, за да замести друго, маркирано време, чрез синтагматична неутрализация[20]. Например комбинациите *si*+**Пл** – **Перф** или обратно *si*+**Перф** – **Пл**, *si*+**Бпр**– **Пл** или обратно *si*+**Пл** – **Бпр** не се срещат, освен когато поради неутрализация по признака „миналост“[21] едно време, немаркирано по този признак, замества маркираното време (**Перф** вместо **Пл**, **Бпр** вместо **БпрвМ**.)

Повечето изследвания и граматики отделят внимание на последователността на времената единствено при подчинените изречения с подчинително наклонение. Ако индикатив изобщо се отбелязва в тази връзка, то обикновено е, като само се споменава, че и при изявително наклонение има някаква последователност на времената, без да се изяснява каква.

Тази неизследвана тема е сложна, защото в латинския заради компенсацията инвентарът на времената в немаркирания индикатив е два пъти по голям, отколкото в маркирания конюнктив[22]. Казано накратко, според нас, ако в аподозиса има неминало време (**Сег**, **Перф**, **Бъд**, **Бпр**), в протазиса предварителност спрямо момента на говорене се изразява с **Перф**, едновременност – със **Сег**, следходност – с **Бъд**, а предварителност спрямо действие, следходно на момента на говорене – с **Бпр**. Ако в аподозиса има минало време (**Имп**, **Аор**, **Пл**, **БвМ**, *praesens historicum*, *infinitivus historicus*), в протазиса предварителност спрямо миналия ориентационен момент се изразява с **Пл**, едновременност – с **Имп**, а следходност – с **БвМ**.

Както казахме обаче, възможно е някои от тези времена да бъдат заменени със съответните немаркирани времена чрез синтагматична неутрализация[23] – след неминало време предварителност да се изрази освен с **Перф** и със **Сег**, следходност – освен с **Бъд** – и със **Сег**, а предварителност спрямо действие, следходно на момента на говорене – освен с **Бпр** – с **Бъд**, **Перф** или **Сег.** След минало време предварителност може да се изрази освен с **Пл** с **Перф**, **Имп**

---

[20] За теорията на граматичните опозиции, диференциалните признаци, маркираността и неутрализацията вж. Gerdzhikov, G. 2000.

[21] В тази работа ще използваме неточния термин „миналост“, за да останем в традицията на латинските граматики, които определят **Имп** и **Пл** като минали времена. Всъщност става дума за диференциалния признак, който Г. Герджиков нарича „индиректност“ (напр. Gerdzhikov, G. 2000), доколкото маркираните по този признак времена не се ориентират директно към момента на говорене, а към минал ориентационен момент.

[22] Срв. т. нар. преизказно наклонение в българския, в което времената са по-малко от времената в немаркираното изявително наклонение. За компенсацията вж. Gerdzhikov, G. 1984, pp. 189 – 207, за действието ѝ при преизказните форми в български – Gerdzhikov, G. 1984, pp. 207 – 221.

[23] Хофман (Leumann, Hofmann & Szantyr 1964, p. 661) неоснователно отдава случаите на неутрализация на „смесване на различни конструкции, каквото се преизвиква особено от свободната употреба на времената в разговорния език“.

или **Сег**, едновременност – освен с **Имп** – със **Сег**, а следходност – освен с **БвМ** – с **Бъд**, **Имп** или **Сег**.

В примерите **Сег** се среща най-често, защото е немаркирано и по трите диференциални признака „миналост“, „предварителност“ и „следходност“ и затова може да се използва не само за да изрази едновременност спрямо неминало време, а и за да замести чрез синтагматична неутрализация всички останали времена. Единично маркираните **Перф**, **Бъд** и **Имп** са следващи по честота, защото могат да заместват само двойно маркираните **Пл**, **БвМ** и **Бпр**. Самите двойно маркирани времена могат да заместват единствено лиспващото в латински **БпрвМ**.

Нека да илюстрираме всичко това с примери. Времето както в протазиса, така и в аподозиса може да изразява едновременност, предварителност, следходност или предварителност спрямо действие, следходно на даден ориентационен момент, който от своя страна може да бъде моментът на говорене (**МГ**) или минал ориентационен момент, за който се говори (**ММ**). Нека започнем с четирите случая, когато времената се ориентират спрямо момента на говорене.

1. Ориентационен момент е моментът на говорене

1.1. Времето в двете части на периода изразява едно и също

1.1.1 Времето и в двете части на периода изразява едновременност спрямо **МГ.** В двете части на условния период има сегашно време. Това е възможно както при принципно, генерално условие (6), така и при конкретно (7).

(6) Pecunia est ancilla, si scis uti; si nescis, domina. (Appendix Syri Sent. 47) – Парите са слуги, ако знаеш да ги използваш; ако не знаеш, са господари.

(7) Si istaec vera sunt, non metuo. (Pl. As. 242) – Ако тези неща са истина, не се страхувам.

Както казахме, **Сег** е най-немаркираното време и в много случаи **Сег** – **Сег** не изразява едновременност в протазиса и аподозиса, а следходност, предварителност или предварителност спрямо действие, следходно на **МГ** в едното или в двете изречения. Ще видим примери за такава неутрализация на дадено време със **Сег** по-долу.

1.1.2 Времето и в двете части на периода изразява предварителност спрямо **МГ**: **Перф** – **Перф** (8).

(8) Interii, si ille abiit. (Pl. Pseud. 910) – Загинал съм, ако той си е отишъл.

Перф е немаркиран по признаците „миналост“ и „следходност“ и може да не изразява предварителност спрямо **МГ** в протазиса и аподозиса, а предварителност спрямо **ММ** (заместваики **Пл**) или предварителност спрямо действие, следходно на **МГ** (заместваики **Бпр**) в едното или в двете изречения.

От друга страна, самият перфект може да бъде заместен чрез синтагматична неутрализация по признака „предварителност“ от **Сег** и вместо **Перф** – **Перф** да се срещне **Перф** – **Сег** (9), **Сег** – **Перф** и дори **Сег** – **Сег**.

(9) Si umquam di voluere, tum me servatum volunt. (Pl. Pseud. 905) – Ако боговете някога са искали да ме спасят, тогава го искат [вм. тогава са го искали].

1.1.3 Времето и в двете части на периода изразява следходност спрямо **МГ**: **Бъд** – **Бъд**. Подобно на **Сег**, и **Бъд** може да изразява както принципно, генерално условие (10), така и конкретно (11).

(10) Contumeliam si dices, audies (Plaut. Pseud. 1173) – Ако изречеш обида, ще чуеш [обида].

(11) Certum erit, si Sextus in armis permanebit. (Cic. Att. 14,13,2) – Със сигурност ще се случи, ако Секст ще остане въоръжен.

В ролята на **Бъд** влиза и **Сег** на con. periphrastica (12):

(12) Aut futurum est aut non: si futurum est, fiet [...], si non est futurum [...], non fiet. (Sen. N. Q, 2. 37.) – Или ще се случи, или няма да се случи: ако ще се случи, ще стане [...], ако не ще се случи, няма да стане.

Бъд е немаркирано по признаците „миналост“ и „предварителност“ и в редица случаи не изразява следходност спрямо **МГ** в протазиса и аподозиса, а следходност спрямо **ММ** (заместваики **БвМ**) или предварителност спрямо действие, следходно на **МГ** (заместваики **Бпр**) в едното или в двете изречения.

От друга страна, когато Kühner 1976, p. 392 и Leumann, Hofmann & Szantyr 1964, p. 660 отбелязват, че за изразяване на следходност в двете части на условния период **Сег** – **Бъд** се явява по-често от **Бъд** – **Бъд**, всъщност това изобилие на примери се дължи на неутрализация на самото **Бъд** от **Сег** по признака „следходност“ в протазиса (13), аподозиса (14) или в двете изречения (15)[24].

(13) Si mihi dantur duo talenta [...], hanc tibi noctem [...] dabo. (Pl., As. 193 – 194) – Ако ми бъдат дадени два таланта [...], ще ти дам тази нощ.

(14) Si erit occasio, haud dehortor. (Pl. Capt. 209) – Ако ще има възможност, не го обезкуражавам.

(15) Si obtines, salvi sumus. (Pl. Asin. 320) – Ако го получиш, ние сме в безопасност.

Неутрализацията на **Бъд** със **Сег** е съвсем видима в примерите, в които **Сег** и **Бъд** се срещат заедно в протазиса (16)[25].

---

[24] Bennett (1910, pp. 60, 65) разграничава случаите на **Сег** за действие, едновременно на **МГ**, и на **Сег** в смисъл на **Бъд** и така имплицитно разграничава и примерите за **Сег** – **Бъд** от типа „Ако учиш, ще сполучиш“ и тези, при които **Сег** – **Бъд** е употребено вместо **Бъд** – **Бъд** поради неутрализация.

[25] Случаите, в които две времена се срещат заедно, са показателни за това кое време е заместено при неутрализацията. Има такива примери в протазиса, например **Перф** и **Сег** (Pl. Capt.

(16) Si hoc omitto ac tum agam ubi illinc rediero, nil est. (Ter. Ad. 232) – Ако пропусна това и ще се заема с него, [чак] когато ще съм се върнал оттам, няма смисъл.

Обратно на мнението на Кюнер и Хофман Ерну и Тома смятат, че когато двата члена на една условна фраза се отнасят до бъдещето, обикновено и единият, и другият са в **Бъд**. Според тях „Индикативът на сегашно време се появява, за да означи непосредствено предстоящия характер на условието“[26]. Това твърдение се опровергава от многобройните примери за заместване на **Бъд** със **Сег**, при които не става дума за непосредствено предстоящо действие.

1.1.4 Времето и в двете части на периода изразява предварителност спрямо действие, следходно на **МГ**

Случаят на **Бпр** в двете части на периода (17), (18), (19) е по-рядък (според Хофман се среща рядко, макар и равномерно от Плавт до Цицерон[27]), защото **Бпр** е най-маркираното време в плана на неминалото – то е маркирано и по признака „следходност“, и по признака „предварителност“, така че означава предварителност спрямо действие, следходно на **МГ**. Затова то може да бъде заместено чрез неутрализация от всички времена в плана на неминалото – **Бъд**, **Перф** и **Сег**.

(17) Si dixero mendacium, solens meo more fecero. (Pl. Amph. 198) – Ако ще съм казал [т. е. ако кажа] лъжа, ще съм постъпил [т. е. ще постъпя] по обичайния си начин.

(18) Vehementer mihi gratum feceris si hunc adulescentem humanitate tua comprehenderis. (Cic. Fam. 13.15) – Ще си ми направил [т. е. ще ми направиш] голяма услуга, ако ще си приел [т. е. приемеш] този младеж с твоята обичайна любезност.

(19) Si te ad studia revocaveris, omne vitae fastidium effugeris (Sen. Tranq. 3, 6). – Ако ще си се върнал [т. е. се върнеш] към учението, ще си избягал [т. е. ще избягаш] от всичката умора от живота.

В пример (20) с **Бпр** в протазиса в аподозиса се срещат паралелно **Бъд и Бпр**, което ясно показва, че става дума за неутрализация на **Бпр** с **Бъд**.

(20) Satis erit […] praesidi magnaque cura et sollicitudine Atticum et me liberaris, si hoc […] susceperis […] (Cic. Att. 15,14,3) – Това ще бъде достатъчна защита […] и ще си освободил [т. е. ще освободиш] от големи грижи и тревоги Атик и мен, ако ще си се зает [т. е. се заемеш] с това […]

1034, Pl. Truc. 40, Ter. And. 41, Ter. Hec. 560, както и пример (28), **Сег** и **Бъд** (Pl. Pseud. 143, Ter. Ad. 232), **Бъд** и **Бпр** (Pl. Ad. 979, както и пример (20).

[26] Ernout & Thomas 1964, pp. 375 – 376.

[27] Leumann, Hofmann & Szantyr 1964, p. 661.

По същия начин се срещат **Бпр** – **Перф** (21), **Перф** – **Бпр**, **Сег – Бпр** (22), **Бпр** – **Сег**, а в пример (23) срещаме неутрализация и на **Бъд** със **Сег**, и на **Бпр** с **Перф**.

(21) Perii [**Перф** вместо **Бпр**]*, si me aspexerit. (Pl. Amph. 320) – Загинал съм, ако ще ме ме е видял.*

(22) Si nequeo [**Сег** вместо **Бпр**] *facere, abiero. (Trin. 607) – Ако не мога да го направя, ще съм си тръгнал.*

(23) Si vincimus [**Сег** вместо **Бъд**]*, omnia nobis tuta erunt; sin metu cesserimus* [**Перф** вместо **Бпр**]*, eadem illa advorsa fient (Sall. Cat. 58) – Ако победим, всичко ще бъде сигурно за нас; ако [ще] сме се поддали на страха, същите неща ще се обърнат срещу нас.*

1.2. Времето в двете части на периода изразява различно отношение спрямо МГ

1.2.1 *Si*+едновременност – следходност спрямо **МГ**: **Сег** – **Бъд** (24), рядко **Бъд** – **Сег**, като в последния случай често става дума за модален глагол в протазиса, който има бъдещ смисъл, напр. *oportet*, или за случаи като (25), при които е спорно доколко става дума за истинско условие.

(24) Si voltis, faciam. (Pl. Amph. 54) – Ако искате, ще го направя.

(25) Si ergo petet Fadius, ei volo reddi, praeter Fadium nemini. (Cic. Att. 15,15,1) – И тъй, ако Фадий ще си поиска парите, искам да му бъдат върнати, но на никой друг освен на Фадий[28]

Хофман отбелязва, че комбинацията *si*+**Бъд** – **Сег** се среща във всички епохи, но рядко[29]. Не е ясно обаче дали има предвид случаи, в които става дума за реалното отношение следходност – едновременност, или случаите на синтагматична неутрализация на **Сег** вместо **Бъд** както в (13), (15) и (23). В примерите, които самият Хофман посочва, не става дума за реално условие и те не могат да бъдат показателни за употребата на времената.

1.2.2 *Si*+предварителност – едновременност спрямо **МГ**: **Перф** – **Сег** (26), по-рядко обратното (27).

(26) Si dens condoluit, ferre non possumus. (Cic. Tusc. 2, 52) – Ако ни е заболял зъб, не можем да го търпим.

(27) Si homines rationem bono consilio a dis immortalibus datam in fraudem malitiamque convertunt, non dari illam quam dari humano generi melius fuit. (Cic. N. D. 3 , 78) – Ако хората използват разума, даден им от безсмърт-

[28] Срв. коментара към това място на Bodelot (2013, p. 13): „В този случай глаголът в сегашно време е винаги семантично ориентиран към бъдещето както глаголът *volo* тук“.

[29] Leumann, Hofmann & Szantyr 1964, p. 661.

ните богове за взимане на добри решения, за измама и злодеяния, е било по-добре да не бъде даден на човешкия род, отколкото да бъде даден[30].

Перф може да бъде заменен от **Сег** чрез неутрализация по признака „предварителност".

1.2.3 *Si*+предварителност – следходност спрямо **МГ**: **Перф** – **Бъд** (28), по-рядко обратното.

(28) Si quis oriente Canicula natus est, in mari non morietur (Cic. Fat. 12) Ако някой е роден в асцедента на Кучето [=Сириус], той няма да умре в морето.

Перф може да бъде заменен от **Сег** чрез неутрализация по признака „предварителност", а **Бъд** – от **Сег** чрез неутрализация по признака „следходност".

1.2.4 *Si*+предварителност – предварителност спрямо действие, следходно на **МГ**

При **Перф** – **Бпр** обикновено става дума за замяна на **Бпр** с **Перф** чрез неутрализация, както в (21) и (23).

1.2.5 *Si*+ предварителност спрямо действие, следходно на **МГ** – едновременност спрямо **МГ** или обратно.

При **Бпр** – **Сег** обикновено става дума за замяна на **Бъд** или **Бпр** със **Сег** чрез неутрализация, срв. пример (22).

1.2.6 *Si*+ предварителност спрямо действие, следходно на **МГ** – следходност спрямо **МГ** – **Бпр** – **Бъд** (29) или обратно (30).

(29) Credam, si videro. (Pl. Asin. 837) – Ще повярвам, ако ще съм видял.

(30) Si te aequo animo ferre accipiet, neclegentem feceris. (Ter. Ad. 817) – Ако той ще види, че я гледаш равнодушно, ще си го направил небрежен.

Бпр често се заменя чрез неутрализация от **Перф** и в протазиса (31), и в аподозиса (32). То може да се замени и от **Бъд** (33) и **Сег**.

(31) Si parum intellexti, dicam denuo. (Pl. Rud. 1103) – Ако не си разбрал, ще го повторя.

(32) Cui si esse in urbe tuto licebit, vicimus. (Cic. Att. 14, 20, 3) – Ако за него ще бъде безопасно да бъде в града, сме победили.

(33) Si mihi probabis ea, quae dices, libenter assentiar (Cic. Fin. I, 8, 28) – Ако ще ми докажеш [**Бъд** вместо **Бпр**] *нещата, които ще кажеш, на драго сърце ще се съглася с теб.*

---

[30] Тези по-редки случаи са възможни, защото не става дума за истинско условие. В (27) явно се подразбира нещо като „следователно" – „Ако хората използват разума за измама и злодеяния, излиза, че е било по-добре [...]".

2. Ориентационен момент е минал момент

2.1 Времето в двете части на периода изразява едно и също

2.1.1 Времето и в двете части на периода изразява едновременност спрямо **ММ**

Когато времето и в протазиса, и в аподозиса изразява едновременност с **ММ**, в двете части на условния период се употребява **Имп** (34).

*(34) Pedites, si quid **erat** durius, **concurrebant** (Caes. B. G. 1, 48, 6) – пехотинците **се притичваха** [на помощ], ако **имаше** нещо по-трудно.*

Имп може да бъде заместен чрез неутрализация на признака „миналост“ от **Сег**. Това обаче е рядко[31] и по-често става дума за липса на истинско условие, а вместо това протазисът е общо изказване (35).

(35) Iam tum erat senex, senectus si verecundos facit. (Ter. Phorm. 1023) – Още тогава беше старец, ако старостта прави хората скромни.

2.1.2 Времето и в двете части на периода изразява предварителност спрямо **ММ**

Този случай почти не се среща и, както видяхме, комбинацията **Пл** – **Пл** липсва в списъците на Бенет и Хофман.

2.1.3 Времето и в двете части на периода изразява следходност спрямо **ММ**

Комбинацията **БвМ** – **БвМ** (36) е рядка, тъй като **БвМ** е маркирано по признаците „миналост“ и „следходност“ и обикновено се замества от **Имп**, **Бъд** или **Сег**.

(36) Ad Hellespontum obsistendum, ne in Asiam traiceremus, si pacem tamquam ab sollicitis de belli eventu petituri eratis. (T. L. 37, 36.) – Трябваше да ни задържиш при Хелеспонт, да не преминем в Азия, ако щяхте да търсите мир от нас като от хора, загрижени за изхода на войната.

2.1.4 Времето и в двете части на периода изразява предварителност спрямо действие, следходно на **ММ**

Тъй като в латинския няма **БпрвМ** и дори описателно то може да се предаде единствено в медио-пасив, обикновено се замества с **Пл**, по-рядко с други времена.

2.2 Времето в двете части на периода изразява различно отношение спрямо ММ

2.2.1 *Si*+едновременност – следходност спрямо **ММ** или обратно

Случаите на **Имп** – **БвМ** са редки и често не става дума за истинско условие, така че в аподозиса е възможно всякакво време (37).

---

[31] Според Leumann, Hofmann & Szantyr (1964, p. 660) комбинацията **Сег** – **Имп** е рядка и се среща главно в архаичния латински, отделни места в класическия.

(37) Si ille tali ingenio exitum non reperiebat, quis nunc reperiet? (Cic. Att. 14, 1, 1) – Ако този човек с такъв талант не намираше изход, кой ще го намери сега?

Рядко е и **БвМ** – **Имп**, защото *si*-изречението като условие трябва да е предварително или едновременно, не следходно спрямо времето в аподозиса. Изключението е в писмата, където времената се употребяват от времевата гледна точка на читателя. В пример (37) *placebat* е имперфект защото Цицерон пише от времевата гледна точка на адресата, но по същата причина *videbitur* трябваше да бъде в **БвМ**, а е в **Бъд** поради неутрализация.

(38) Quod si haec ratio [...] periculosa tibi esse videbitur, placebat illud. (Cic. Fam. 1, 7, 6) – Ако този подход ще ти се стори опасен, му харесваше онова [...]

Причината случаите на **Имп** – **БвМ** да са редки, е в неутрализацията на **БвМ** с **Бъд** и **Имп**, така че се получават комбинациите **Имп** – **Бъд** и **Имп** – **Имп** (39).

(39) Sicubi eum satietas hominum, aut negoti siquando odium ceperat [...], tum me convivam solum abducebat sibi. (Ter. Eun. 403 – 407) – Ако се наситеше на хора или ако някога се умореше от работата, щеше да ме вземе [в текста *abducebat* е **Имп**] *като единствен свой спътник.*

2.2.2 *Si*+предварителност – едновременност спрямо **ММ** – **Пл** – **Имп** (40) или обратно.

(40) Tum enim magistratum non gerebat is qui ceperat, si patres auctores non erant facti. (Cic. Planc. 3.) – Тогава този, който заемаше някаква длъжност, не започваше да я изпълнява, ако сенаторите не го бяха одобрили.

2.2.3 *Si*+предварителност – следходност спрямо **ММ** или обратно

Рядко се среща **Пл** – **БвМ**, защото **БвМ** обикновено се замества чрез неутрализация от **Имп** (41).

(41) Si nullum iam ante consilium de morte ac de bonis eius inieras [...], ad te minime omnium pertinebat. (Cic. Rosc. Am. 34.) – Ако още преди това не беше взел решение за неговата смърт и за имуществото му, това те засягаше най-малко от всички.

2.2.4-5-6 Случаите с предварителност спрямо действие, следходно на **ММ**

В латинския език липсва синтетична форма за **БпрвМ**, а аналитична може да се образува единствено в медио-пасив. Затова комбинациите *si*+предварителност – предварителност спрямо действие, следходно на **ММ**, *si*+предварителност спрямо действие, следходно на **ММ** – едновременност спрямо **ММ** и *si*+предварителност спрямо действие, следходно на **ММ** – следходност спрямо **ММ** не се срещат, освен в редките случаи, когато **БпрвМ** е заместено от **Пл**, по-рядко от друго време.

В заключение можем да обобщим, че установихме, че в латинските условни изречения с индикатив се употребяват почти всички времена (**Аор** е рядък), но съвсем не във всички възможни комбинации. Посочихме комбинациите, които се срещат често, тези, които се срещат рядко и причините за това. Възможните комбинации зависят от последователността на времената, а изключенията се дължат или на липса на истинско условие, която прави възможна употребата на всякакво време, или на синтагматична неутрализация, при която едно немаркирано време може да замени маркираното по даден диференциален признак.

Тези резултати са важни както за бъдещи изследвания на употребата на времената в т. нар. зависими условни периоди и в условните периоди в косвена реч, така и като илюстрация на последователността на времената при индикатив, която не е достатъчно проучена.

ЛИТЕРАТУРА

ГАНДЕВА, Р., МИЛЕВ, Ал., БРАТКОВ, Й. & ПОРТАЛСКИ, М., 1975. *Латинска граматика*, София: Наука и изкуство.

ГЕРДЖИКОВ, Г., 1984. *Преизказването на глаголното действие в българския език*. София: Наука и изкуство.

ГЕРДЖИКОВ, Г., 2000. Организацията на многочлените морфологически парадигми. *Език и литература*, (1), 150–179 (= Герджиков, Г. *Избрани студии и статии по езикознание*. София, 2013, 113–151).

REFERENCES

ALLEN, J. H., 1903. *Allen and Greenough's New Latin grammar for schools and colleges*, edited by J. B. Greenough, G. L. Kittredge, A. A. Howard, and B. L. D'Ooge, Boston.

BENNETT, Ch. E., 1910. *Syntax of Early Latin*. Vol. I – The Verb. Boston, Allyn & Bacon.

BERTOCCHI, A. & MARALDI, M., 2011. Conditionals and concessives, In: P. CUZZOLIN and P. BALDI (eds.), *New Perspectives on Historical Latin Syntax*, 4 *Complex Sentences, Grammaticalization, Typology*, 93–193. Berlin–New York, 2011 (Trends in Linguistics. Studies and Monographs 180.4).

BODELOT, C., 2013. Étude synchronique des propositions subordonnées circonstancielles en SI dans la Correspondance de Cicéron. *De lingua Latina*, (9), 1 – 26.

CALERO, F. C. & COSSÍO, M. J. E., 1976. Estudio estructural del sintagma condicional latino con la prótasis en indicativo. *Saitabi: revista de la Facultat de Geografia i Història*, (26), 213–230.

DANCYGIER, B., 1998. *Conditionals and Prediction*: Time Knowledge and Causation in Conditional Constructions, Cambridge University Press (Cambridge Studies in Linguistics 87).

ERNOUT, A. & THOMAS, F., 1964. *Syntaxe latine*, Paris: Klincksieck.

GANDEVA, R., MILEV, Al., BRATKOV, Y. & PORTALSKI, M., 1975. *Latinska gramatika*, Sofia: Nauka i izkustvo.

GERDZHIKOV, G., 1984. *Preizkazvaneto na glagolnoto* deistvie v balgarskia ezik *(Renarration of the Verb Action in the Bulgarian Language).* Sofia: Nauka i izkustvo.
GERDZHIKOV, G., 2000. Organizatsiyata na mnogochlennite morfologicheski paradigmi (The Organization of Polynomial Morphological Paradigms). *Ezik i literatura*, (1), 150–179 (= Gerdzhikov, G. *Izbrani studii i statii po ezikoznanie*. Sofia, 2013, 113–151).
KÜHNER, R., 1976. *Ausführliche Grammatik der lateinischen Sprache*, 2. Teil: *Satzlehre*, 2, neubearb. v. C. Stegmann, mit Zusätzen und Berichtigungen von A. Thierfelder, 5. Aufl. Darmstadt 1976.
LEUMANN, M., HOFMANN, J. B. & SZANTYR, A. 1964, *Lateinische Grammatik*. Bd. II. *Lateinische Syntax und Stilistik*. Munchen: Verlag C. H. Beck. (Handbuch der Altertumswissenschaft II, 2, 2).
PINKSTER, H. 2015. *Oxford Latin Syntax.* Vol. 1. *The Simple Clause*. Oxford University Press.
WOODCOCK, E. C., 1959. *A New Latin Syntax*. Cambridge (Mass.): Harvard University Press.

Prof. Anastas Gerdzhikov, D. Sc.
ORCID: 0000-0002-1554-1737
Web of Science Researcher ID: OYD-7412-2025
Department of Classical and Modern Philology
Sofia University St. Kliment Ohridski
Sofia, Bulgaria
e-mail: a.gerdjikov@uni-sofia.bg

https://doi.org/10.60056/SE.2026.1.136-138

Енчо Тилев. *Повърхнинният падеж в руския език: валентност и потенции.* Пловдив: Макрос, 2025. 288 с. ISBN 978-954-561-639-6.

The analysis fosuces on the cases in the Russian language and their research. In the first part of the monograph, a detailed review of the concepts of cases since antiquity is made, then in the first grammars of the Church Slavonic language, followed by developments in Russian linguistics from Lomonosov to modern generalizing works on Russian grammar. The author has also devoted space to a significant overview of the evolution of the interpretations of this grammatical category in the Bulgarian language. In the second part of the monograph, a synchronous description of the cases in the modern Russian language is offered, and for each of the cases an analysis of its formal and semantic evolution in comparison with the Old Bulgarian and Old Russian languages is provided.

Key words: Russian language, Bulgarian language, case, description of the research on cases, valencies and potencies of cases, evolution of the case system

Наред с обстойното разглеждане на падежите в руския език авторът е отделил място и на значителен по обем обзор относно еволюцията в трактовките на тази граматическа категория в българския език, като се започва от първата новобългарска граматика на Неофит Рилски (1835) и се стига до някои от най-съвременните трудове по българска граматика (трудове на Стоян Стоянов, Петър Пашов, Станьо Георгиев, Иван Куцаров, Руселина Ницолова, Константин Куцаров).

Монографията на Енчо Тилев *Повърхнинният падеж в руския език: валентност и потенции* се състои от две части: Първа част – *Падежът като обект на граматична дескрипция* (9–189); Втора част – *Падежната система в руския език (диахронно-синхронни паралели)* (190–255). Налице са още Предисловие, Заключение и Цитирана литература.

Първата част включва 4 глави: Падежът в дескрипцията на езиците в древността; Падежът в първите граматики на църковнославянския език; Дескрипция на падежите в руската лингвистика; Дескрипция на падежите в българската лингвистика. Втората част, която е по-кратка, има три глави: Теоретични бележки за падежа; Валентности и потенции на повърхнинните падежи в руския език; Актуални тенденции при безпредложните и предложните падежни употреби.

Както може да се заключи, първата и по-голяма като обем част на изложението има описателен характер. Описанието на концепциите за падежа обхваща изключително дълъг интервал от време – започва се от античността, минава се през първите граматики на църковнославянския език, методично се проследява описанието на падежите в руската лингвистика, като и тук диапазонът е твърде голям – от Ломоносов до съвременните обобщаващи трудове по руска граматика, и се достига до обзора, който отбелязахме по-горе – описание на разбиранията за падежите в българската лингвистика.

От граматическите трудове в руската лингвистика повече място е отделено на „Пространная русская грамматика“ на Н. И. Греч (1827), с която, както пише авторът, „се поставя началото на по-задълбоченото теоретично осмисляне на езиковите факти“ (с. 65), на граматическите трудове на А. Х. Востоков (1831), на Ф. Ф. Фортунатов, В. А. Богородицки, А. А. Шахматов, А. И. Пешковски и др. Направено е подробно описание на граматическото учение на В. В. Виноградов (1. изд. 1947) – особено във връзка със значенията и функциите на родителния падеж (87–92).

Тази част от монографията има приносен характер най-малко по две причини: (1) описват се в хронологична последователност голямо количество трудове, някои от които труднодостъпни за читателите, без да се дава предимство на някои от тях; (2) описанието е максимално сгъстено и обективизирано, в повечето случаи липсват каквито и да е било авторови внушения и съпоставки. Трябва да си даваме сметка за трудностите, които неизбежно са съпътствали работата на автора: необходими са, от една страна, задълбочени знания по история на лингвистиката, а от друга страна, талант да се подреди и разкаже огромното количество информация по начина, по който е сторено в монографията. Илюзия е, че историографските лингвистични трудове отстъпват в научно отношение пред теоретичните съчинения. Това е толкова по-важно за отбелязване, като имаме предвид, че авторът е сравнително млад учен, който тепърва има да прави натрупвания от лингвистични знания и опит. Първата част на труда заслужава одобрение и заради избора на темата, т.е. заради това, че историята на концепциите за падежа в световната, руската и българската лингвистика е в голяма степен история на лингвистиката и на лингвистичните учения изобщо.

За отбелязване е и скрупульозното отношение към историята на българската граматическа мисъл: не са пропуснати дори някои български граматики от второстепенно значение, отпечатани преди Освобождението и до началото на XX век, чиито автори, обикновено без задълбочена филологическа подготовка, дори сами не са си поставяли някакви по-специални научни задачи. Общо на вниманието на автора са 38 граматически труда плюс едно сравнително пълно изложение на голямата дискусия за падежите през 50-те години на XX век, предизвикана от теоретичните различия между Любомир Андрейчин и Александър Теодоров-Балан. Било е възможно да се коментират някои трудове на български лингвисти от най-ново време, които забелязват наченки у Балан на теория за семантичните падежи, макар някои от заключенията в това отношение да са в известна степен пресилени.

Пропуснати са без обяснение редица училищни граматики, подготвени в периода след Освобождението до петдесетте години на XX век. Дори да не се отличават с някакви особени приноси, те имат определено значение за българската граматическа мисъл, защото обслужват за немалък интервал от време училищното образование по български език в България. Имаме предвид граматики на Ив. Топков, Кл. Карагюлев, Д. А. Шопов, Хр. Иванов, Ив. Кравков, както и двете граматики за първи и втори клас на Манол Иванов. Внимание заслужават и училищните граматики на Л. Андрейчин от 1942 и от 1945 г.

Във втората част на монографията се прави синхронно описание на падежите в съвременния руски език, като за всеки от тях е направен и анализ относно неговата формална и семантична еволюция в сравнение със старобългарското и староруското състояние. Прави добро впечатление, че някои от авторовите наблюдения се основа-

ват на данни, извлечени от Националния корпус на руския език. Поставя се въпросът за евентуалното възникване на нов звателен падеж въз основа на честотността на форми като *Оль, Кать, мам* и под. Струва ни се, като имаме предвид и състоянието на звателните форми в българския език, че въпросът се поставя неправилно: възникват в разговорната реч нов тип форми за обръщение, а не за парадигматичен звателен падеж. Така нар. „усечени“ форми за обръщение биха могли да се поставят в съответствие с инвазията на обръщения, образувани с умалителни форми в българската реч, напр. вм. *Иване – Ванка,* вм. *Антоне или Антоането – Тони,* срв. още *Марги, Лили, Краси* и т.н. Руските „усечени“ форми, подобно на българските умалителни форми, имат положителна конотация, употребяват се като гальовни форми за осъществяване на контакт между близки хора.

Авторът дължи обяснение защо при разглеждането на въпроса за падежната конкуренция в съвременния руски език не се е позовал на редица трудове на руски автори, свързани с разглеждането на съвременните тенденции в граматиката на руския език, а именно унификацията на склоненията и съкращаването на именните парадигми. Имаме предвид трудове на Н. С. Валгина („Активные процессы в современном русском языке“, 2003), М. Я. Гловинская („Имена. Тенденция к унификации склонений и сокращению парадигм“ в „Современный русский язык. Активные процессы на рубеже XX – XXI веков“, 2008), Н. В. Юдина („Русский язык в XXI веке: кризис? эволюция? прогресс?“, 2010) и др. Не е разгледана дори в критичен аспект монографията на Л. Дончева-Марева „Аналитични прояви в системата на съвременния руски език в съпоставителен план с някои други езици“ (1985). Вероятно авторът не е искал да повтаря това, което доста подробно вече е разгледал в книгата „Морфологична (не) категориалност“ (2022), поставили са се напр. въпросът за семантичните роли и въпросът за категориалните и некатегориалните значения на шестте падежа, както и въпросът за еволюционните процеси към аналитизъм в руския език (105–150). Това обаче можеше да бъде уговорено.

Авторът Енчо Тилев е от младото поколение лингвисти в Пловдивския университет „Паисий Хилендарски“. Това е неговата втора монография след цитираната по-горе впечатляваща с обема си книга от 450 страници. На Енчо Тилев принадлежат още съставителството и редакцията на няколко сборника, както и преводът от немски на български език на капиталния труд на Любомир Милетич „Die Rodopemundarten der bulgarischen Sprache“ (Wien, 1912) – „Родопските говори на българския език“, издаден от издателство „Изток-Запад“ през 2013 г. За отбелязване е, че този превод е осъществен от Енчо Тилев още като студент в магистърската програма по актуална българистика на Пловдивския университет.

Prof. Stoyan Burov, DSc
ORCID ID: 0009-0008-0508-9215
St. Cyril and St. Methodius University
of Veliko Tarnovo
Veliko Tarnovo, Bulgaria
e-mail: s.burov@ts.uni-vt.bg; stobur@abv.bg

https://doi.org/10.60056/SE.2026.1.139-141

Елена Меснянкина. *Языковая игра в дискурсе неофициального Интернета.* София: Парадигма, 2024. 189 с.

This book presents a study of language games (LG) in informal communication discourse in the unofficial segment of the Russian internet space, where digital hybrid entertainment genres in banner format (a term proposed by the author) are widely represented. In the monograph, their comic examples are considered as an integral element of the written form of online communication, as a source of original expression and witty humour. Over 600 amusing microtexts (230 used in the monograph) created by anonymous authors are analysed. Particular attention is paid to the sociocultural and psychological factors that influence the playful communicative act.

Keywords: language game, Russian internet space, informal communication

Монография Елены Меснянкиной *Языковая игра в дискурсе неофициального Интернета* посвящена интересной и актуальной теме, а именно: языковой игре (далее ЯИ) в дискурсе неформальной интернет-коммуникации, на площадке которой активно распространяются гибридные развлекательные жанры баннерного формата. Как известно, всемирная паутина представлена как неразрывное на сегодняшний день дополнение живой реальности, превращаясь в специфический параллельный вариант времяпровождения. В ее пределах язык становится основным двигателем не только виртуального общения и распространения злободневной информации, но и порождения эмоций, высказывания оценки и формирования позиций со стороны неограниченной аудитории.

Монография представляет собой многоаспектное интердисциплинарное исследование лингвистических и стилистических особенностей авторских текстов комического характера, распространенных в дигитальных гибридных развлекательных жанрах, которые сопутствуют неформальному общению на широких просторах Интернета. Выбор темы мотивирован направленностью лингвистики на анализ языка в условиях его реального функционирования.

Анализ основан на большом корпусе иллюстративного языкового материала – обработано свыше 600 комических образцов, созданных анонимными авторами на основе ЯИ: постеров, мемов, демотиваторов, „аткрыток“ и др. Примеры эксцерпированы в течение последних 10 лет с русских сайтов. Анализ обыгрываемых в них лексических единиц проведен с тщательностью и высокой степенью глубины. Е. Меснянкина прослеживает языковой и внеязыковой контекст, социальный профиль участников общения, культурные и психологические факторы, конструирующие игровой коммуникативный акт, который выступает основным источником юмора в сети.

ЯИ для пользователей представляется как неповторимая возможность экспликации творческих усилий сетевого человека „жонглировать“ лингвистическими правилами и стилистическим потенциалом языковых единиц, анализ которых осуществля-

ется путем наблюдений над лексико-семантическим и грамматическим характером игровой трансформации, жанровой принадлежности текста, целей и намерений субъектов виртуального речевого взаимодействия, наличием экстралингвистических компонентов в структуре текста.

Монография имеет следующую структуру: введение, три главы (*Словотворчество в Интернете. Языковая игра в дигитальных гибридных развлекательных жанрах. Лексико-семантические приемы языковой игры в Интернете*), заключение и список использованной литературы.

Во *Введении* сформулированы объект и предмет исследования, а именно: проявления и функционирование ЯИ в Интернете наряду с лингвистическими и экстралингвистическими механизмами ее создания. В дальнейшем объект подвергается детальному анализу параллельно со стилистическими функциями игровых трансформов, именуемых далее в тексте игремами.

В *Главе первой* описываются особенности Интернета как информационного пространства и места для неформального общения и провождения досуга. Обосабливаются конструктивные характеристики виртуальных текстов как основная форма реализации виртуальной коммуникации (раздел 1.1.). В фокусе внимания автора находится лингвокреативный профиль сетевого человека и категория лингвокреативности в целом как уникальной возможности идентификации собственного оригинального, но анонимного, виртуальный образ, как возможность раскрыть себя, отстаивая свои позиции и мнение (раздел 1.2.). В данной главе разработан и понятийно-терминологический аппарат исследования, связанный с дифференцированием существующих подходов к определению ЯИ с точки зрения развлечения и смеха – важных компонентов современной интернет-культуры (раздел 1.3. и 1.4.). Последние два раздела сфокусированы на общих лингвистических и стилистических особенностях виртуальной ЯИ, которая рассматривается на фонетическом, орфографическом, графическом, словообразовательном и грамматическом уровнях (подразделы 1.5.1-1.5.3.). Обсуждается допустимость нарушения языковых и стилистических норм русского языка в развлекательных целях (подраздел 1.6.2.), употребление обсценной лексики в Интернете и ее влияние на внесетевой русский язык (подраздел 1.6.3.), а сами дигитальные гибридные развлекательные жанры представлены как оппозиция категорий серьезный (bona fide) – несерьезный (non-bona fide) вид коммуникации (подраздел 1.6.1.).

Вторая глава исследует типичные лингвостилистические и социокультурные особенности отдельных дигитальных развлекательных жанров. В описании семантического состава языковых трансформов указываются компоненты их информационного корпуса (раздел 2.4.). В качестве основы теоретического описания различных видов баннерных постеров представлены авторское понимание термина „дигитальный жанр“, которое основано на традиционных генристических теориях (раздел 2.1.), а также интерпретация явления креолицазии текста со специфическими для гипертекстового пространства Интернета особенностями. Предлагается классификация отдельных визуальных стилей креолизации кратких текстов (раздел 2.2.). В самостоятельном разделе (2.6.) впервые рассматривается новое для русскоязычного интернет-пространства явление @SlovoDna как жанр, основанный на многофункциональном богатстве псевдоэтимологических трансформаций. Автор приходит к выводу, что их цель заключается не только в реализации гедонистической и экспрессивной

функции текста, но и в различном взгляде на описываемую жизненную ситуацию, что приводит к неразрывной связи ЯИ с языковой картиной мира. Доказательством тому служит и типология разнообразных общественных сфер из реального мира (раздел 2.3.) и типология социокультурных реалий (раздел 2.5.), ставших объектом игрового интереса для пользователей.

Последняя глава посвящена случаям полисемантических, омонимических (раздел 3.2.) и паронимических (раздел 3.3.) лексико-семантических преобразований языковых единиц, а также использованию этих приемов для оригинальных трансформаций пословиц, поговорок, прецедентных текстов и крылатых фраз (раздел 3.4.). Среди выводов, связанных с ЯИ в Интернете, можно выделить ряд особенностей ее употребления по сравнению с другими, хорошо изученными дискурсами: возможность замены линейного нелинейным содержанием, малое количество примеров, включающих игремы-омофоны за счет компенсирующих их разнообразных видов омографов, авторское предпочтение к обыгрыванию ономастических реалий, широкое употребление имплицитных и эксплицитных парономазов, которые стилистически сталкиваются как в рамках русского языка, так и благодаря их сходству со словами из других языков и т.д.

В *Заключении* обобщаются основные результаты исследования, опираясь на которые можно утверждать, что ЯИ является ведущим инструментом в создании анализируемых жанров, а универсальный характер интеллектуально-познавательных процессов шифрования и дешифрирования комического в дискурсе неофициальной интернет-коммуникации определяет юмору важное место среди ее важных дискурсивных характеристик.

Рецензируемое научное исследование адресовано широкой читательской аудитории. Книга помогает лучше понять скрытые когнитивные процессы, формирующие представления о виртуальном пространстве и языке. Монография Е л е н ы М е с н я н к и н о й является результатом серьезных наблюдений над ЯИ в Интернете и представляет интерес как с точки зрения изучения современного русского языка, функционирующего во Всемирной сети, так и с точки зрения его преподавания студентам. *Языковая игра в дискурсе неофициального Интернета* обладает подчеркнуто ценностным характером и прикладным значением, так как может свободно использоваться как в обучении стилистике русского языка, так и в описании развития языка в эпоху дигитализации.

Исследовательница занимает достойное место среди современных болгарских русистов, внесших свой существенный вклад в изучение сложных, актуальных и многопластовых феноменов дискурса в интеркультурном аспекте.

Assist. Prof. Vladimir Manchev, PhD
ORCID ID: 0009-0004-2765-006X
Department of Russian Language
Sofia University “St. Kliment Ohridski”
Sofia, Bulgaria
e-mail: v_manchev@slav.uni-sofia.bg

https://doi.org/10.60056/SE.2026.1.142-144

Елена Крейчова, Надежда Сталянова. *Изследвания по славянска фразеология*. София: Издателство „Парадигма“, 2025. 128 с. ISBN 978-954-326-560-2

This review is based on Elena Krejčová and Nadezhda Stalyanova's book on Slavic phraseology, which brings together 13 scientific articles that the two authors published from 2014 to 2025. The included studies are organically connected not only because of their common focus on the semantic load, use and reception of phraseological units, but also because of the detailed clarification of the current dynamic processes of phraseology in contemporary Slavic languages.

Key words: lexicology, Slavic phraseology, dynamics.

През 2025 година от печат излезе книгата *Изследвания по славянска фразеология*, дело на Елена Крейчова и Надежда Сталянова. Изданието с научни рецензенти Мария Пилева и Владислав Миланов е част от оперативната работа по проекта „Slovanské jazyky, literatury a kultury na pomezí tří civilizací“ (MUNI/A/1632/2024) на Масариковия университет в Бърно, Чехия, и по проекта „Практикум по български език. Фразеология“ (номер: 80-10-119/28.05.2025 г.), финансиран от НИС към СУ „Св. Климент Охридски“. Книгата съдържа 13 задълбочени научни изследвания от областта на славянската фразеология, които двете авторки са публикували в периода 2014–2025 г.

Първият текст представлява изследване на лексикалната актуализация в българската публична реч на избрани фразеологизми, съдържащи название на парична единица, и техни вариации, съдържащи елемента „копейка“. Проучените и разтълкувани фразеологични единици обаче не са просто изброени, а са представени в състава на автентични изречения, в които са открити, като по този начин е предоставен достатъчен контекст. Изяснена е и стилистичната функция на подобни съзнателни отклонения от обичайната употреба на разгледаните устойчиви словосъчетания и е подчертан потенциалът за динамичност на фразеологичната система под влияние на екстралингвистичната действителност.

Във втория текст е представена конотативната натовареност на български и чешки устойчиви словосъчетания, съдържащи лексикален компонент, който в съответния език би могъл да бъде смятан за политически некоректен. Разгледани са множество такива изрази с оглед на динамиката на лексикалната система. Приносно е откриването на някои различия в употребата и честотата на изследваните фразеологизми в двата езика. В края на изследването са поставени редица важни въпроси, свързани със свободата на словото и с развитието на фразеологията и лексикографията в условията на политическата коректност.

Обект на изследване в третия текст са маркирани спрямо пола фразеологизми в българския език с фокус върху тяхната семантика и стилистична окраска. Избраните

за анализ колокации са „мъжка дума“ и „мъжко момиче“. Чрез анкетно проучване сред младежи е проследена динамиката по отношение на конотативната натовареност, употребата и рецепцията на тези устойчиви словосъчетания.

Върху фразеологизмите с компонент политически некоректна лексема е съсредоточен четвъртият текст. Проучени са актуалността и съвременните нагласи по отношение на употребата и възприемането на традиционни български фразеологизми като „правя нещо като бял човек“, „ще се оплача на арменския поп“, „куцо, кьораво и сакато“, „присмял се хърбел на щърбел“ и други. Проследени са примери от медийни текстове и от художествената литература, като в това число влиза и преводната, което прави изследването приносно и в областта на транслатологията. Проведената анкета относно семантиката и употребата на такъв тип фразеологизми сред ученици уплътнява резултатите на изследването с данни за актуалното място на подобни устойчиви словосъчетания в лексикалната система на езика ни.

Петият текст в книгата на Е. Крейчова и Н. Сталянова представлява проведено съвместно с Мария Пилева изследване на това как хора на възраст между 15 и 23 години възприемат избрани библейски фразеологизми. Проследено е нивото на компетентност на гимназисти и студенти по отношение на разбирането и дефинирането на семантиката и степента на адекватност на употреба на устойчивите словосъчетания „блуден син“, „насъщен хляб“, „манна небесна“. Приносни са изводите относно тенденциите в рецепцията на анализираните библейски фразеологизми и мястото им в речниковия запас на младите.

Фокусът на шестия текст е семантичното пространство на концепта „тайна“ в съвременната балканска фразеология. Изследвани са устойчиви словосъчетания с компонент „тайна“ в българския и в хърватския език. Богатият езиков материал, анализиран от авторките, е събран от тълковни и фразеологични речници на съвременните книжовни балкански езици, от корпусите на българския и хърватския език и от медийни текстове. Проследени са посоките на осмисляне, концептуализиране и метафоризация на тайната във фразеологичния фонд на двата езика.

Фразеологизми с компонент „дявол“ в съчетание с глагол за движение и тяхната употреба в българската публична реч са обект на изследване в седмия текст. Обърнато е внимание на модификацията и актуализацията на разгледаните устойчиви словосъчетания в заглавия на медийни текстове. Уточнено е мястото на анализираните фразеологични единици в лексикалната система на съвременния български език.

Осмият текст е съсредоточен върху фразеологизми с компонент „тъпан“/„барабан“ и тяхната актуализация при речевата практика в съвременния български език. Анализирани са често използвани в журналистическата, в рекламната и в разговорната реч устойчиви словосъчетания и техни варианти, които не фигурират във фразеологичните речници на българския език. Изследването е особено ценно за ревизирането на състоянието на подобен тип лексикографски трудове.

Фразеологизми с компонент „дете“ и „бебе“ в българския и в полския език са обект на изследване на деветия текст в книгата на Е. Крейчова и Н. Сталянова. За целите на проучването на съвременното разбиране на подобни езикови единици е проведена анкета сред младежи, които са носители на съответния език. Представена е степента на разпознаваемост от респондентите на анализираните устойчиви словосъчетания, някои от които не са регистрирани във фразеологичните речници.

Вниманието в десетия текст е насочено към някои от най-често срещаните фразеологизми с компонент „дъщеря“ и „син“ в българския и в чешкия език и тяхното възприемане и употреба от млади носители на съответния език. Представени са резултати от анкетно проучване върху степента на разпознаване и осмисляне от български и чешки студенти на значението и употребата на избраните устойчиви словосъчетания.

На преден план в единадесетия текст излизат тълкуването и преводът на фразеологизми с помощта на изкуствен интелект. Актуалното изследване представя анализ на резултати от проведен експеримент, чиято цел е проверка на успеваемостта при дефиниране на често срещани български фразеологизми и на качеството на предаването им от български на чешки език от базиран на изкуствен интелект асистент.

Дванадесетият текст разглежда тенденции по отношение на някои устойчиви словосъчетания с опорна дума, която е полово маркирана. Проследени са семантични и конотативни нюанси и са представени хипотези относно бъдещето на подобни изрази в българския език.

Последният текст в книгата изследва преводимостта и превода на български и на сръбски език на някои фразеологизми от творчеството на Карел Чапек. Разгледани са преводачески решения и стратегии при превода на голям набор от чешки фразеологични единици и са изведени фактори, които са от ключово значение при превода на подобен тип лексикален материал.

Книгата *Изследвания по славянска фразеология* на Елена Крейчова и Надежда Сталянова обединява текстове със съществен принос в славянската фразеология, семантика, лексикография и фразеодидактика. Включените изследвания са органично свързани не само поради своята обща насоченост към семантичната натовареност, употребата и рецепцията на фразеологичните единици, а и поради съдържащото се в тях детайлно проследяване и уточняване в съпоставителен план на актуалните динамични процеси на преосмисляне, архаизация и неологизация, присъщи на един от най-обширните пластове в лексикалната система на съвременните славянски езици.

Senior Assist. Prof. Lilia Zheleva, PhD
ORCID ID: 0009-0006-6825-7445
Department of Bulgarian Language
Sofia University “St. Kliment Ohridski”
Sofia, Bulgaria
e-mail: lilia.zheleva@slav.uni-sofia.bg

https://doi.org/10.60056/SE.2026.1.145-147

Дарина Младенова. *От лингвистична география към ареална лингвистика. Теория и практика на анализа на късни явления в българския език*. Второ допълнено издание. София: Университетско издателство „Св. Климент Охридски“, 2024, 557 стр. [http://slav.uni-sofia.bg/naum/liliseries/diss/2016/9] (Вж. първи вариант на книгата от 2016 г. като електронно издание в серия Littera et Lingua Series Dissertationes 9, 333 с.)

The review summarizes the content of Darina Mladenova's work and points out its main contributions. The many questions that the author asks herself and the answers consistently and competently provided to them are evaluated. The analysis is based on 124 maps she has created for the names of tomato and eggplant in Bulgarian dialects and neighboring Balkan languages. The presented work marks a new beginning in research on areal linguistics in our country.

Key words: dialectology, linguistic geography, areal linguistics, language contacts, lexicology

Представеният тук труд *От лингвистична география към ареална лингвистика. Теория и практика на анализа на късни явления в българския език* на Дарина Младенова поставя ново начало в изследванията по ареална лингвистика у нас. Той е организиран в пет глави и заключение, а след тях следват много полезни за ориентирането в текста части: списъци на картите, схемите и таблиците, едно приложение (*Дублетност при термините за 'домат' според данните на БДА*), списък на съкращенията, цитирана литература, индекс на формите и тематичен индекс, 124 авторски карти и пространно резюме на английски език.

Още в началото на книгата личи стремеж всички използвани термини и понятия да бъдат изяснени и да се стъпи на добре обмислена теоретична основа, като се започва от определението *българска езикова територия*. Прегледът на основните типове макрочленения на тази територия, направен в първа глава (запад // изток, североизток // запад-и-юг, север // юг), се основава на множество публикации и показва солидни познания по българска диалектология. Обобщеното картографиране на членението север//юг, както и на вариантите на всичките три макрочленения, несъмнено е принос към българската лингвистична география.

Във втора глава (*Обичаен анализ на една лингвистична карта*) авторката тръгва от картата за 'домат' (№ 7 в нейното изследване), изградена въз основа на данните от Българския диалектен атлас, като представя обичайните въпроси, на които трябва да отговори лингвистът, анализиращ една лексикална карта: *Представената ареална конфигурация принадлежи ли към някое от вече установените макрочленения? Какъв е произходът на картографираните названия?* ***За стара или за нова ареална конфигурация става дума?*** На тези въпроси Дарина Младенова отговаря тук след задълбочен и детайлен анализ на диалектните названия на домата. И този анализ продължава

с формулирани от нея нови въпроси: *Ареалите на отделните хетерономи съответстват ли на ареалната типология на други думи със същия произход? Може ли да се установи относителната хронология на присъстващите на картата явления, кое от тях е архаично и кое – иновационно?* В търсене на отговори авторката стига до един важен според нея извод за проблемите на българското диалектно членение: „ареалната конфигурация на едно безспорно късно явление, като названията на домати, която се изгражда само от заемки, се вписва в макрочленението Север // Юг, което до момента поради хронологията на изграждащите го хетерономи е считано за много старинно“ (26–27). Тук следват интересни наблюдения за възможните посоки на интерпретация на формулирания извод. В тази част на изследването прави впечатление анализът на произхода на картографираните термини, който взема предвид и ареалната типология на гръцките и турските заемки. Откриваме тук и първи наблюдения за относителната хронология на българските диалектни названия на домата.

В следващата част (*Физиономия на ареалите, включени в едно макрочленение*) се формулират нови въпроси, на които Дарина Младенова отговаря последователно, привличайки в анализа и данни от съседните балкански и славянски езици, представени в информативна таблица. Наблюденията ѝ тук хвърлят светлина и върху езиковите контакти на Балканите. Въз основа на картата за названията на домата тя убедително стига до извода, че „северният ареал е разделен на западна и източна част от фонетично-лексикалната изоглоса между западнобълг. *патлиџа̀н* и източнобълг. *патлаџа̀н*, *патлъџа̀н*, което членение съвпада с ятовата граница и макрочленението изток // запад“ (31–32) и прави интересното наблюдение, че на една и съща карта „съсъществуват две макрочленения“ – на лексикално равнище север // юг (*патлаџа̀н // домат*) и на фонетично равнище изток // запад в северния ареал. Южния ареал с *домà̀т* авторката определя като „разкъсан, некомпактен“, разделящ се на източна и западна част в областта на ятовата граница (с. 39).

В края на тази част Дарина Младенова си задава още един съществен въпрос, който оставя отворен поради факта, че все още липсва необходимата лингвогеографска база за изясняването му: *Каква е ролята на балканските езикови контакти за изграждане на различните типове макрочленения? Българските макрочленения стоят ли в някакво взаимоотношение с макрочленението на други балкански езици***?** (с. 37). Публикуваните досега наблюдения, представени обобщено от нея, могат да послужат като основа за бъдещи изследвания.

Най-обемната част на изследването е четвъртата глава: *Срещу атомарността и за динамиката*. Дарина Младенова предлага и прилага три пътя за преодоляване на характерната за лексикалната лингвистична география атомарност: ареална типология; лексикална системност и лингвогеографска съпоставка на два хронологически среза**.** Тук отново се поставят конкретни въпроси, на които се отговаря с изключително внимание към всеки конкретен факт, свързан с картографираните названия. Нашироко е представена дублетността, която изяснява динамиката на ареалите. Направен е задълбочен анализ на отношенията между названията на домата и патладжана и техните ареали не само в българските диалекти, а и по-широко – в диалектите на балканските езици, като се проследяват и пътищата на проникване на тези названия, разпространението им, настъпването, застъпването, наслагването им. Впечатляващо много са проблемите, които авторката е видяла, въпросите, които си задава и на които отговаря

последователно и убедително, изяснявайки ареалната картина. Не са отминати и екстралингвистичните фактори, повлияли на тази картина, както и езиковите контакти на Балканите, що се отнася до произхода на картографираните названия. Приносен момент в анализа е съпоставянето на ареалната картина за ‘домат’ и ‘патладжан’ на юг от Дунав с ареалната картина в отвъддунавските български говори, отделили се основно в периода между края на XVIII и първата четвърт на XIX в.

Съставените за изследването карти са необходим и съществен елемент от анализа, а множеството таблици и схеми представят систематизирано анализираните данни и помагат на авторката да изясни ареалната картина и всички процеси, довели до нея.

Поглед от друга перспектива към проблемите, разглеждани в представения труд, представлява последната, пета глава: *Лингвистичните ареални конфигурации в контекста на други културни пространствени конфигурации*. Тук авторката търси отговори на въпроса дали съществува „екстралингвистично обяснение на ареалната конфигурация или екстралингвистични факти, които да я поддържат“ (с. 265). И по-рано в текста са привличани в анализа на названията на домата и патладжана екстралингвистични данни, свързани основно с миграцията на населението, пътищата, ролята на градовете, които са обобщени накратко в последната глава, като се отчита липсата на исторически изследвания върху произхода и разпространението на домата и патладжана по българските земи и в Югоизточна Европа. За да доизясни ареалната конфигурация на названията на двете растения, Дарина Младенова се спира подробно на още два екстралингвистични фактора – професионалното градинарство и кухнята. Много интересни и от историческа и от етнографска гледна точка са наблюденията върху центровете на гурбетчийското градинарство на Балканите. Съставената от авторката карта № 117 обобщава данните за българското професионално градинарство и показва посоките на движение на градинарите гурбетчии. Картината, която очертават тези данни, се разширява с привличането на земеделска статистика от периода 1903–1944 г., в която се представя информация за засадените културни растения в България. Цялата информация е поднесена синтезирано в редица таблици.

Заключението навързва последователно правените в отделните глави изводи в една цялостна картина, видима от високата кула, на която авторката оприличава в уводните думи работата по своята книга (с. 14).

Бих искала да отбележа накрая пространното резюме на английски език. То, наред с множеството карти, схеми и таблици, прави достъпно съдържанието на книгата и за чуждестранни изследователи.

Представеният труд на Дарина Младенова, приносен в редица отношения, е явление в българската езиковедска литература. За първи път у нас толкова компетентно и убедително се показва какво може да се постигне с методите на ареалната лингвистика. Множеството проблеми, които авторката е видяла и анализирала в процеса на изграждане на една конкретна ареална картина, всъщност дават основа и идеи за бъдещи изследвания в областта на ареалната лингвистика.

Prof. Vasilka Aleksova, PhD
Department of General, Indo-European and Balkan Linguistics
Sofia University “St. Kliment Ohridski”
Sofia, Bulgaria
e-mail: aleksova@abv.bg

https://doi.org/10.60056/SE.2026.1.148-152

Marina di Filippo, Olga Inkova, Petra Macurová (eds.) *Architetture testuali. Simmetrie e asimmetrie a confronto*, UniorPress, Napoli 2024, 326 pp. ISBN 978-88-6719-307-3

This volume contains a selection of papers presented at the 8th Conference on Contrastive Textual Linguistics: Slavic Languages – Romance Languages (GELITeC), held on 18–20 May 2023 at the Procida campus of the Università L'Orientale di Napoli. The collection comprises an introduction and thirteen essays, devoted primarily to the organisation of text from a comparative perspective between certain Slavic languages (Czech, Bulgarian, Russian) and Romance languages (Romanian, French and Italian). The authors of the essays are scholars of Slavic linguistics from universities across Italy, Europe and beyond.

Key words: Slavic languages, Romance languages, contrastive linguistics, textual linguistics

В данном сборнике представлены материалы VIII Международной конференции по контрастивной лингвистике текста «Славянские языки – романские языки» (GELITeC), прошедшей 18–20 мая 2023 года в Неаполитанском университете «L'Orientale» (филиал на острове Прочида). Сборник является органическим продолжением многолетней деятельности исследовательской группы GELITeC. Представленные в нем работы демонстрируют преемственность по отношению к предыдущим выпускам (перечисленным в библиографии), предлагая при этом инновационные подходы к анализу текстовой организации в контрастивном аспекте.

Рецензируемое издание разделено на две тематические секции. Первая часть, **«Глагольные категории и синтаксис предложения»**, посвящена анализу категорий времени, вида и движения в различных текстовых жанрах в сопоставительном ключе.

Разделы первой секции:

«*Le proprietà aspetto-temporali del commento sportivo in ceco e in italiano*» (Видовременные характеристики спортивных репортажей (на материале чешского и итальянского языков) Франсуа Эсвана и Петры Мацуровой. В статье проводится сопоставительный анализ чешских и итальянских репортажей с футбольных и хоккейных матчей. Авторы пересматривают традиционные парадигмы аспектологии, доказывая, что в динамическом контексте спортивных репортажей совершенный вид может описывать события, непосредственно следующие за моментом речи, а несовершенный вид настоящего времени – служить регистровой нарративной моделью для завершенных действий (*presente di registro*).

«*A proposito di alcuni verbi di movimento in ceco e in italiano*» (О некоторых глаголах движения в чешском и итальянском языках) Петры Мацуровой. Исследование, основанное на корпусном подходе, детально рассматривает семантику направления «сверху вниз». Особое внимание уделяется анализу чешских глаголов «sejít / scházet», а также их возможной замене глаголом «jít (dolů)» ‘идти (вниз)’, в сопоставлении с

итальянским «scendere» ‘спускаться’, а также тенденции к использованию наречных конструкций («giù» ‘вниз’) в итальянском языке для уточнения направления движения.

«*Parallèles romano-slaves: fonction de l’imparfait dans les chansons folkloriques roumaines et bulgares*» (Романо-славянские параллели: функция имперфекта в румынских и болгарских фольклорных песнях) Биляны Михайловой и Екатерины Тырпомановой. Работа посвящена функции повествовательного имперфекта в фольклорных песнях на румынском и болгарском языках для обозначения законченных действий вместо времен, выражающих перфективность, а именно: простого и сложного прошедшего времени в румынском языке и аориста в болгарском. Анализ текстов, сопровождаемых французским переводом, показывает, что нарративный имперфект гораздо чаще встречается в румынском языке, тогда как в болгарском он в основном ограничивается глаголами класса *verba dicendi*, предшествующими прямой речи. Этот тип имперфекта сохраняет свой прогрессивный аспект (действие, наблюдаемое в процессе его совершения) и имперфективную семантику, когда он заменяет простое прошедшее, сложное прошедшее или аорист для обозначения непрерывного и неповторяющегося действия на первом плане повествования. Благодаря этой характеристике нарративный имперфект достигает эффекта внезапности, типичного для фольклорных текстов, и делает повествование более экспрессивным, замедляя его.

«Pensare *e* vedere*: una descrizione tempo-aspettuale in chiave contrastiva*» (*Думать* и *видеть*: видовременное описание в сопоставительном ключе) Валентины Нозеды. В работе на основе корпусного подхода рассматривается поведение видовых пар «думать – подумать» и «видеть – увидеть» в прошедшем времени. Если первая пара демонстрирует высокую степень соответствия итальянским видовым эквивалентам, то пара «видеть – увидеть», напротив, чаще передается на итальянский язык глаголом «vedere» в перфекте и зачастую имеет пунктуальное значение. Анализ глаголов «слышать – услышать» и «понимать – понять» в сравнении с предыдущими парами, также выявляет интересные аспектуальные параллели в выражении прошедшего времени. Кроме того, обнаруживаются специфические семантические различия, которые могут быть обусловлены особенностями функционирования глаголов восприятия, с одной стороны, и глаголов познания – с другой.

«*Le frasi completive nominali in italiano e in russo*» (Именные дополнительные придаточные предложения в итальянском и русском языках) Луизы Руволетто. Исследование подробно анализирует функционирование дополнительных предложений в русском и итальянском языках, в частности, когда придаточное является внутренним аргументом существительного. Анализ ряда случаев в обоих языках показывает четкую тенденцию в русском языке к «двойной номинализации», где, однако, два отглагольных существительных имеют разный статус: первое обозначает событие или процесс и реализует аргументы соответствующего глагола, тогда как второе может реализовывать или не реализовывать аргументную структуру глагола. Кроме того, внутри этой конфигурации второе имя-событие принимает пунктуальное и результативное видовое значение.

«Énoncés nominaux et prédication en russe et en français: enjeux d’interprétations» (Именные высказывания в русском и французском языках: проблемы интерпретации) Ольги Артюшкиной. Автор предлагает анализировать именные предложения с точки зрения речевого акта, исследуя его роль в текстовой организации и ставя под

сомнение дескриптивную функцию и статический эффект, которые им традиционно приписываются. Изучение именного предложения включает в себя также модификаторы, такие как причастия настоящего времени, которые функционируют по-разному во французском и русском языках, и относительные предложения во французском. Эквивалентность между предикативностью, вносимой этими маркерами, и временной маркировкой зависит, в частности, от статуса говорящего, который берет на себя ответственность за истинность именного предложения, а также от текстовой организации.

«Оценочные сентенциальные адвербиалы в русском и французском тексте» Ирины Кобозевой. Работа исследует на сопоставительной русско-французской основе наречные выражения с пропозициональной сферой действия, которые выражают оценку ситуации, описанной в модифицируемом ими предложении, а также их синтаксические функции. В частности, рассматриваются два примера на основе русского наречия «(не)счастливо» и его французского эквивалента «(mal)heureusement», при этом подчеркиваются их различные синтаксические свойства и различия в переводе. Отдельный раздел посвящен функционированию оценочных адвербиалов как дискурсивных коннекторов, функция, которая развивается у некоторых из них в процессе грамматикализации.

Во второй части сборника **«Организация текста и дискурсивные маркеры»** акцент переносится с глагольной системы на механизмы связности текста и исследуется функционирование коннекторов и прагматических маркеров в сопоставительном аспекте.

Разделы второй секции:

«*Notes sur l'organisation du texte dans le domaine romano-slave (étude comparée à partir de données roumaines et bulgares)*» (Заметки об организации текста в романо-славянском ареале (сопоставительное исследование на основе румынских и болгарских данных) Пети Асеновой. Её исследование анализирует семантическую и формальную организацию фрагмента романа Мирчи Элиаде *«Şarpele»* (*Змей,* 1937) на основе сравнения румынского оригинала и его болгарского перевода. Особое внимание уделяется функционированию прошедших времен (имперфекта и аориста) и использованию определенного и неопределенного артиклей. Повествование романа ведётся в прошедшем времени: имперфект используется для описания обстановки, составляющей основу сюжета и в рамках которой разворачиваются действия, выраженные аористом. Употребление артиклей различается в румынском и болгарском языках для выражения тема-рематических отношений, за исключением некоторых ограничений в румынском языке, где артикли кажутся почти грамматикализованными.

«Purtroppo quel libro l'ho mezzo rimosso! *Fenomeni di approssimazione tra semantica, pragmatica e azionalità. Uno studio contrastivo in italiano, bulgaro e russo*» (*Purtroppo quel libro l'ho mezzo rimosso!* Явления аппроксимации между семантикой, прагматикой и акциональностью) Валентины Бениньи и Светланы Славковой. Это контрастивное исследование на материале итальянского, болгарского и русского языков, в котором авторы проводят анализ некоторых наречных употреблений итальянского аппроксиматора «mezzo», особенно в его прагматических аспектах. В центре внимания – перевод «аппроксимативных» функций «mezzo» на русский и болгарский языки морфологическими и словообразовательными средствами. Так, для выражения неопределенности и смягчения используются глагольные приставки со значением смягчительного способа действия *по-* и *под-*.

«Вокруг да около. *Geometrie semantiche del cerchio*» (*Вокруг да около.* Семантические геометрии круга) Марины ди Филиппо. В статье сравнивается функционирование русского и итальянского предлогов «вокруг» и «intorno a» в логико-грамматической и семантической перспективе. Автор исследует точки соприкосновения и расхождения в их семантике, показывая, как пространственные значения трансформируются в более абстрактные и текстовые. Это исследование особенно важно для понимания того, как разные языки концептуализируют «окружающее пространство». Корпусный анализ показывает лексическую сочетаемость предложных групп с «вокруг», управляемых глагольными синтагмами, и стратегии, используемые переводчиками для их передачи на итальянский язык.

«Intanto. *Sull'espressione avverbiale della simultaneità in italiano e in russo*» (*Intanto.* Об адвербиальном выражении одновременности в итальянском и русском языках) Ольги Иньковой и Эмилио Манзотти. Исследование анализирует отношения одновременности, обозначаемые наречием «intanto». После рассмотрения основных значений, а также современных употреблений этого слова в качестве структурного и дискурсивного маркера, авторы обсуждают единую семантику «intanto», основанную на идее параллельного введения новой ситуации, частично автономной по отношению к предыдущей или ожидаемой. Наречие «intanto», не имея лексических эквивалентов в русском языке, требует от русского переводчика поиска функциональных эквивалентов. В рамках того же процесса реинтерпретации текста задача итальянского переводчика будет заключаться в передаче русского выражения одновременности с помощью наречия «intanto», используя его семантический и текстовый потенциал.

«*Полифункциональное* тут *и его эквиваленты в итальянском тексте*» Виктории Лазаревой. В статье исследуется функционирование русского пространственного дейктического «тут» в сравнении с его эквивалентами в итальянском языке. Корпусный анализ показывает полисемичный и полифункциональный характер «тут» на фоне итальянских переводов и выявляет обширный перечень переводных эквивалентов «тут» в его различных значениях и функциях в прагматико-текстуальной перспективе.

«*Architetture testuali in contrasto: preferenze d'uso dei connettivi avverbiali italiani e russi nei corpora paralleli del NKRJa*» (Архитектура текста в контрасте: предпочтения в использовании итальянских и русских адвербиальных коннекторов в параллельных корпусах НКРЯ) Филиппо Пекорари и Эрики Пинелли. Завершает обзор исследований работа, посвященная отношениям уступки в итальянском и русском языках. Вопрос касается в основном типа кодирования отношения, синтаксического распределения союзов и сочетания союзов с пунктуацией. Результаты исследования в целом подтверждают исходную гипотезу, а именно: в русском языке, по сравнению с итальянским, придается большее семантическое и дискурсивное значение логико-семантическим отношениям, в частности выдвигая их показатели в начальную позицию во вводимом им фрагменте текста.

В заключение отметим, что сборник *Architetture testuali. Simmetrie e asimmetrie a confronto* вносит значительный вклад в современную контрастивную лингвистику, открывая новые перспективы исследования. Редакторы – Марина ди Филиппо, Ольга Инькова и Петра Мацурова – смогли логически выстроить многогранный материал, объединив различные подходы и исследуемые явления общей темой «архитектоники» текста.

Настоящее издание может быть полезно специалистам в области славистики и романистики, а также в практике преподавания иностранных языков и в теории перевода. Публикация находится в открытом доступе по ссылке http://www.fedoabooks.unina.it/index.php/fedoapress/catalog/book/600

REFERENCES

BONOLA A., INKOVA O. (eds.). 2010. Categorie verbali e problemi dell'organizzazione testuale studi contrastivi slavo-romanzi. Глагольные категории и проблемы организации текста сопоставительное описание славянских и романских языков. *L'analisi linguistica e letteraria*. I, ISSN 1122-1917.

INKOVA O. (ed.). 2013. *Du mot au texte*. *От слова к тексту. Études slavo-romanes*. Bern, ISBN 978-3-0343-1237-0.

INKOVA O., DI FILIPPO M., ESVAN F. (eds). 2014. *L'architettura del testo. Studi contrastivi slavo-romanzi*. Alessandria, ISBN 978-88-6274-520-8.

INKOVA O., TROVESI A. (eds). 2016. *Langues slaves en contraste*. *Славянские языки in comparatione*. *Lingue slave a confronto*. Bergamo, ISBN 978-88-6642-239-6.

ИНЬКОВА О., МАНЧЕВА Д. (ред.). 2017. Тематический номер журнала *Сопоставительное языкознание / Contrastive Linguistics*, № 4, 2017.

INKOVA O., MANCHEVA D. (eds). 2019. *Contrastes. Études de linguistique slavo-romane*. Alessandria, ISBN 978-88-6274-918-3.

INKOVA O., NOWAKOWSKA M., SCARPEL S. (eds). 2020. *Systèmes linguistiques et textes en contraste. Études de linguistique slavo-romane*. Kraków, ISBN 978-83-8084-507-7.

BIAGINI F., INKOVA O. 2023. Lingue slave e lingue romanze a confronto. *mediAzioni.* 36, ISSN 1974-4382.

Assoc. Prof. Marina di Filippo
ORCID ID: 0009-0004-6331-0919
Department of Literary, Linguistic and Comparative Studies
University of Naples "L'Orientale"
Naples, Italy
e-mail: mdifilippo@unior.it

https://doi.org/10.60056/SE.2026.1.153-159

Отговорността пред езика. Книга 10. Сборник, посветен на 65-годишнината на проф. д-р Димитър Попов. Шумен: Университетско издателство „Епископ Константин Преславски“, 2024. 402 с.

This review presents and briefly comments on the articles included in Volume 10 of the series *Responsibility to Language*, published by the Department of Bulgarian Language at Shumen University “Ep. Konstantin Preslavski”. Volume 10 is dedicated to the 65th anniversary of Prof. Dimitar Popov, a long-standing lecturer in the Department, its head between 2020 and 2024, and the founder of the Laboratory for Applied Linguistics. Although the Volume 10 itself is not formally divided into sections, the review attempts to identify groups of articles that are thematically connected.

Key words: *Responsibility to Language*, Dimitar Popov, linguistics

Книга 10 на поредицата „Отговорността пред езика“, издание на Шуменския университет „Епископ Константин Преславски“, е посветена на 65-годишнината на проф. д-р Димитър Попов, дългогодишен преподавател в Катедрата по български език на Шуменския университет „Епископ Константин Преславски“ и неин ръководител в периода 2020–2024 г. Интересите и научните приноси на Д. Попов, посочва Ж. Андреева – автор на представянето на юбиляря, са в областите фонетика, фонология, стилистика, корпусна, когнитивна и приложна лингвистика. Уважението към човека и към учения Димитър Попов са засвидетелствали чрез свои трудове в този сборник 46 изследователи от България, Италия, Швеция, Германия, Сърбия и Русия.

В уводната част на кн. 10 на поредицата „Отговорността пред езика“ Ж. Андреева представя стегнато, но много информативно научното израстване на Димитър Попов, въздействието на контактите му с видни лингвисти през годините на аспирантурата в Русия и по време на лектората във Виенския университет. Значими са приносите на проф. Попов и по време на лектората в Болонския университет в Италия. Ж. Андреева изтъква безспорните постижения на създадената от проф. Д. Попов Лаборатория по приложна лингвистика към Шуменския университет, а също така и приносите на Д. Попов и В. Попова в създаването на електронни езикови ресурси: BULGARIAN LABLIBG CORPUS, LABLASS и LABMETA. Представени са множество академични и институционални контакти на Д. Попов, участия в проекти и др. научни инициативи. Авторката акцентира и върху научните трудове на Димитър Попов, сред които са *Стилистика, Фоностилистика на дискурса, Лингвистична персонология* и *Увод в речезнанието*. Внимание е отделено на преподавателската дейност на Д. Попов, на научното ръководство на докторанти, както и на наградите, с които е удостоен, за безспорните си научни приноси.

В кн. 10 е публикувана и пълна библиография на научните трудове на Димитър Попов, като тя дава възможност на всеки изследовател да открие интересуващ го лингвистичен проблем, обект на изследване от Д. Попов.

Началната статия – *За отговорността пред езика*, е посветена на самата поредица, която вече има 11 издания. Кина Вачкова проследява историята на тази поредица, издавана по инициатива на Катедрата по български език на Шуменския университет „Епископ Константин Преславски“. Авторката изрежда редакционните колегии и учените от филологически катедри на различни университети и на научни звена от България и чужбина, включили се със свои статии във всяка от 9-те предходни книги.

Знаково свързана с Д. Попов е статията *Димитър*: *имя, образ, ритуал*, чиято авторка Ирина Седакова представя етнолингвистичен анализ на едно от най-честите имена в българския антропонимикон – Димитър. Тя се спира на множеството модификации на това лично име в българската езикова територия, вкл. при женски лични имена. Обърнато е значително внимание на народните представи за св. Димитър Солунски, на регионалните легенди и на народните песни, свързани с него, като не са пропуснати поверията и ритуалите, свързани с Димитровден.

Статиите в кн. 10, посветени на старобългарския език и историята на българския език, са 3. В първата от тях Константинос Нихоритис се включва със свое изследване, назовано *Историческото развитие на агиологическите извори на св. св. Кирил, Методий и техните ученици и* Византийското мълчание *през IX–X в.* Отсъствието на отделни текстове на гръцки език в периода IX–X в. се обяснява с липсата на свидетелства (гроб, мощи) за светостта на Солунските братя. В отделна част се разглежда създаването на гръцки богослужебни текстове в чест на светите Седмочисленици през периода XI–XIX в.

Във втората статия от „старобългарския кръг“ думата притраньнъ (притранъ) в различни извори от историята на българския език е привлякла вниманието на Андрей Бояджиев. В *Ясен или страшен. За една лексикална главоблъсканица в старобългарския език* авторът проследява в отделни източници семантиката на тази дума – както ‘страшен, силен’, ‘неприятен’ (вкл. в образуваните от нея други части на речта – глагол и наречие), така и в изолиран случай ‘ясен, отчетлив’. Анализите служат, за да се предложат няколко речникови статии за целите на учебен старобългарски речник.

В третата статия от посочения кръг – *Старобългарските предикативни деятелни причастия в именителен падеж*, Антоанета Джелъова фокусира вниманието си върху граматическата, типологичната и реторичната значимост на употребата на именителните форми на деятелните причастия в предикативна функция в старобългарски евангелски текстове. Авторката последователно аргументира виждането си, че когато са безсъюзно свързани с клауза с лична глаголна форма, разглежданият тип причастия имат статуса на Nominativus Absolutus, а също – че преплитането на причастия в абсолютни конструкции с лични глаголни клаузи изразява взаимодействието между антропната и антропоцентричната езикова картина на света.

В своята статия *Die reduzierten – eine Krisenerscheinung im slawischen Vokalsystem* Манфред Трумер от университета в Грац (Австрия) предлага на вниманието на читателите своята собствена гледна точка по въпроса за редукцията в славянския вокализъм, която се различава от лансираната до сега под влияние на младограматизма идея за наличието на праславянски тривокален вокализъм (*i/a/u*), като прилага изследователската методология на структурния подход.

Различни езиковедски аспекти от възрожденския период се разгледани в три статии. В първата от тях – *Езикът на едно писмо на Андрей Робовски от 1855 година. Графични, правописни и фонетични особености)*, Иво Братанов подробно разглежда правописни особености и 14 важни фонетични черти, които изграждат спецификата на идиолекта на Робовски в това писмо.

Във втората статия – *Неетимологична употреба на буквата ят през третата четвърт на XIX век (По документи на Константин Михаилов Тюлев)*, Кольо Хубенов детайлно проследява всички случаи на неоправдана от гледна точка на историческия развой на българския език употреба на буквата *ят* в писмената практика на Константин Тюлев, който дълги години е бил писар в българската възрожденска община във Варна.

В третата статия от посочения кръг темата, свързана с опитите за установяване и кодифициране на правоговорните норми, е конкретизирана от Пламена Колева в посока на въпроса за отразяването на редукцията в писмената реч, наблюдавана в трудове на няколко възрожденски книжовници: Йоаким Груев, Иван Н. Момчилов и Добри Войников.

Следващите шест статии могат да се обособят, макар и без наличие на самостоятелна рубрика в сборника, в общ кръг, чиито доминиращи обекти са в сферата на фонетиката и прозодията, които са част от научните интереси и на Димитър Попов.

Основната задача в статията на Снежина Димитрова „Прозодия на речта на българи, изучаващи английски език: сравнение и някои прогнози“ е да бъде съпоставена прозодията на доминиращия американски вариант на английския език и на книжовния български език. Целта е въз основа на това сравнение да бъдат предвидени произтичащи от него възможни затруднения в речта на носители на българския език като първи при усвояване на английския като втори език по отношение на тоналния инвентар, йерархията на прозодичните единици, техните фонетични реализации, функции и честота на реализация, без да се пропуска значимостта на ударението и ритъма.

Авторът на статията „Intonation as a grammatical marker“ Владимир Филипов привежда аргументи в подкрепа на виждането си, че интонацията има граматически функции и се реализира като падежен и аспектуален маркер. Основното типологическо заключение в статията гласи, че интонацията, която има статуса на езиков знак, може да функционира като падежна морфема в прости (двучленни) системи.

В статията си *Sprachrhythmus und prosodische Struktur: eine kritische Betrachtung* Бистра Андреева се концентрира върху ролята на ритъма в устната реч, както и върху акустичните характеристики, взаимодействащи с него. Авторката смята, че трябва да се отчитат и четирите структурни черти на устната реч, а не само времевия аспект, когато се търсят акустичните корелати на ритъма. Освен това трябва да се отчитат езиковоспецифичните и индивидуалните вариации при възприемането на ритъма.

Авторският колектив от Miško Subotić, Silvana Punišić и Ivana Pavlović е посветил своята статия *Perception/detection of speech sound acoustic features distortion* на задачата да бъде представен обективен и субективен анализ на възприемането на акустичните характеристики на звучащата реч. Според авторите те се възприемат чрез процеса на категоризация и могат да бъдат поделени на типични и атипични реализации. Именно това обосновава възприемането на родноезиковото изказване, направено от чужденци, като некоректно.

В статията *Emotional speech expression in the development of children's verbal communication* авторките Mirjana Sovilj, Ivana Pavković и Slavica Maksimović изследват основните характеристики на детските емоции, представят необходимите знания и умения, свързани с емоциите, които децата следва да усвоят. Авторският колектив също така се спира на изразяването на емоционално маркирана реч с цел да обоснове виждането, че нейното развитие е част от оптималната синхронизация на всички видове интелигентност и е стъпка в положителното личностно, а и обществено развитие.

Основен обект на изследване в статията на Мария Воейкова са някои просторечни фонетични форми на руски прономинални наречия (напр. *откудова*, *оттудова*, *отсюдова* и др.), които са характеризирани като белег на диалектна реч или реч на слабо образовани езикови носители. Върху данни от Руския национален корпус М. Воейкова проследява стилистичната окраска и количествените характеристики на тези наречия в различни исторически периоди. Не са пропуснати и разсъждения за произхода на тези по-дълги форми.

В статията на Евелина Григорова *Romani. A brief presentation of the phonetics and phonology of Sofia erli and Sliven drindiri* се представя фонетична класификация на гласните и съгласните в ромския ерлийски говор в София (принадлежащ към I балкански тип ромски диалекти) и на езика на дрындарите от гр. Сливен (към II тип балкански ромски диалекти), представени и чрез транслитерация и фонетична транскрипция на записана устна реч.

Стефка Александрова е озаглавила статията си *За речта на компютърно опосредстваната комуникация* – тема, която несъмнено е актуална. Целта на анализите е да бъде аргументирано виждането, че лингвистиката на компютърно опосредстваната комуникация се оформя днес като самостоятелно лингвистично направление.

Темата за функционирането на българския език в интернет средата намира друга конкретна реализация в статията на Таня Тодорова *Новите думи и интернет (наблюдения върху три речника на новите думи в българския език*. Авторката подчертава навлизането в българския език на голямо количество нови технократизми във всички видове дискурс, които се адаптират по разнообразен начин към българската морфологична система.

Няколко са публикациите в областта на диалектологията. Статията *Характерни особености на крайните югозападни български говори според записи на българи от с. Билища, Корчанско – област Девол, Република Албания* на Лучия Антонова-Василева представя исторически и лингвистични данни за говора на българите от това село, запазили българския език и българското национално съзнание. Изследването на Л. Антонова-Василева е значим принос в българската диалектология, изследващи български говори извън границите на страната ни.

Още една статия влиза в кръга от диалектоложки изследвания, но тя се отличаваща и с етнолингвистичен и културологичен акцент – *Етнокултурна идентичност на родилната обредна лексика в украинските български говори* с автор Свитлана Георгиева. Авторката изнася и коментира слабо проучени от лингвистиката ни лексикални данни с диалектоложки характер, които показват, че в родилната обредна лексика и обичаите на българите в Украйна имат общобългарски характер и отразяват и един древен общ мироглед.

Валентина Бонджолова в статията си *Шрифтът и цветоотделянето като средства за създаване на графични оказионализми* акцентира върху игровите прояви, реализирани чрез шрифта и цвета, в рамките на думата като „монолитно оформена единица с установена графика“ (с. 193). Авторката представя богат емпиричен материал, подкрепящ анализите на функциониращите в рекламата и медиите стратегии, базирани на цвета и шрифта.

В статията си *PhraseoLAB – електронен българо-немски корпус с фразеологизми, посветени на чертите на човека* Ани Ангелова запознава читателите с първия уеббазиран корпус с български и немски фразеологизми, свързани с положителни или негативни човешки качества. Тази система е изработена в Лабораторията по приложна лингвистика „Аксела Лазарова“ (LABLING), чийто директор е Димитър Попов.

Следващата публикация в сборника също има съпоставителен характер, доколкото предлага контрастивен анализ на умалителността в българския и немския език на функционално равнище. Авторката Бисерка Велева аргументира виждането, че употребата на умалителните съществителни има три основни функционални аспекта, като средствата в двата сравнявани езика невинаги съвпадат, което води до появата на т.нар. от авторката компенсаторни механизми в работата на преводача.

Статиите в областта на морфологията са няколко. Красимира Алексова се стреми да аргументира чрез теоретични разсъждения и конкретен емпиричен материал виждането, че композитумите от типа, образуван с форма на относително местоимение + форманта *и да било* (напр. *който и да било*, *какъвто и да било* и т.н.) представляват самостоятелна група неопределителни местоимения в съвременния български език.

Красимира Чакърова в статията *Наблюдения върху ядрените експликатори на отрицателната полярност в съвременния български език* се концентрира върху съществени характеристики на частицата *не* в приглаголна позиция, на спомагателния глагол *няма* и на прохибитивния вербален формант *недей*, които изпълняват ролята на ядрени експликатори в микрополето на отрицателната полярност.

Като се има предвид бързото развитие на ресурсите за обработка на естествения език, може да се каже, че статията на Петя Осенова и Кирил Симов повдига един базисен и не изцяло решен въпрос в тази област – лематизацията. Авторите разглеждат основни стратегии на лематизация и проблемните случаи при различните части на речта в съвременния български език във връзка с лематизацията.

Може да се каже, че 3 статии повдигат научни въпроси, свързани със синтактични явления. На *нищо че* като рядък свързващ елемент в сложното изречение е посветена статията на Ивелина Савова *(Нищо че*). Авторката изтъква не само редкостта на подчинителния съюз за отстъпване (от някакво очакване) *нищо че* – синонимен на *макар че*, *макар (и) да*, но и оскъдността на изследвания, посветени на него. В статията съюзът *нищо че* е разгледан на фона на анализите на подчинените обстоятелствени изречения за отстъпване и техните видове. Предложена е детайлна и аргументирана синтактична характеристика на изреченията с *нищо че*.

Въпреки че статията на Тодорка Георгиева и Донка Илиева носи заглавието *Изразяване на отстъпителни отношения в българските народни пословици*, в нея пословици, събрани от Петко Р. Славейков, са разгледани чрез изясняване на структурно-семантичните им особености, чрез изследване на смисловите отношения между изграждащите ги елементи и връзката между тях. Акцентът е поставен върху

пословиците с отстъпителни смислови отношения, изразени чрез прости подчинителни или съчинителни съюзи.

Усвояването на множествените въпросителни изречения от деца е научен проблем, който е централен за статията на Христо Кючуков. Освен теоретичното осмисляне авторът представя и резултати от експеримент, проведен с деца от предучилищна възраст, носители на българския език като първи. Емпиричните данни дават основание да се извлекат изводи за усвояването на въпросителни изречения с повече от 1 въпросителна дума, за значимостта на реда на подреждане на въпросителните думи и на техния брой спрямо възрастта.

В своята статия *Die linguistische Landschaft in Šumen (Bulgarien)* Martin Henzelmann поставя в центъра на своя изследователски интерес съществуването на езикови маркери в градското пространство на гр. Шумен, които са доказателство за смесената етническа структура на града.

В своята статия *Technology and uncertainty in group decision and negotiation* Биляна Мартиновски разглежда отношенията между несигурността, технологиите и вземането на групови решения или преговори от гледна точка на философските Хайдегер, Аристотел и Пиърс. Авторката повдига съществения въпрос за ролята на технологиите в ситуациите на преговори и вземане на колективни решения.

Gabriele Dorothe Mack в своята *статия Leonardo's question, or: what do we know about interpreters' occupational healt and safety?* интерпретира проблема за здравето и безопасността на преводачите в тяхната професионална реализация. Авторката представя интердисциплинарен проект, включващ преводачи и международен екип от здравни специалисти, чиято цел е да подпомогнат преводачите сами да пазят собственото си здраве.

Може да се каже, че две статии от сборника влизат в диалог по въпроса за езиковата метафора. В първата от тях – *Метафората и езикът*, Вера Маровска представя виждането, че метафората е „универсален и изначален езиков механизъм“, а така също, че метафоричният принцип „е залегнал във вътрешната форма на всяка дума или изграждащите я морфеми“ (с. 324). Разглеждат се различни виждания за същността на метафората и се изгражда иновативна концепция за нея на различните езикови равнища.

Във втората статия – на Микеле Пранди *Una visione inclusiva delle metafore*, се обсъжда разграничението между конвенционалните и „живите“ метафори на нашето ежедневие. Конвенционалните метафори са представени като структури, използвани от хората обикновено в сферата на полисемията или във фигуративната употреба, документирани в текстове. Докато „живите“ метафори са интерпретирани като инструменти за концептуално пресъздаване, осъществено благодарение на способността на ядрените синтактични структури да оформят конфликтни сложни значения. В поетичните метафори създаването е обратимо, ограничено до конкретен текст. В науката обаче, за разлика от това, метафорите водят до създаването на нови понятия, които се превръщат в специални значения на специализирани термини.

В статията си „Тематичният кръг „професия“ в учебни системи по немски език като чужд“ Айля Илиязова предлага съдържателен анализ на няколко помагала по немски език като чужд, предназначени за развиването на професионални компетентности и професионални компетенции у възрастни обучавани, необходими за бъдещата им професионална реализация чрез владеене на немския език.

Разговорната реч е област на траен научен интерес от Йовка Тишева. В статията си *За функциите на повторенията в разговорната реч* изследователката предлага анализи на различни видове повторения, често сочени като ирелевантен синтактичен елемент в структурата на изказването. Авторката задълбочено изследва функциите на повторенията, принадлежността към различни части на речта, мястото им в изказването и причините за появата им.

В статията на Юлияна Стоянова *Елементи на художествения стил в ранното детство* се повдига въпрос, който не попада често във фокуса на лингвистичните изследвания. Въз основа на конкретни емпирични данни (писмени текстове на едно дете) авторката представя същностни особености в овладяването на художествения стил във възрастта между 6 и 7 и половина години.

Както става ясно от заглавието на статията на Жанета Андреева *Стилистични особености на неправилните брахилогии в съвременните български политически речи*, обект на изследователски интерес на неправилни брахилогии, чрез които се реализира „манипулиране на адресата чрез демагогско съдържание в дискурса на политическото говорене“. Авторката базира наблюденията си върху богата емпирична база данни от съвременни български политически речи, включени в корпуса LABMETA.

Преводът на българска художествена литература и нейното издаване в Турция в най-ново време е обектът на изследване в статията на Зейнеп Зафер *(Българската художествена литература в Турция след 90-те години на XX век*). Авторката разглежда няколко периода в преводната рецепция на българската художествена литература в Турция.

Валентин Петрусенко с голяма сърдечност разказва свои лични спомени от общуването с Димитър Попов. В текста ясно се усеща истинското приятелство между двамата, останало за цял живот.

Сборникът приключва с вълнуващия текст на Милена Димитрова *Да вървим напред, каквото и да ни чака!*, който е посветен на Димитър Попов.

Книга 10 от поредицата *Отговорността пред езика* успешно изпълнява две важни задачи: от една страна, да представи конкретни съвременни приноси, които верифицират отговорността на съвременните лингвисти към езика, и от друга страна – да бъде изказано и да стане видимо за научната общност уважението към колегата и учения проф. д-р Димитър Попов.

Prof. Krasimira Aleksova, DSc
ORCID: 0000-0003-3205-9958
Department of Bulgarian Language
Sofia University “St. Kliment Ohridski”
Faculty of Slavic Studies
Sofia, Bulgaria
e-mail: krasimira_aleksova@slav.uni-sofia.bg

https://doi.org/10.60056/SE.2026.1.160-166

МЕЖДУНАРОДНАТА НАУЧНА КОНФЕРЕНЦИЯ *ПАИСИЕВИ ЧЕТЕНИЯ 2025* – ФОРУМ НА ЕВРИСТИЧНИТЕ ИДЕИ В ЛИНГВИСТИКАТА И ЛИТЕРАТУРОЗНАНИЕТО

В началото на ноември 2025 година Пловдивският университет „Паисий Хилендарски“ и в частност Филологическият факултет бяха домакини на традиционния научен форум за български и чуждестранни езиковеди и литературоведи *Паисиеви четения 2025*, в който взеха участие 134 участници от 9 държави (България, Полша, Чехия, Сърбия, Хърватия, Украйна, Гърция, Германия, Швеция). Българските участници бяха от различни научни институции: ПУ „Паисий Хилендарски“, СУ „Св. Климент Охридски“, ВТУ „Св. св. Кирил и Методий“, ЮЗУ „Неофит Рилски“, ШУ „Епископ Константин Преславски“, Нов български университет, Лесотехнически университет в София, Медицински университет – Пловдив, Аграрен университет – Пловдив, Американски университет в Благоевград, Академия на МВР, Тракийски университет – Стара Загора.

За 43-ти пореден път събитието успя да възвеличае силата на словото чрез текстовете и дискусиите, приятелството и научния диалог, с които бяха изпълнени конферентните дни. Конференцията бе реализирана с финансовата подкрепа на националния фонд „Научни изследвания“. В нейните рамки бяха обособени девет секции и една кръгла маса, отразяващи богатото разнообразие на специалностите във факултета: от българистика и чуждоезикови изследвания до литературознание, културология и съвременни образователни практики.

Тази година форумът продължи четири дена (6–9 ноември), като традиционните четения бяха съпътствани и от културни събития, оставили ярък спомен в съзнанието на участниците и гостите.

Откриването на конференцията се състоя в емблематичната за Филологическия факултет 10. аудитория, носеща името на доайена на Пловдивската лингвистична школа и незабравим учител на поколения филолози проф. д.ф.н. Иван Куцаров. Водещ на церемонията беше ръководителят на организационния екип на събитието и заместник-декан по научноизследователската, проектната и организационната дейност на Факултета проф. д-р Красимира Чакърова, която за поредна година приветства участниците и гостите и сподели радостта си от утвърждаването на Паисиевите четения като международен форум на евристичните идеи в областта на лингвистиката и литературознанието. Заместник-ректорът по международна дейност и връзки с обществеността доц. д-р Борян Янев поздрави присъстващите от свое име и от името на ректорското ръководство, споделяйки, че *Паисиевите четения* са устойчива традиция, обединяваща учени, докторанти и студенти от България и чужбина в дух на научен обмен и академично партньорство. Приветствие към

всички отправи и деканът на Филологическия факултет проф. д.ф.н. Константин Куцаров, пожелавайки им ползотворна работа и плодотворни дискусии. По традиция отговорният редактор на *Научните трудове на Филологическия факултет* доц. д-р Юлиана Чакърова представи томовете с докладите от предходното издание на конференцията.

Пленарния доклад тази година изнесоха проф. д-р Велка Попова, проф. д-р Димитър Попов от Шуменския университет „Епископ Константин Преславски“ и доц. д-р Биляна Мартиновски от университета в Гьотеборг, Швеция. Те презентираха съвместното си изследване *Българският език във фокуса на естествения и изкуствения интелект*, което засяга интересни, иновативни и актуални теми не само в лингвистиката, а и в сферата на когнитивните проучвания. Докладът проследява проблема за отношението естествен интелект – изкуствен интелект при изучаването на българския език. Направен е опит фрагмент от българската езикова картина на света да бъде представен посредством съпоставка на информация, генерирана от ChatGPT, и резултати от психолингвистично проучване.

Веднага след откриването на конференцията участниците и гостите имаха възможност да съпреживеят две съпътстващи събития: изложбата „Изкуство и обществено пространство“, представяща проекти за монументално-декоративна живопис на пловдивски художници от колекциите на Народната библиотека „Иван Вазов“, която беше презентирана от директора Димитър Минев и заместник-директора Антоанета Лесенска, и изложбата, озаглавена „Архитектура на мисълта“, включваща синтактични дървовидни структури на изречения от текстове на български автори. Тя беше подготвена от студенти и докторанти във Филологическия факултет под ръководството на гл. ас. д-р Димитър Георгиев.

Конферентните заседания бяха разпределени в два дена – 6 и 7 ноември, в секциите *Славистика, Англицистика (Лингвистика и преподаване, Литература и култура, Лингвистика, Проблеми на литературата и литературната история), Бохемство в литературата (70 години от рождението на Добромир Тонев), Актуални тенденции в развитието на съвременния български език, Балканите – езици и култури, Германистика, Романистика, Испанистика, Русистика* и кръглата маса *Традиция и приемственост в българския книжовен език през вековете.* Разнородните текстове представиха тенденциите в развитието на българистиката, чуждоезиковата лингвистика, литературознанието, културологията, съвременните образователни практики.

В секцията по славистика бяха заявени 22 доклада с езиковедска и литературоведска насоченост. В рамките на съпоставителното езикознание бяха представени 7 текста, интерпретиращи широк кръг въпроси – от историческото развитие на отделни езикови явления и философските основания на категорията време до културната идентичност, фолклорните образи и съвременната детска литература. Людмила Попович говори за употребата на несъгласуваните деепричастия в украинските конструкции от XVI – XVIII век, представяйки и резултатите от контрастивен анализ между самостоятелното деепричастие в староукраинския език и сръбския абсолютен герунд. Върху езиково и културно фиксирания образ на караконджула беше текстът на Йоанна Млечко, а животът и творчеството на Константин Паустовски бяха анализирани в доклада на Людмила Ромашченко. Въпросът за кул-

турната идентичност на чуждестранните студенти в България бе коментиран от Петя Клинкова, а интересните и многопластови отношения между част от славянските народи пък представи Вяра Найденова. Мотивът за самотата и философските вектори на времето в пространството на лингвистиката бяха засегнати в текстовете на Мартина Салхиова и Светла Джерманович. Презентираните доклади предизвикаха оживена дискусия, в рамките на която участниците обсъдиха различни аспекти на разглежданите теми – от историческите и философските основания на езиковите категории до ролята на културните контакти, фолклорните образи и литературните интерпретации на човешкия опит. Особен интерес предизвикаха въпросите, свързани с взаимодействието между език, култура и идентичност, както и възможностите за интердисциплинарен подход при изследването на тези явления. Сериозни и задълбочени наблюдения върху разнообразни литературни теми предложиха и текстовете в литературоведската част – Адам Регевич, Димитрина Костадинова-Хамзе, Таня Янкова, Виолета Вейс-Милевска, Дорота Голек-Сепетлиева, Марчин Байко, Мачей Кшемински, Анна Яницка, Ярослав Лавски, Патрик Чехановски, Радослав Славомирски, Мирослав Коуба и Дениса Вързачкова споделиха своите наблюдения и разсъждения върху интригуващи произведения, познати и неизвестни факти за тях и авторите им. Участниците в секцията бяха от Сърбия, Полша, Чехия, Украйна и България. Дискусиите допринесоха за задълбочаването на научния диалог и очертаха нови перспективи за бъдещи изследвания.

Секцията *Dial E for English* беше организирана в четири заседания с общо 18 научни доклада, разпределени в лингвистични и литературни панели. Първото от тези заседания бе посветено на когнитивната лингвистика, преподаването на чужд език и употребата на изкуствения интелект и бе открито в четвъртък. В него взеха участие Евстратиос Кириакакис и Ивайло Дагнев, коментирайки ролята на метафорите в различни контексти. Останалите два доклада – на Ирена Димова и Ирина Кюланова, бяха вдъхновени от преподаването на английския език и прилагането на иновативни методи. В лингвистичната секция в петък бе обърнато внимание на интересни въпроси от лексикологията, дериватологията и синтаксиса, анонсирани от Ива Янкова, Мария Коларова, Красимир Спасов и Биляна Овчарова. Не по-малко интригуващи въпроси бяха засегнати в секциите, посветени на литературоведски проблеми. Преплитането на класически произведения като романа на Мери Шели „Франкенщайн“ и развитието на модерните технологии, поглед към литературата на САЩ с позабравени романи и интересни от езикова гледна точка американски сериали, произведения на британски автори от 19. век са само малка част от темите, представени от Витана Костадинова, Мария Стоенчева, Божидара Бонева-Каменова, Александрина Угренова, Яна Роуланд, Кристина Ясенова, Мария Димитрова и Цветелина Стойкова. Дискусиите и в двата дни бяха изключително интересни и макар невинаги въпросите да намираха отговор, те успяха да очертаят нови перспективи за бъдещи размишления.

В секцията, посветена на 70 години от рождението на Добромир Тонев и озаглавена *Бохемството в литературат*а, бяха изнесени четири доклада. Два от тях – *Лириката на Добромир Тонев по страниците на литературните издания в*

Пловдив през 70-те и 80-те години на 20. век от Гергина Кръстева и *Темпорални пластове в поезията на Добромир Тонев* от Александър Христов представиха нов прочит на творчеството на изтъкнатия автор. Другите два текста – *Романтичното бохемство* от Светла Черпокова и *Кабаре и литература* от Младен Влашки пък акцентираха върху темата, избрана за заглавие на секцията, поднасяйки интересни разсъждения върху подбрани литературни произведения.

За поредна година секцията *Актуални тенденции в развитието на съвременния български език* се радваше както на присъствието на утвърдени лингвисти, така и на млади учени и докторанти, представящи своите езиковедски изследвания. Бяха презентирани 13 доклада по различни теми от областта на съвременния български език. По традиция най-много текстове засягаха въпроси, свързани с морфологичната система. Бяха представени оригинални становища, които породиха дискусия. Работния процес в секцията откри Константин Куцаров, коментирайки категорията падеж през призмата на граматиката на Юрий Венелин. Красимира Алексова обобщи резултатите от анкетно проучване върху четирите евиденциала в българския език, а Красимира Чакърова фокусира вниманието си върху приблизителните числителни в нашия език, като постави специален акцент върху начините на образуването им и функционалните им особености. Обзор на произхода на наречията в българския език предложи Милена Видралска; Десислава Димитрова представи морфоструктурата на въпросителните местоимения и производните от тях прономинални форми; Ирена Русева припомни и анализира българските начинателни представки, а Божидар Бояджиев коментира мястото на причастията във функционално-семантичното поле на заложността в българския и в италианския език. За промените в лексикалното значение и за особеностите на афиксоидите говориха в презентациите си Бистра Дикова и Мария Бялдимова. Димитър Георгиев обърна внимание на функционалната интерпретация на подчинените изречения към наречия, а Жанета Андреева се спря на въпроса за модалността като стилистичен маркер в политическите речи на д-р Константин Стоилов. В доклада си Димитрия Маринкова представи някои нагласи на пловдивчани към западнобългарски некодифицирани варианти на социолингвистични променливи. Мирослав Михайлов анализира палаталните съгласни в съвременните родопски говори, прилагайки автентични записи на носители на диалекта. Всички представени доклади – и тези, които коментираха въпроси от историята на българската лингвистика, и тези, които бяха свързани със съвременното състояние на езика ни – успяха да предизвикат плодотворни дебати. Обсъжданията бяха изключително интересни и продължиха след обявеното време. В тях се включиха не само участниците, а и гостите, сред които бяха и изтъкнати езиковеди от чужбина.

Секция *Балканите – езици и култури* очаквано се радваше на голям интерес от страна на колеги, студенти и гости на конференцията. В нея участваха представители на пет български университета, на един гръцки, както и двама независими изследователи. Тематичната мозайка включваше изследвания в областта на литературата и превода, лингвистиката, обучението и образованието, религията, медиите, рекламата. На гръцкия език (в неговия континуум от старогръцки до съвременен гръцки) и гръцко-българ-

ското културно взаимодействие бяха посветени най-голямата част от представените доклади (6 от общо 11) от Стойна Пороманска, Дора Савова, Вероника Келбечева и Гергана Петкова, Драгомира Вълчева, Христина Марку и Димитриос Румпос. Аудиторията се запозна също с две интересни съпоставителни балканистични изследвания – за лексемата *baş* в турския език от Харун Бекир, както и езиково-културен сравнителен анализ на две статии в пресата на България и РС Македония за пожара в Кочани от Цветелина Захариева. Любопитни наблюдения върху българския слънчев летобройник презентира Весела Иванова, а актуален и дискусионен завършек постави докладът на Ани Кемалова за перспективите и предизвикателствата на диахронната лингвистика в ерата на изкуствения интелект.

Доклади на изследователи от различни университети в България и Германия бяха презентирани в секция *Германистика*. Бяха разгледани разнообразни аспекти на съвременните германистични изследвания – от лингвистични и прагматични проблеми през културологични и литературни анализи до въпроси, свързани с чуждоезиковото обучение и интеркултурната комуникация. Бяха обсъдени теми като употребата на лексикални средства в дигиталната реклама на градове (в доклада на Милена Иванова); маркерите на учтивост в административни текстове представи Калина Щерева-Емрих, а Ева Майер коментира развитието на немските концесивни съюзи. Ролята на езика и емоциите бяха анализирани от Иванка Танева, а Боряна Тенчева се спря на различните проявления на културната памет. Интересна тема презентира Радослава Минкова, а именно дигиталната комуникация в съвременната литература. След докладите последваха кратки, но съдържателни дискусии. Особен интерес предизвикаха въпросите, свързани с културната обусловеност на езиковите избори и с начина, по който те влияят върху междукултурната комуникация и превода. Бяха подложени на коментар и предизвикателствата пред преподаването на немския като чужд език, включително ролята на емоционалните фактори за развитието на комуникативна компетентност в учебния процес, провокирани от текста на Станислава Илиева. Беседването по интересните теми допринесе за обмен на идеи и за очертаване на нови перспективи за бъдещи изследвания в областта на германистиката.

В секцията по романистика бяха изнесени 11 доклада с литературоведска и методологическа насоченост. Своите разсъждения споделиха Мая Тименова-Коен, Радостина Лилова, Десислава Дамянова, Анета Тошева, Андрей Иванов, Нина Чочева, Радея Гешева, Мария Байрактари, Теодора Драганова, Иванка Ненова, Златороса Неделчева-Белфанте. Дискусията при представянето на докладите в областта на френската и италианската литература беше свързана най-вече с проблема за рецепцията на чуждоезиковата литература от страна на студентите. Бяха обсъдени въпросите за трудностите при четенето, анализирането и възприемането на литературни текстове от по-отдалечени периоди като 17.–19. в., както и методите, които преподавателите могат да използват по-активно, за да инициират интерес у студентите към изучаването на културния контекст, в който се ситуира творчеството на даден автор.

Интересни доклади, посветени на различни езикови, литературни и културологични аспекти на испаноезичния свят, бяха представени в секция „Испа-

нистика“. Докладчиците бяха от няколко български университета, като текстовете им се отличаваха с тематична пъстрота и задълбочен аналитичен подход. Своите изследвания презентираха Юлия Митева, Райна Танчева, Боряна Дукова, Джесика Де Манев и Таня Найденова-Чорбаджийска, Даниела Александрова, Албена Сера и Мария Нанева. Последвалата дискусия предизвика интерес не само сред участниците, но и сред присъстващите студенти от специалностите с испански език във Филологическия факултет и Философско-историческия факултет на Пловдивския университет „Паисий Хилендарски“.

В секция *Русистика* бяха представени 19 доклада на специалисти езиковеди, литературоведи и методисти от България и чужбина. Лингвистичните изследвания бяха посветени на разнообразни фонетични, лексикални, морфологични и стилистични въпроси, свързани с руския език (вкл. и в съпоставителен план). В методическия, лингвокултурния и преводаческия модул на секцията се включиха текстове за използването на различни подходи при занятията със студенти, усвояващи руски език и култура, бяха разисквани и актуални лингвокултурни и преводачески проблеми. Силвия Ганчева акцентира върху фонографските средства в руските рекламни текстове, Михал Янкович говори за употребата на жаргонизмите на руския валутно-фондов пазар, а Изабела Козера-Славомирска разгледа сериалните глаголни конструкции в руския език в съпоставка с турските им еквиваленти. Граматичната реализация на семантичната опозиция „одушевеност-неодушевеност“ коментира Енчо Тилев, а Милена Стойкова представи интерактивния подход при извънаудиторни и извънкласни занятия със студенти, усвояващи руски език и култура. За процесите на прехода на различни части на речта в междуметия в българския и руския език изнесе доклад Красимира Петрова, докато Анастасия Кехайова предложи анализ на музикалния културен код като лингвокултурен феномен. Елица Миланова и Инг Ванг презентираха характерологичните концепти в руската и китайската лингвокултура, а Майя Кузова обърна внимание на експресията на недоизказаността, прекъснатите, недоговорени фрази и функциите на паузата. В литературоведската част от докладите в секцията бяха засегнати актуални и любопитни теми в творчеството на различни автори: за екфразиса в поезията на А. Майков (от Иоанна Дзедзиц); за интертекстуалните диалози с руската литература в творчеството на Ян Чиквин (от Артур Захар); за островитяните на Е. И. Замятин (от Димитър Карагеоргиев); за лъжците и маргиналите в творчеството на Л. Улицка (от Даниела Георгиева-Колева). Представени бяха и аналитичните текстове на Зоя Иванова за проблемите на паметта при А. Бели, А. Блок, Н. Гумильов; на Николай Нейчев, който интерпретира „Пътеводител на галактическия стопаджия“ на Д. Адамс като (science fiction) проявление на херменевтичния принцип „текстова нелокалност“; Ренета Божанкова представи еволюцията в жанра на писателските интервюта със съвременни руски автори (Е. Водолазкин и М. Степнова) в контекста на онлайн медиите, а Владислава Иванова коментира генерационната проблематика в творчеството на А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов и И. С. Тургенев.

В рамките на Паисиевите четения се проведе традиционната вече за конференцията кръгла маса със заглавие *Традиция и приемственост в българския книжовен език през вековете*. Очертаха се различни тематични области, а основната цел беше да се свържат предвъзрож-

денската и възрожденската проблематика и да се обогати с теми, свързани с приемствеността в българския книжовен език през вековете. В текста си Невена Гавазова изтъкна значението на Цамблаковото поучение за почитта към светците и стремежа им към добри дела, а Найда Иванова анализира концепциите за нормата през последните десетилетия на XVIII до средата на XIX в., когато доминира книжовноезиковата разновидност от смесен тип. Доклад, посветен на проблематиката, свързана със славянобългарския езиков тип в българската възрожденска историография, представи Атанаска Тошева, а със своя текст Таня Нейчева успя да ни въведе в света на Slavia Orthodoxa. Два доклада бяха посветени на анонимното авторство в ръкописните книги – текстовете на Генчо Баневи Димитър Пеев. Върху интересни въпроси, свързани с възрожденските граматики, бяха текстовете на Иво Братанов, Мария Мицкова, Александър Николов и Детелина Овчарова. Темата за развитието на новобългарския език през Възраждането беше продължена и в текстовете на Диана Иванова (за анализа на превода на Четириевангелието в Цариградската библия с оглед на процесите на консолидация и интеграция на езиковите средства през третата четвърт на XIX век); на Елена Гетова (за Славейковата следосвобожденска журналистика); на Теодора Илиева (тя представи сравнителен анализ на идиолектите, характерни за представителите на старозагорската мемоаристика от пред- и следосвобожденския период) и на Кольо Хубенов, който направи анализ на варненската възрожденска община (1868–1870). Изнесените доклади се отличаваха с иновативен характер, както и с приноси към историческата лингвистика и породиха оживена дискусия.

Конферентите дни включваха и редица литературни и културни събития, които се радваха на интерес от докладчиците и гостите. На 7 ноември в зала „Компас“ се състоя премиерата на поетичната книга на доц. д-р Димитрина Хамзе „Да нарисуваш Живота“, представена от проф. д.ф.н. Жоржета Чолакова. Част от научната програма беше и форумът „Книги и идеи“, на който бяха презентирани новоиздадените книги, плод на научните търсения на преподавателите от Филологическия факултет. Презентатори бяха проф. д.ф.н. Жоржета Чолакова, проф. д-р Надя Чернева, доц. д-р Елица Миланова, гл. ас. д-р Десислава Димитрова и гл. ас. д-р Боряна Тенчева. Културната програма включваше посещение на Епископската базилика на Филипопол, на Стария град, както и познавателна екскурзия под надслов „Литературни маршрути в Пловдив“ с ръководител доц. д.ф.н. Младен Влашки.

Всички конферентни събития, както и традиционният коктейл в първата вечер на конференцията дадоха възможност на участниците не само да коментират различни дискусионни въпроси, да обменят научни идеи, но и да създадат нови и плодотворни колегиални контакти.

Prof. Krasimira Chakarova, PhD
ORCID ID: 0000-0001-8909-1874
Department of Bulgarian Language
Paisii Hilendarski University of Plovdiv
Plovdiv, Bulgaria
e-mail: krasian@uni-plovdiv.bg

Chief Asst. Prof. Milena Vidralska, PhD
ORCID ID: 0009-0001-2494-3615
Department of Bulgarian Language
Paisii Hilendarski University of Plovdiv
Plovdiv, Bulgaria
e-mail: m.vidralska@uni-plovdiv.bg

ISSN 0204 - 8701 (печатно издание)
ISSN 3033 - 0440 (онлайн издание)

КНИГИ И ПЕРИОДИЧНИ ИЗДАНИЯ, ПОЛУЧЕНИ В РЕДАКЦИЯТА
BOOKS AND PERIODICALS RECEIVED

Б. Вунчев – *Глаголите intransitiva activa tantum, залог, (ин)транзитивност и непасивизация в новогръцкия език*. София: Университетско издателство „Св. Климент Охридски“, 2025, 287 с.

Б. Михайлова – *Към корените на страха. Етимологично изследване на една емоция*. София: Издателство „Ни плюс“, електронно издание Факултет по славянски филологии. 2026, 248 с.

Отговорността пред езика. Книга 10. Сборник, посветен на 65-годишнината на проф. д-р Димитър Попов. Шумен: Университетско издателство „Епископ Константин Преславски“, 2024, 402 с.

Отговорността пред езика. Книга 11. Сборник, посветен на 65-годишнината на проф. д-р Велка Попова. Шумен: Университетско издателство „Епископ Константин Преславски“, 2025. 441 с.

Slavia. Časopis pro slovanskou filologii. Praha: Slovanský ústav AV ČR, v.v.i., Ročnik 94, sešit 3, 2025.

Slavia. Časopis pro slovanskou filologii. Praha: Slovanský ústav AV ČR, v.v.i., Ročnik 94, sešit 4, 2025.

Slavia. Časopis pro slovanskou filologii. Praha: Slovanský ústav AV ČR, v.v.i., Ročnik 95, sešit 1, 2026.